

Раздел 3

ФИЛОЛОГИЯ

Редакторы раздела:

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЖАТКИН – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и переводоведения Пензенской государственной технологической академии (г. Пенза)

ЛАРИСА МИХАЙЛОВНА ВЛАДИМИРСКАЯ – доктор филологических наук, профессор Алтайской академии экономики и права (г. Барнаул)

УДК 821.161.1

Abdulkadyrova P.M. COMPARATIVE PHRASEOLOGICAL UNITS WITH ZOONYMS IN DARGIN AND RUSSIAN LANGUAGES. This article considers the questions of comparative analysis of phraseological units with zoonyms in the Dargin and Russian languages. Materials, given in the work, are of great interest in terms of a comparative study of comparative phraseological units in non-relating languages.

Key words: comparative phraseological units, Dargin language, Russian language, equivalents, analogues, zoonyms.

П.М. Абдулкадырова, канд. филол. наук, доц. каф. английского языка, ФГБОУ ВПО «Дагестанский гос. педагогический университет», г. Махачкала, E-mail: uzlipat066@mail.ru

КОМПАРАТИВНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ ДАРГИНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ С КОМПОНЕНТОМ ЗООНИМОМ

В настоящей статье рассматриваются вопросы сопоставительного анализа компаративных фразеологических единиц с компонентом-зоонимом в даргинском и русском языках. Материалы, приводимые в работе, представляют большой интерес в плане сопоставительного изучения компаративных фразеологических единиц исследуемых языков.

Ключевые слова: компаративные фразеологические единицы, даргинский язык, русский язык, эквиваленты, аналоги, компонент-зооним.

Объектом исследования в настоящей работе является материал, до сих пор не подвергавшийся анализу с точки зрения типологии – компаративные фразеологические единицы даргинского и русского языков. Сопоставительно-типологическое изучение как родственных, так и неродственных языков, выявляет, с одной стороны, тех универсальных закономерностей, в которых отражается сущность языка как определенного явления, а с другой – национальных особенностей конкретной специфики отдельных языков, в настоящее время развивается особенно интенсивно.

Научная новизна исследования определяется, прежде всего, тем, что данное исследование представляет собой первую попытку специального сопоставительного исследования компаративных фразеологических единиц в двух генетически неродственных языках – в даргинском и русском. В этом плане, полученные в ходе исследования, результаты, на наш взгляд, следует считать новыми и актуальными для теории сопоставительного и типологического языкознания. Системное исследование компаративной фразеологии с точки зрения их этнокультурной специфики на материале даргинского и русского языков позволяет провести сопоставительный лингвокультурологический анализ и выявление особенностей национального менталитета и культурно-информационного характера народов – носителей указанных языков. Компаративная фразеология обоих исследуемых языков богата и разнообразна по форме и семантике. В ее составе имеются значительное количество КФЕ, отличающихся образностью и стилистической разноплановостью. Компаративная фразеология – обширный пласт любого языка и одна из наи-

более распространенных и древних форм языковой номинации, ибо через сравнение, в том числе и через сравнение с животными, человек издавна постигал окружающий мир и самого себя. Сопоставление «неизвестного или малоизвестного с известным и хорошо знакомым – один из древнейших и надежнейших способов наименования» [1, с. 174].

Ниже мы приводим компаративные фразеологические единицы с компонентом-зоонимом даргинского языка, имеющие эквивалент в русском языке: дарг. *гурдаван г1ямултар* – русс. *хитрая как лиса*; дарг. *цураван ц1терхси* – русс. *жирный как свинья*; дарг. *житара хяраван* – русс. *как кошка с собакой*; дарг. *эмх1еван варскъа* – русс. *упрямый как осел* и т.д.

Компаративные фразеологические единицы с компонентом-зоонимом в обоих исследуемых языках составляют достаточно большое количество единиц. Многие сравнения обнаруживаются в ряде языков, т.к. основаны на общечеловеческой практике. Эти языки не обязательно должны быть близкородственными. Как известно, большая группа компаративных ФЕ имеет интернациональный статус. Они повторяются как в генетически родственных, так и неродственных языках мира. Потому что «основные признаки, свойства, функции, присущие фразеологии разных языков, универсальны» [2, с. 266]. «Наблюдения как над дагестанскими, так и над фразеологизмами генетически неродственных языков свидетельствуют, что между национальным и интернациональным нет непреодолимых границ» [3, с. 135].

Компаративные фразеологические единицы, имеющие аналоги (компаративные ФЕ, отличающиеся частично) наблюдаются в обоих языках. Здесь мы ставим знак приблизительного ра-

венства: дарг. *пурсукъван усес* «спать как барсук» ≈ русс. спать как боров; дарг. *эмх1еван узес* «работать как осел» ≈ русс. работать как лошадь и т.д.

Аналоги, обнаруживаемые в различных территориально и генетически далеких друг от друга языках, особенно по отношению к компаративным ФЕ, нельзя считать только результатом заимствования или калькирования. В каждом языке действует такое явление, как независимое возникновение фразеологических параллелизмов, характеризующихся полным или частичным совпадением как плана содержания, так и плана выражения – основной путь становления интернациональной фразеологии.

Образное видение мира, дух народа, его опыт освоения природы и познания самого себя наиболее ярко отражается в компаративных фразеологических единицах, в частности в КФЕ с компонентом-зоонимом. Помимо КФЕ, значения которых совпадают, и в даргинском и в русском языках имеются КФЕ, которые совершенно не имеют аналогов между собой. Компаративные ФЕ даргинского языка широко включают в свой состав образы реальной действительности, окружающие хайдакцев. Здесь наиболее богато представлены компаративные ФЕ, обозначающие представителей фауны. В даргинском языке: *эмх1егъуна ахмах* букв. «глупый, как осел», «дурак», *эмх1елисван дикахъес* букв. «бить, как осла», *эмх1елагъуна лих1бар* букв. «как ослиные уши», «уродливый», *урчила къу1рукъван* букв. «как лошадиный хвост», «не отрываясь», *урчила дях1гъуна* букв. «как лошадиное лицо», «некрасиво», *хялис игъубси терхъаван* букв. «как собаке палка», «все равно», *някълизибси кигъагъуна* букв. «как баран в руках», «очень хорошо», *къачала гулигъуна* букв. «как шкура теленка», «грубый, необработанный», *бец1гъуна мурул* букв. «мужчина как волк», *г1ярала къуйрукъван* букв. «как заячий хвост», «короткий, некрасивый» и т.д.

В русском языке: *зоркий как рысь*, *нюх как у собаки*, *ловкий как обезьяна*, *уперся как баран*, *угрюмый как бирюк*, *глуп как сивый мерин*, *уставиться как баран на новые ворота*, *носиться как курица с яйцом*, *разбираться как свинья в апельсинах*, *выкурить как лису из норы*, *как собака на сене*, *нужен как собаке пятая нога* и т.д.

Наши наблюдения показали, что в даргинском языке наиболее частотными компонентами КФЕ являются *эмх1е* «осел», *урчи* «лошадь», *хя* «собака», *бец1* «волк». Реже всего встречаются такие зоонимы как *къача* «теленка», *г1яра* «заяц», *мукъара* «ягненок». В русском языке наиболее частотными компонентами в КФЕ являются: домашние животные: *собака*, *кошка*, *коза*, *лошадь*, *свинья*. Второе место по частоте упоминания среди зоонимов занимают дикие животные, а на третьем месте – птицы, на четвертом – рыбы. Реже всего упоминаются насекомые.

Наличие данных тематических групп только в одном из исследуемых языков говорит о том, что эта особенность, харак-

терная даргинской или русской компаративной фразеологии, носит субъективный характер. Это обусловлено экстралингвистическим фактором. Наши наблюдения позволяют получить результаты, имеющие определенную научную ценность и на этих материалах еще раз подтвердившие нашу концепцию о наличии уникального фразеологического фонда каждого языка. Каждая КФЕ проходит сложный путь, и на них в первую очередь оказывают влияние экстралингвистические факторы. После сопоставления нескольких групп типичных даргинских и русских компаративных фразеологических единиц с компонентом-зоонимом мы пришли к следующему выводу: совпадения могут быть разными – полными и частичными. Наличие компаративных фразеологических единиц, не имеющих ни аналога, ни эквивалента в сопоставляемых языках, подтверждает верность взглядов В.фон Гумбольдта на природу языка: «Большинство обстоятельств, сопровождающих жизнь нации, будь то: место проживания, климат, религия, государственное устройство, обычаи и нравы, в определенной мере можно отделить от нее. Только одно имеет совершенно иную природу, является самым дыханием, душой нации, проявляется везде, в каждом ее шаге – это язык» [4, с. 6].

Сопоставление даргинских КФЕ с их семантическими эквивалентами русского языка наглядно демонстрируют интересные данные для дальнейшего сопоставительного анализа КФЕ даргинского языка и русского языка в типологических целях. Сопоставительный анализ показал, что компоненты-зоонимы отражают такие качества человеческого характера, как выносливость (дарг. *жибх1агъуна* «как цыпленок» – русс. *слабый как цыпленок*), внешний облик (дарг. *ц1удара къянагъуна* – русс. *черный как ворон*), психические качества (дарг. *эмх1еван варскъа* «упрямый как осел» – русс. *упрямый как бык*), интеллект (дарг. *гурдагъуна г1ямултар* «хитрый как лиса» – русс. *хитрый как лиса*), умения, повадки (дарг. *бялихъван лех1кахъес* «нем как рыба» – русс. *нем как рыба*) и т.д.

Сопоставительное изучение компаративных фразеологических единиц даргинского и русского языков показывает, что в обоих языках можно обнаружить большое количество образов, заимствованных из животного мира. Животное было для людей не только источником питания и одежды, но и мерилем многих человеческих качеств – как физических, так и нравственных. «В таких компаративных фразеологических единицах с максимальной очевидностью отражаются национальные формы образного мышления» [1, с. 151].

Резюмируя вышеизложенное, существование в ряде языков одинаковых сравнений наводит на мысль о более широкой типологической значимости этого явления. Изучение его требует, конечно, дополнительных тщательных и глубоких специальных научных разысканий.

Библиографический список

1. Мокиенко, В.М. Славянская фразеология. – М., 1989.
2. Соподухо, Э.М. Теория фразеологического сближения. – Казань, 1989.
3. Исаев, М-Ш.А. Структурная организация и семантика фразеологических единиц даргинского языка. – Махачкала, 1995.
4. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры. – М., 1985.
5. Гасанова, У.У. Лексический состав и словообразование хайдакского диалекта даргинского языка. – Махачкала, 2011.

Bibliography

1. Mokienko, V.M. Slavyanskaya frazeologiya. – M., 1989.
2. Solodukho, E.M. Teoriya frazeologicheskogo sblizheniya. – Kazanj, 1989.
3. Isaev, M-Sh.A. Strukturnaya organizaciya i semantika frazeologicheskikh edinic darginskogo yazihka. – Makhachkala, 1995.
4. Gumboljdt, V. Yazihk i filosofiya kul'turih. – M., 1985.
5. Gasanova, U.U. Leksicheskiy sostav i slovoobrazovanie khayjdakskogo dialekta darginskogo yazihka. – Makhachkala, 2011.

Статья поступила в редакцию 01.04.14

УДК 81'373.612.2

Alkenova S.N. WORD-FORMATION OF ONOMATOPOEIC WORDS OF THE ENGLISH LANGUAGE. This article is devoted to the theoretic investigation of the word-formation in the English language and to the characteristics of the most productive word-formation means, which are used in the enlarging of a class of onomatopoeic words of different parts of speech.

Key words: word-formation, affixation, conversion, compounding, onomatopoeic words.

С.Н. Алькенова, аспирант каф. английского языка, Горно-Алтайского гос. университета, г. Горно-Алтайск, E-mail: alkenova2013@mail.ru

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ СЛОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Настоящая статья посвящена теоретическому исследованию словообразования в английском языке, выявлению и характеристике наиболее продуктивных словообразовательных средств, посредством которых происходит пополнение лексикона подражательных слов и их распределение по всем частям речи.

Ключевые слова: словообразование, аффиксация, конверсия, словосложение, подражательные слова.

Анализ лексических новообразований в плане их функционирования и эволюции даёт полное представление о действиях словообразовательных способов, средств и моделей того или иного языка.

Словообразование как особый раздел языкознания стало складываться в 40-50-е годы (В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, А.И. Смирницкий). В отечественном языкознании принципы словообразовательного моделирования нашли реализацию в работах М.Д. Степановой, Е.С. Кубряковой, В.В. Лопатина, Е.А. Земской, И.С. Улуханова, Р.З. Мурясова и других авторов [1, с. 22].

Е.А. Земская в главе «Валентность морфем и понятие продуктивности» писала: «Описывая словообразование, необходимо изучить не только то, что реально существует, но и то, что возможно, хотя лексически не представлено. Такое изучение поможет обнаружить расхождения между потенциальными системами словообразования и тем, как их реализует норма языка и узус. Только такое рассмотрение даст полное представление о системе словообразования данного языка» [2, с. 6].

В настоящей работе мы каснёмся морфологических особенностей подражательных слов английского языка. Анализ морфологической структуры большого корпуса подражательных слов данного языка (1205 л.) позволяет разделить их на простые и сложные. Простые подражательные слова делятся на одинарные, сложные парные и повторные. Следует отметить также одинарные подражательные слова, которые имеют двух- или трехсложную структуру в своей основе: *whoopee*; *chatter*; *twitter*; *grindery*; *rookery*; *blowing*; *grunting*; *plashing*.

Э.Б. Айвазова в своей статье подразделяет подражательные слова на простые и сложные; последние – на идентичные (повтор компонентов без изменения звукового состава) и неидентичные (повторы с заменой начального согласного второго компонента; повторы с заменой гласных второго компонента; повторы при образовании которых второй компонент отличается от первого звуковым составом начального слога) [3, с. 1-4].

Прежде чем перейти к рассмотрению конкретных способов словообразования подражательных слов английского языка, хотелось бы, в общих чертах, описать основные правила словообразования. Согласно правилам словообразования, нужно учитывать все аспекты фонологии, лексики, синтаксиса, орфографии. Например, описывая аффиксацию следует, во-первых, владеть информацией о фонологических особенностях того или иного аффикса; во-вторых, какого типа этот аффикс (суффикс или префикс); в-третьих, каково его значение; в-четвертых, возможность или невозможность добавления данного аффикса к тому или иному слову. Так, например, префикс *-up* добавляется к прилагательным, но не к существительным и глаголам [4, с. 31]. Таким образом, словообразование следует рассматривать как сложный последовательный процесс создания новых слов.

По И.С. Улуханову, словообразовательный формант – это «наименьшее в звуковом и семантическом отношении словообразовательное средство (средства) из числа тех, которыми мотивированное слово отличается от своих мотивирующих. Обобщением формантов создается способ словообразования – объединение мотивированных слов, характеризующихся одним и тем же видом формантов (приставка, суффикс, сочетание приставки и суффикса и т.п.)» [2, с. 18].

Способ словообразования определяется через формант, а формант – через словообразовательное средство. И.С. Улуханов, словообразовательными средствами называет: 1) все материально (фонематически) выраженные и нулевые словообразовательные морфемы, которыми мотивированное слово отличается от мотивирующего (или мотивирующих); 2) различия в фонемном составе основ и в синтаксической позиции мотивирующих и мотивированных слов – в том случае, если каждое из этих различий является единственным различием между мотивирующим и мотивированным; 3) единое главное ударение и закреплённый порядок компонентов сложений, отличающие их от сочетаний мотивирующих слов [2, с. 27].

Одним из наиболее продуктивных способов словообразования в подражательных словах английского языка является аффиксация. Хотелось бы отметить некоторые характеристики данного способа словообразования.

Согласно И. Плаг, аффикс – присоединяемая к основе слова морфема. «Несмотря на столь ясное (лаконичное) определение, существуют, по крайней мере, две основные проблемы. Во-первых, нельзя с уверенностью определить, что это точно присоединительная морфема или свободная, во-вторых, что то или иное слово является основой или аффиксом. Примеры *error-free*, *prison-like* – сложные слова, так как *free*, *like* в свободной и присоединительной форме имеют одно и то же значение. Свободные морфемы имеют одно значение, например, *wise* – «мудрый», *less* – «меньше», а будучи присоединёнными к основе слова – другое: *education-wise* – «по отношению к, в части, касательно, в плане», *careless* – «беззаботный» (суффикс со значением без, не имеющий). Более того, как свободная морфема *less* выступает наречием, как суффикс *-less* образует прилагательные, аналогично морфеме *wise*, последняя как свободная морфема является прилагательным, а как суффикс используется для образования наречий. Из вышесказанного следует, что суффикс и свободная морфема различаются как лексически, так и морфологически [4, с. 72-73].

Другая проблема, связанная с аффиксацией, выдвигаемая И. Плаг, кроется в разграничении понятий аффикс и свободный корень. В широком смысле, корень – это центральный значимый элемент, к которому присоединяются аффиксы, но иногда возникают затруднения в определении того или иного элемента как центрально-значимого. Это касается целого класса слов, образованных неоклассическими морфемами. Например, *biorythm*, *photograph*, *neurology*, *photoanalysis*. В вышеперечисленных примерах неясно, являются ли выделенные курсивом элементы аффиксами или же свободными корнями. В любом случае следует отметить, что неоклассические морфемы *bio-*, *photo-*, *logy-* – это заимствования, а потому, как утверждает И. Плаг, в обязательном порядке являются присоединительными или же связанными. Они также именуются компонентами сложного слова. Таким образом, неоклассические морфемы нужно рассматривать только как компоненты сложных слов [4, с. 74].

Таким образом, распознавание того или иного аффикса следует проводить на основе структурных аргументов.

И. Плаг отмечает, что, несмотря на всё многообразие аффиксов, у них имеются некоторые общие свойства, позволяющие понять их суть. Можно также утверждать, что фонологические свойства аффиксов оказывают существенное влияние на свойства производных слов и на возможную сочетаемость аффиксов с корнями или же с другими аффиксами. Например, если проанализировать произношение следующих слов: *organize* – *reorganize*, *modify* – *premodify* / *signify* – *signification*, *selective* – *selectivity* до и после аффиксации, можно увидеть некоторые различия между префиксами и суффиксами. Во-первых, префиксы не видоизменяют произношение и форму основы слов, в то время как добавление суффиксов приводит к опущению или удалению конечной части основы, а также к смещению основного ударения. Следует также отметить, что все суффиксы, которые приводят к фонологическим изменениям основ слов, к чередованию звуков, начинаются с гласных. Все остальные суффиксы с согласными в начале не приводят к каким-либо изменениям основ слов [4, с. 79-83].

Немаловажным моментом является этимология суффиксов. Так, суффиксы германского происхождения (*native Germanic origin*) и суффиксы иностранного происхождения (*foreign origin*) по-разному влияют на производные слова. Например, латинизированные суффиксы (*Latinate suffixes*) *-ify*, *-ate*, *-ity*, *-al* обычно имеют связанные латинизированные корни в качестве основы (*identity*, *investigate*, *federal*), суффиксы германского происхождения *-ship*, *-ful*, *-ness*, *-hood* присоединяются к любым по происхождению корням (*friendship*, *sweetness*, *helpful*) [4, с. 84-86].

По И. Плаг, существуют разные подходы к классификации аффиксов, но у большинства из них имеются свои недостатки. Тем не менее, автор выделяет один критерий классификации аффиксов, а именно суффиксов, который заключается в морфологической категории производной формы. В английском языке суффиксы обычно соотносятся всего с одной категорией (кроме суффикса *-ish*), например, суффикс *-ness* образует только существительные, суффикс *-able* – только прилагательные, суффикс *-ize* – только глаголы [4, с. 85-86].

И. Плаг отмечает, что Хей и Баайен (Hay and Baayen) насчитывают 54 суффикса и 26 префикса в системе английского языка, Стоквелл и Минкова (Stockwell and Minkova) – 129 аффиксов [4, с. 85]. В любом случае, эти данные условны, так как словообразовательная система любого языка находится в непрерывной стадии своего развития.

Аффикс, при присоединении к производящей основе, реализует свое значение не изолированно, а в сочетании со словом-основой. Продуктивность словообразовательного суффикса зависит от структурных, лексико-грамматических и семантических особенностей как корневой основы, так и самого суффикса. Также наблюдается объединение производных разных словообразовательных моделей или типов, имеющих одно общее значение. Так всё многообразие суффиксальных словообразовательных моделей в системе существительного в английском языке на основе общности их семантики входит в состав лишь 13 словообразовательных типов со значением агентивности (22 суффикса: *-er, -ist, -ess, -ee, -ant/-ent, -ite, -an, -eer, -ling, -ix, -ster, -arch, -me, -ie/y, -i, -ard, -ette, -inat, -ory, -een, -enne, -erel*); качества и состояния (16 суффиксов: *-ness, -ity, -ship, -ancy, -ency, -ance/-ence, -al, -ion, -ment, -ism, -cy, -hood, -age, -y, -dom, -ate, -tude, -ure*); действия (10 суффиксов: *-ation, -ing, -ment, -ance/-ence, -age, -al, -ure, -ade, -y, -ise*); оценки (12 суффиксов: *-let, -ette, -ie/-y, -et, -ling, -kin, -ock, -ee, -erel, -le, -er*); собираемости (8 суффиксов: *-dom, -ery, -age, -cy, -hood, -ship, -ig, -ana*); науки, течения, направления (3 суффикса: *-ism, -y, -ics*); рода деятельности, занятия (4 суффикса: *-ery, -ing, -ship, -y*); манеры поведения (2 суффикса: *-ism, -ery*); локальности (5 суффиксов: *-ery, -ary, -ory, -age, -arium*); вещества (5 суффиксов: *-ing, -ette, -ite, -ade, -een*); языка и его особенностей (3 суффикса: *-ism, -i, -ese*); единичности (4 суффикса: *-let, -ing, -et, -ton*). Что касается имен прилагательных, можно выделить следующие словообразовательные типы со значением отношения (5 суффиксов: *-al, -ic, -ical, -ac, -ite*); наличия/отсутствия качества (13 суффиксов: *-less, -ous, -ed, -full, -ish, -able, -ate, -ive, -ly, -some, -ery, -ant/-ent*); способности/неспособности к действию (13 суффиксов: *-able, -ive, -ory, -ant/-ent, -y, -less, -some, -ful, -lie, -ate, -ish, -ous, -ly*); сходства (13 суффиксов: *-y, -ish, -ly, -oid, -ed, -an, -esque, -ine, -en, -ate, -ar, -ous, -ful*); принадлежности (9 суффиксов: *-an, -ary, -al, -ine, -ish, -ese, -ous, -ile, -em*); сделанный из (3 суффикса: *-en, -y, -ine*); каузации (3 суффикса: *-some, -y, -ful*); глагол: значение каузации (4 суффикса: *-ize, -ate, -ify, -en*).

И.С. Улуханов считает, что в русском языке суффиксация и десуффиксация способны выражать три вида словообразовательных значений – модификационное, мутационное и транспозиционное. По его мнению, только суффиксам могут быть свойственны семантическая инвариантность, общекатегориальность и общеносительность [2, с. 159].

При исследовании подражательных слов английского языка, образованных аффиксальным способом словообразования, выявляются следующие наиболее частотные суффиксы (аффиксы):

I. Суффиксы существительных: **-er (-or) = 104 л.** (*chatter* – болтовня, *щебетание птиц, журчание, crasher* – грохот, *clacker* – болтун, *chaffer* – грохот, *splasher* – брызговик, *scraper* – скрепер, *скребок*); **-ing = 86 л.** (*blowing* – тпубеж, *сморкание, cracking* – растрескивание, *drumming* – барабанный бой, *flitting* – перепархивание, *grunting* – хрюканье, *hissing* – шипение, *jingling* – дребезжание); **-e(ry) = 2 л.** (*grindery* – точиля, *rookery* – птичий базар, *лежбище*); **-ee = 1 л.** (*whooree* – крики, возгласы). II. Суффиксы (аффиксы) глаголов: **-en = 1 л.** (*hoarsen* – охрипнуть, *осипнуть*); **-y = 1 л.** (*whinny* – тихо ржать). III. Суффиксы (аффиксы) прилагательных: **-ing = 51 л.** (*whipping* – бьющий кнутом, *whistling* – свистящий, *yawning* – зевающий, *tinkling* – позвякивающий, *screaming* – визгливый, *striking* – поразительный, *gasping* – скупучий (о голосе), *rattling* – дребезжащий); **-y = 51 л.** (*thundery* – угрожающий, *zingy* – захватывающий, *yawny* – зевающий, *weery* – плаксивый, *tinkly* – звенящий); **-ed = 11 л.**

(*whacked* – разбитый, *sloshed* – пьяный, *puffed* – запыхавшийся, *gnarled* – сварливый, *clanked* – измощенный, *chuffed* – раздраженный); **-ous = 9 л.** (*clangorous* – оглушительный (о шуме машин), *clamorous, murmurous* – жужжащий, шелестящий); **-ful = 5 л.** (*groanful* – стонущий, *waiful* – стонущий, *yawnful* – скучный); **нулевой аффикс = 3 л.** (*smack* – резкий (о вепре), *shrill* – резкий, *chuckle* – хлюпающий); **-en = 2 л.** (*beaten* – бьющий, *written* – сведенный судорогой). IV. Суффиксы (аффиксы) наречий: **-ly = 23 л.** (*jingly* – звонко, *sighingly* – вздыхая, *hoarsely* – хрипло, *groaningly* – ворча, *gruffly* – хрипло, *tumblingly* – бормоча); **-ing = 4 л.** (*slashing* – очень, необыкновенно, *rattling* – изумительно, *clinking* – ужасно, *thundering* – очень, чрезвычайно). V. Суффиксы (аффиксы) междометий: **-tion = 1 л.** (*thunderation* – гром и молния); **-y = 1 л.** (*waly* – увы).

Следующий словообразовательный способ – конверсия – один из продуктивных способов словообразования в подражательных словах английского языка. В XX веке конверсия стала рассматриваться учеными как разновидность функциональной транспозиции, как процесс перемещения слова в другой класс слов без добавления аффикса. Это единственный способ в системе английского словообразования, при котором новое слово производится без количественного изменения основной формы исходного слова и без применения каких-либо линейных словообразовательных средств. Данный словообразовательный способ также называют корневым или бессуффиксальным способом образования новых слов. При создании нового слова путем конверсии с исходной корневой основой происходят следующие изменения: во-первых, новое слово получает все окончания, служащие для образования грамматических форм в новой части речи; во-вторых, новое слово приобретает иную синтаксическую функцию и сочетаемость; в-третьих, новое слово получает новое лексико-грамматическое значение. Иными словами, новое слово включается в новую парадигму и характеризуется новыми грамматическими категориями.

Конверсия у Г. Свита двупланова. С одной стороны он, как и Р. Моррис, не отказывается от идеи синтаксической полифункциональности слов, с другой – конверсия трактуется им как синтактико-морфологический словообразовательный процесс [цит. 5, с. 199].

Одной из проблем, связанных с конверсией, явилось отнесение ее к тому или иному типу словообразования. В отечественной лингвистической науке, описанное А.И. Смирницким, получило название «морфологической конверсии». В качестве словообразовательного средства при конверсии выступает морфологическая парадигма, а именно – способность парадигмы и составляющих её окончаний передавать значение определённой части речи [6, с. 71].

Конверсия – это не функциональное явление и не синкретизм, а семантико-морфолого-синтаксический способ словообразования, при котором слово одной части речи образуется от слова другой без изменения внешней формы исходного слова, а словообразовательным средством при этом является семантический сдвиг, морфологическая парадигма и грамматическая оформленность слова.

Основная проблема, связанная с конверсией, это ее направленность, т.е. при анализе пары *clack (n)* – треск и *clack (v)* – трескаться возникает вопрос, какое из этих слов возникло первым, а также в каком направлении происходит конверсия – от существительного к глаголу или наоборот? И. Плаг придерживается второго варианта, обосновывая это следующими примерами: *the water* (вода) и *to water* (поливать водой), где глагол *to water*, в концептуальном плане, требует существования понятия или концепта воды; «если нет воды, то и нечем поливать» [4, с. 109]. Исследователи выделяют две основные группы слов, образованных по конверсии. Первую группу составляют глаголы, образованные от существительных. Вторую большую группу конверсионных образований составляют существительные, образованные от глаголов (Р.С. Гинзбург, с. 131-132) [цит. 5, с. 200].

Конверсия представлена разными типами случаев, зависящими от следующего: а) какие части речи она связывает между собой и каково направление деривации в этих случаях (от имени – к глаголу или же от глагола – к имени и т. п.), б) смена каких морфологических парадигм наблюдается при конверсии.

И. Плаг проводит отличие в значениях слов, образованных аффиксацией и конверсией. Например, слова *beating* и *beat*, первое образовано аффиксацией, второе – конверсией. Оба

существительные, но с разными значениями, в зависимости от транзитивности / нетранзитивности глагола: *beating* соотносится с транзитивным значением, *beat* – с нетранзитивным. Сравним, *the beating of the prisoners*, но *the beat of my heart* [4, с. 113].

Примеры подражательных слов английского языка, образованных конверсией:

I. Существительные: **336 л.** (*buzz* – жужжание пчел, гул го- лосов, соо – воркование, *chime* – перезвон, *clack* – треск, *click* – щелканье, *champ* – чавканье, *crash* – грохот, *chuff* – пыхтение паровоза, *crump* – хруст, *fizz* – шипение, *dash* – всплеск, *zizz* – жужжание). II. Глаголы: **351 л.** (*buzz* – жужжать (о пчелах), соо – ворковать, *chime* – звенеть, *clack* – трескаться, *click* – щел- кать, *champ* – чавкать, *crash* – грохотать, *chuff* – пыхтеть (о паровозе), *crump* – хрустеть, *fizz* – шипеть, *dash* – плес- каться, *grunt* – хрюкать, *gaggle* – гоготать, *mew* – мяукать, *zizz* – жужжать). III. Прилагательные: **13 л.** (*crack*, *crisp* – хруст- ящий, *cuckoo* – чокнутый, *crimp*, *crump* – хрустящий, *flip* – словоохотливый, *hoarse* – хриплый, *gruff* – хриплый, *split* – раз- битый). IV. Наречия: **12 л.** (*crack* – с треском, *crash* – с грохо- том, *squash* – шлеп, *plump* – внезапно, *smash* – вдребезги, *slap* – внезапно, *squelch* – с плеском, *plonk* – с грохотом, *flor* – с шумом, *dash* – с треском, *bang*, *bump*). V. Междометия: **39 л.** (*boom* – бум, соо – да ну?, *hoot* – тыфу, *hoosh* – кыш, *haw* – м-м, *mew* – мяу, *plor* – бух, *shush* – ш-ш, *spink* – чирик-чирик, фью- фью, *whish* – цыц, *woof* – гав, *zing* – вжик, *zap* – бац, *smack* – шлеп, *hum* – эм, *cuckoo* – ну-ну).

Аналитический строй английского языка, широкое исполь- зование порядка слов как средства выражения лексико-грамма- тических отношений объясняют существование довольно боль- шого количества сложных слов, которые образованы без соеди- нительных элементов и флексий, т.е. словосложением.

И. Плаг ставит под сомнение следующее типичное опреде- ление словосложения как комбинации двух слов для образова- ния нового слова. Во-первых, почему только комбинация из двух слов, когда имеются примеры из 4-5 слов, например, *university teaching award committee member*, и, во-вторых, почему элемен- тами словосложения являются именно слова [4, с. 132-133].

Согласно И. Плаг, элементами сложных слов могут высту- пать как целые слова, так и корни и даже фразы (последние – только в качестве левосторонних членов сложных слов).

В большинстве слов английского языка, образованных сло- восложением, основным ведущим словом является второй эле- мент, или, как пишет И. Плаг, правосторонний элемент. Если ядерным элементом является глагол, то сложное слово должно переводиться глаголом (например, *deep-fry*), если ядерным эле- ментом является существительное, то сложное слово, анало- гично, должно переводиться существительным (например, *beer bottle*) [4, с. 135] и т.д.

Что касается ударения, то в большинстве сложных слов ударным является обычно первый элемент (*spbbe requirement, installtion guide*), хотя есть и исключения (*summer nght, scholar- bctivist*) [4, с. 137-138].

Классифицировать сложные слова можно в соответствии с характеристиками самих ядерных элементов (номинативные ядерные элементы, прилагательные ядерные элементы, глаголь- ные ядерные элементы), а также основываясь на их морфоло- гических показателях [4, с. 142].

Библиографический список

1. Позднякова, Е.М. Словообразовательная категория имен деятеля в английском языке (когнитивный аспект исследования): моногра- фия. – М.; Тамбов, 1999.
2. Улукханов, И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. – М., 1996.
3. Айвазова, Э.Б. Функциональные и структурные особенности звукоподражательных слов в разноструктурных языках // Общественные и гуманитарные науки. – Дагестан, 2011.
4. Plag, Ingo. Word-formation in English. Cambridge, 2003.
5. Яблокова, М.В. Конверсия как активный способ словообразования в современном английском языке // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – № 1 – Т. I (Гуманитарные науки) [Э/р]. – Р/д: http://vestnik.yspu.org/releases/2012_1g/44.pdf
6. Смирницкий, А.И. Лексикология английского языка. – М., 1956.

Bibliography

1. Pozdnyakova, E.M. Slovoobrazovatel'naya kategoriya imen deyatelya v angliyskom yazihke (kognitivniy aspekt issledovaniya): monografiya. – M.; Tambov, 1999.
2. Ulukhanov, I.S. Edinitsy slovoobrazovatel'noy sistem russkogo yazihka i ikh leksicheskaya realizaciya. – M., 1996.
3. Ayvazova, E.B. Funktsional'niye i strukturniye osobennosti zvukopodrazhatel'nykh slov v raznostrukturnykh yazihkakh // Obshchestvennye i gumanitarniye nauki. – Dagestan, 2011.
4. Plag, Ingo. Word-formation in English. Cambridge, 2003.
5. Yablokova, M.V. Konversiya kak aktivniy sposob slovoobrazovaniya v sovremennom angliyskom yazihke // Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik. – 2012. – № 1 – Т. I (Gumanitarniye nauki) [Eh/r]. – R/d: http://vestnik.yspu.org/releases/2012_1g/44.pdf
6. Smirnitskiy, A.I. Leksikologiya angliyskogo yazihka. – M., 1956.

Номинативные сложные слова (сложные слова с существи- тельными в качестве ядерного элемента) подразделяются на 3 подклассы, имея существительные, глаголы и прилагательные в качестве неядерных элементов. В английском языке довольно широко распространены номинативные сложные слова с суще- ствительными в качестве неядерного элемента (*noun-noun compounds*), в которых ядерный элемент – правосторонний (*book cover, laser printer*).

Прилагательные-сложные слова могут иметь существитель- ные и другие прилагательные в качестве неядерного элемента (*knee-deep, dog-lean, sugar-free, girl-crazy*). Глагольные сложные слова могут иметь существительные, прилагательные и другие глаголы в качестве неядерных элементов (*proof-read, chain- smoke (n-v), shortcut, broadcast (adj-v), stir-fry, freeze-dry (v-v)*) [4, с. 144-155].

Примеры подражательных слов английского языка, образо- ванных словосложением:

I. Существительные: **58 л.** (*hub-hub* – топот ног, *pee-pee* – писк, *clor-clor* – цоканье копыт, *yatata* – треп, *clink-clank* – дзинь-дзинь, *clippety-clor* – цок-цок, *crick-crack* – стрекотание, *flip-flap* – хлопанье, *drip-drop* – капель). II. Глаголы: **12 л.** (*clip- clor, ha-ha* – хохотать, *pitter-patter* – постукивать, *ding-dong* – звонить, *hee-haw* – гоготать, *chitchat* – болтать, *whooh-whoop* – экать, *hum and haw* – промямлить). III. Прилагательные: **13 л.** (*thunderstruck* – оглушенный, *tittury* – веселый, *slam-bang* – шумный грохот, *pitapat* – стучащий, *clamoursome* – крикли- вый, *chitchatty* – болтливый). IV. Наречия: **8 л.** (*ding-ding* – усе- рдно, *drib and drobs* – по капле, *flip-flap* – с хлопанием, *pitter-patter* – с частым постукиванием, *slam-bang* – с шумом, *wham-bam* – одним махом). V. Междометия: **7 л.** (*chug-chug* – пых-пых, *doodle-soo* – кукареку, *puff-puff* – ту-ту, *wee-wee* – пипи, *yow-wow* – тяв-тяв, *haw-haw* – ха-ха).

Таким образом, из проведенного нами анализа по словооб- разованию подражательных слов английского языка можно сде- лать следующие выводы:

1. В большинстве случаев подражательные слова англий- ского языка употребляются в парно-повторном виде и отлича- ются друг от друга чередованием первого согласного звука, глас- ного звука внутри слова или несколькими повторами одинако- вых основ.

2. Анализ словообразовательного потенциала подражатель- ных слов показал, что последние служат основой для образова- ния прежде всего глаголов (в англ.: **351 л.**).

3. Исходя из нашей базы данных, в подражательных словах английского языка наиболее продуктивным является аффиксаль- ный способ словообразования – это суффиксы **-er (-or) = 104 л.**; **-ing = 86 л.** (суффиксы существительных); **-ing = 51 л.**; **-y = 51 л.** (суффиксы прилагательных); **-ly = 23 л.** (суффикс наречия). От- сюда также следует, что в подражательных словах английского языка преобладают, в основном, суффиксы существительных.

Проведенный анализ словообразования подражательных слов английского языка ещё раз показал, что подражательные слова данного языка, наряду с обычными словами, имеют свой- ство распределяться по всем частям речи посредством таких словообразовательных средств, как аффиксация, конверсия, словосложение, что позволяет им составить огромный пласт лексики в своем языке.

Статья поступила в редакцию 10.04.14

УДК 811.161.1'37

Arzhanovskaya A.V. VERBALIZATION OF POLYSEMANTIC NOTIONS OF NATURAL TIME IN RUSSIAN AND ENGLISH LINGUOCULTURES. The article deals with the notion of time, which is viewed with concern to its national and cultural particularities of perception. In the focus of the issue a semantic structure of lexical units with the meaning of natural time in the Russian and English linguocultures is placed.

Key words: linguoculture, notion of time, semantic structure, seme.

А.В. Аржановская, аспирант каф. русского языка и документалистики Волгоградского гос. университета, г. Волгоград, E-mail: arzhanovskaya@yandex.ru

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ РАСТЯЖИМЫХ ПОНЯТИЙ ПРИРОДНОГО ВРЕМЕНИ В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

В статье рассматриваются способы выражения растяжимых понятий времени с точки зрения национально-культурных особенностей их восприятия, представлена семантическая структура языковых единиц, обозначающих природное время в русском и английском языках.

Ключевые слова: лингвокультурология, категория времени, семантическая структура, сема.

Время является одной из важнейших философских категорией, определяющей окружающий нас мир. Одушевленный субъект существует в определенном пространственно-временном континууме. Система временных измерений является релевантной характеристикой любых проявлений жизнедеятельности субъекта. Однако в той или иной лингвокультуре данные временные измерения интерпретируются и репрезентируются по-разному, что обусловлено национально-культурными особенностями восприятия действительности.

Исходя из этого, нам кажется интересным и перспективным сопоставление способов выражения растяжимых понятий времени в русском и английском языках в аспекте национально-культурных особенностей. Термин «растяжимый» мы будем использовать вслед за Е.С. Кубряковой, которая считает «растяжимость» основным свойством времени [1].

В нашем понимании растяжимые понятия времени – это понятия, обозначающие определенную протяженность чего-либо во времени. Протяженность понимается нами широко, поскольку включает в себя не только собственно протяженность, но и повторяемость. Несмотря на многочисленность исследований по данной проблеме (Ф.И. Панков 2005, З.Я. Тураева 1979, Е.С. Яковлева 1994 и др.), в научной литературе отсутствует комплексный и системный анализ средств выражения растяжимых понятий времени в сопоставительном аспекте. Это и составляет актуальность нашего исследования.

Как известно, каждое слово, обладая лексическим значением, представляет собой довольно сложную структуру. Как отмечает С.П. Лопушанская, «семантическая структура может рассматриваться как единство взаимодействующих, разнородных значений, организованных в пределах отдельного слова определенным способом, в соответствии с системой данного языка и с закономерностями функционирования этой системы в речи (в тексте)» [2, с. 5]. Семантическую структуру организуют семы – микрокомпоненты значения. Семы различаются, прежде всего, в зависимости от их роли в структуре значения слова, в которой они организованы иерархически.

В нашей работе мы будем опираться на подход, разработанный в трудах С.П. Лопушанской и ее учеников (Лопушанская 1988, Тушикова 1993, Милованова 2001), и рассматривать семантическую структуру анализируемых языковых единиц с точки зрения иерархии категориальной, интегральной и дифференциальной сем.

В научной литературе существует два противоположных подхода к объяснению времени: такая форма бытия, которая полностью автономна от тех явлений, которые в него помещены и в нем существуют (*объективное время*); такие порядки, такие внутренние «меры» природно-социальных систем, которые задаются их взаимодействием и обусловлены их природой и характером (*перцептуальное время*) [3]. Данные подходы актуальны для нашего исследования и активно использовались в процессе работы над ним.

Языковые средства выражения растяжимости времени могут быть классифицированы по различным основаниям: напри-

мер, с точки зрения природного фактора (*день, ночь* и др.), астрономических параметров (*час, минута* и др.), других признаков (*сейчас, теперь* и др.).

В рамках статьи остановимся на растяжимых понятиях, обозначающих природное время. Природное время напрямую связано с деятельностью одушевленного субъекта и релевантно для всех лингвокультур, поэтому сопоставительная характеристика языковых единиц его выражающих, достаточно актуальна. В эту группу мы отнесли следующие языковые единицы: *день, ночь, рассвет, закат, заря, сумерки, утро, вечер, сутки*. Следует отметить, что список языковых единиц формировался нами на основе накопленного фактического материала и, следовательно, не является конечным. При отборе языковых единиц мы исходили из того, что называемые ими природные явления в своей совокупности составляют суточный цикл, то есть время полного оборота Земли вокруг своей оси.

Обозначение природного времени в той или иной лингвокультуре осуществляется в тесной связи с различным положением солнца относительно горизонта и связано с циклическим восприятием времени. Как правило, циклическое представление о времени соотносят с архаическим сознанием, линейное же – с современным (историческим) сознанием [4].

Практически все растяжимые понятия, обозначающие природное время, имплицитно содержат в себе указание и на повторяемость тех или иных природных явлений (циклическость), и на их протяженность во времени (линейность). Однако категориальной семой в семантической структуре анализируемых единиц данной группы мы считаем сему *протяженность во времени*.

В статье рассмотрим подробнее семантическую структуру языковых единиц *рассвет, заря, утро*, обозначающих начало суточного цикла, в сопоставлении с английскими языковыми единицами, обозначающих природное время: *daybreak* (*рассвет, начало дня*), *dawn* (*рассвет, утренняя заря*), *morning* (*утро*). В этой группе в семантике единицы категориальная сема *протяженность во времени* реализуется в интегральных семах: *характер протяженности, характер временных границ, степень освещенности горизонта, степень значимости для субъекта*.

Релевантной интегральной семой мы считаем сему *характер протяженности*, поскольку она наиболее полно раскрывает категориальную сему и реализуется в семантической структуре всех языковых единиц данной группы.

Интегральная сема *характер протяженности* конкретизируется дифференциальным признаком *промежуток времени, в течение которого солнце появляется над линией горизонта* в семантической структуре данных языковых единиц. И в том, и в другом языке данные единицы не являются синонимами и, по сути, обозначают разные понятия, однако в их семантической структуре актуализирован названный дифференциальный признак.

Рассвет соотносится в сознании носителей русского языка с постепенным переходом от темного времени суток к свету, и, следовательно, может обозначать промежуток времени

и перед восходом солнца (темное время суток), и время непосредственного восхода солнца, и промежуток времени после восхода солнца (светлое время суток). Поэтому выделение дифференциальной семы *промежуток времени, в течение которого солнце появляется над линией горизонта* в семантической структуре данной языковой единицы представляется нам вполне целесообразным.

Само по себе такое природное явление, как рассвет, ассоциируется с процессом перехода от ночи к утру, а, следовательно, в слове **рассвет** имплицитно заложена динамика действия. Например: *Чуть забрезжил рассвет, когда проснулись с Дуняшкой, и перецеловав так и не проснувшихся детей, Григорий и Акинья вышли на крыльцо* [5, с. 420]. *Стремительно приближался рассвет* [5, с. 420].

Но в определенном контексте слово **рассвет** может утрачивать «динамичность» в своем значении, тогда оно связывается с некоей точкой во времени, то есть становится «статичным». Например: *С рассветом вдали из пулеметов, и началось...* [5, с. 429]. *Шли обычно до рассвета* [6, с. 340]. Необходимо заметить, что во всех приведенных примерах **рассвет** употребляется вместе с предлогами, которые и связывают значение данного слова с некоторой временной точкой.

В английском языке единицы **daybreak** и **dawn** передают те же значения, что и русское **рассвет**. **Daybreak** связывается в сознании носителей языка именно с началом утра, на что указывает глагольная форма **break** в его структуре. Данный глагол означает *разрывать, прорывать, наступать* и часто используется в следующих конструкциях: **day breaks** (*рассветает, светает*), **break of day** (*рассвет*). Например: *When the day is only just breaking* [7]. В данном примере использована конструкция **day is only just breaking**, которая переводится как *светает*, то есть обозначает не явление, а процесс наступления дня, светлого времени суток. То есть **daybreak** прежде всего передает «динамику».

Dawn в сознании носителей английского языка ассоциируется со временем непосредственного появления солнца на линии горизонта. При этом данная единица чаще всего указывает на некую фиксированную точку во времени, то есть можно утверждать, что **dawn** «статично»: *Front of the big glass with the door shut and the lights off, till dawn* [7].

Промежуток времени, в течение которого солнце непосредственно появляется на линии горизонта, в русском языке обозначает слово **заря** (*утренняя*). И в этом заключается основное отличие данной языковой единицы от других языковых единиц, в которых актуализирована дифференциальная сема *промежуток времени, в течение которого солнце появляется над линией горизонта*. Ср.: *Еще нигде не румянилась заря, но уже забелелось на востоке* [8, с. 94]. **Заря вставала** уже зимняя, розовая [9].

Заря обозначает именно яркое освещение горизонта солнцем и тем самым отличается от **рассвета**. Мы не можем назвать **зарей** тот небольшой временной промежуток, когда уже светло, но солнце еще не появилось. Неслучайно говорят, что **заря заканчивается**, но нельзя сказать *занимался рассвет*. Глагол **заниматься** применительно к свету означает *начать гореть, разгораться*.

Интересно, что **утро** может обозначать промежуток времени, когда солнце полностью появилось над линией горизонта или же постепенное его появление. Другими словами, **утро** в сознании носителей русского языка объединяет в себе и рассвет, и зарю в одном растяжимом понятии, например: *Я открыл глаза: утро зачиналось* [8, с. 94]. *Что же, это все полночь да полночь, а ведь давно уже должно быть утро?* [10, с. 158].

Кроме того, **утро** — часть суток, следующая за ночью и предшествующая дню [11]. В русском языке отсутствует точный временной интервал со словом «утро». Первоначально «утром» считался период времени от восхода солнца до полудня, поэтому языковая единица **утро** часто употребляется для обозначения промежутка времени с указанными выше границами, например: *... а на следующее утро... Даже не утро. Проснетесь часиков... без пятинадцати два* [10].

В английском языке наблюдается иная реализация семантической структуры у языковой единицы **morning**, которая употребляется и для обозначения начала нового дня, и для названия временного отрезка с определенными границами (часть суток с полуночи до полудня [12]). Например: *At two o'clock in the morning, if you open your window and listen, You will hear the feet*

of the Wind that is going to call the sun. [7]. Данный пример показывает, что для носителей английского языка утро, как часть суток, соотносится с временными границами, несовпадающими с теми, которые актуальны для носителей русского языка, в связи с этим может возникнуть недопонимание между представителями разных культур, поскольку выражение *two o'clock in the morning* (*два часа утра*) неправильное с точки зрения представителя русской лингвокультуры.

Следующая выделенная нами дифференциальная сема *характер временных границ* представлена в семантической структуре языковых единиц **утро, morning**, причем в тех случаях, когда они передают значения частей суток с определенными временными границами. Однако при определенных контекстуальных условиях данные единицы могут обозначать промежуток времени с нечеткими границами. В тех случаях, когда мы ориентируемся по солнцу, а не по часам, нам трудно определить тот самый момент, когда утро переходит в день. Поэтому, когда языковые единицы обозначают временные промежутки в зависимости от положения солнца на линии горизонта, в их семантической структуре реализуется дифференциальный признак *абстрактный характер временных границ*. Это касается и таких языковых единиц, как **утро, рассвет, заря, daybreak, dawn**. Перечисленные единицы обозначают такие природные явления, которые воспринимаются человеком как некое единое целое. Мы легко можем отличить рассвет от зари. Однако границы названных природных явлений размыты и часто воспринимаются субъективно.

В семантической структуре анализируемых единиц нами была выделена также интегральная сема *степень освещенности горизонта*, которая реализуется в дифференциальных признаках *высокая степень освещенности горизонта* и *низкая степень освещенности горизонта*.

Дифференциальная сема *высокая степень освещенности горизонта* представлена в семантической структуре единиц: **заря** (*утренняя и вечерняя*), **утро** (*как начало дня*), **morning**. Что касается языковых единиц **рассвет, daybreak, dawn**, то данные единицы могут обозначать и промежуток времени перед восходом солнца (темное время суток), и время непосредственного восхода солнца и промежуток времени после восхода солнца (светлое время суток). Мы исходим из того, что **рассвет** представляет собой самое начало светлого времени суток, когда солнце только появляется, и поэтому в семантической структуре названных языковых единиц реализуется дифференциальный признак *низкая степень освещенности горизонта*: *Малиныч посмотрел в окно, за окном была ночь, но на востоке уже брезжил рассвет* [10]. *Брезжить* — мелькать, мерцать, чуть виднеться, мельтешить, чуть заниматься, загораться [11].

В определенных контекстуальных условиях семантическая структура анализируемых языковых единиц может изменяться и в ней актуализируется интегральная сема *степень значимости для субъекта*, которая реализуется в дифференциальных признаках *высокая степень значимости для субъекта* и *низкая степень значимости для субъекта*. Выделение данной интегральной семы связано с наличием у ряда анализируемых нами языковых единиц других значений, помимо обозначения природного времени. В языке может найти выражение переосмысления растяжимых понятий времени, что обусловлено контекстом. Как отмечает Д.Н. Шмелев, семантическое развитие многих слов движется от конкретного к более абстрактному, «слова получают вторичные значения в результате метафорического уподобления отвлеченных явлений конкретными, «зримыми» предметам, признакам, действиям» [13, с. 127].

Подобными «зримыми» предметами, на основе которых происходит переосмысление, являются и природные явления, обозначаемые растяжимыми понятиями. В результате переосмысления семантических признаков в смысловой структуре следующих языковых единиц актуализируется дифференциальный признак *высокая степень значимости для субъекта*: **рассвет, заря, утро, dawn, morning**. Вне контекста все названные языковые единицы реализуют в своей семантической структуре дифференциальный признак *низкая степень значимости для субъекта*.

Так, другое значение слова **рассвет** — «*ранний период, начало чего-нибудь*» [11, с. 541], например: *Не правда ли, я ведь еще так молод, и это было бы величайшей несправедливостью, — умереть на рассвете жизни* [9]. Как видим, контекст актуализирует в смысловой структуре данной языковой едини-

цы признак *высокая степень значимости для субъекта*. Данный пример показывает, как конкретное природное явление – рассвет – переосмыслилось в сознании носителей языка, в смысловой структуре языковой единицы *рассвет* появилось абстрактное значение «ранний период, начало чего-нибудь». При этом интегральная сема *характер протяженности* также переосмысливается, поскольку *рассвет* характеризует в данном случае не промежуток природного времени, а временной отрезок человеческого существования. Соответственно, сема *степень освещенности горизонта* нейтрализуется.

Примечательно, что английское слово *dawn* также имеет значение «зачатки, начало, проблески», например: *Pots and vases from the dawn of human history* [7]. *The dawn of the brighter days* [14, с. 176], то есть, в определенном контексте данная языковая единица также способна реализовать признак *высокая степень значимости для субъекта*, тогда как его синоним *daybreak* других значений, кроме обозначения процесса начала светлого времени суток, не имеет. Следовательно, в смысловой структуре *daybreak* признак *высокая степень значимости для субъекта* не эксплицирован.

В русском языке *заря* (утренняя) может обозначать «начало, зарождение чего-нибудь радостного» [11, с. 179], например: *Он всем докажет, что КУК-2 – средневековье, а комбайн Ланкина – заря новой эпохи* [9].

Библиографический список

1. Кубрякова, Е.С. Язык пространства и пространство языка // Изв. РАН. – 1997. – №3. –66. – Т. 56. – Сер.: Лит. и яз.
2. Лопушанская, С.П. Изменения семантической структуры русских бесприставочных глаголов движения в процессе модуляции // Русский глагол в сопоставительном освещении. – Волгоград, 1998.
3. Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. – Минск, 1999.
4. Яковлева, Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира. – М., 1994.
5. Шолохов, М.А. Тихий Дон // М.А. Шолохов. Собрание сочинений: в 8 т. – М., 1986. – Т. 1-4.
6. Казакевич, Э. Весна на Одре // Э. Казакевич. Избранные произведения. М., 1989.
7. BNC – British national corpus [Э/р]. – Р/д: <http://corpus.byu.edu/bnc/>
8. Тургенев, И.С. Бежин Луг // И.С. Тургенев. Записки охотника. – М., 1984.
9. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Э/р]. – Р/д: <http://www.ruscorpora.ru/>
10. Булгаков, М.А. Мастер и Маргарита. – М., 1988.
11. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. – М., 1987.
12. Hornby, A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Fifth edition, 1995.
13. Шмелев, Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. – М., 1973.
14. Austen, P.P. Jane Austen Pride and Prejudice [Э/р]. – Р/д: <http://www.gutenberg.org/files/1342/1342-pdf.pdf>

Bibliography

1. Kubryakova, E.S. Yazikh prostranstva i prostranstvo yazihka // Izv. RAN. – 1997. – №3. –66. – Т. 56. – Сер.: Lit. i yaz.
2. Lopushanskaya, S.P. Izmeneniya semanticheskoy strukturh russkikh bespristavochnikh glagolov dvizheniya v processe modulyacii // Russkiy glagol v sopostavitel'nom osvetnenii. – Volgograd, 1998.
3. Noveyshiyy filosofskiy slovarj / sost. A.A. Gricanov. – Minsk, 1999.
4. Yakovleva, E.S. Fragmentih russkoy yazihkovoy kartinih mira. – M., 1994.
5. Sholokhov, M.A. Tikhij Don // M.A. Sholokhov. Sbranie sochineniy: v 8 t. – M., 1986. – Т. 1-4.
6. Kazakevich, Eh. Vesna na Odre // Eh. Kazakevich. Izbrannihe proizvedeniya. M., 1989.
7. BNC – British national corpus [Eh/r]. – R/d: <http://corpus.byu.edu/bnc/>
8. Turgenyev, I.S. Bezhin Lug // I.S. Turgenyev. Zapiski okhotnika. – M., 1984.
9. NKRYa – Nacionaljnihiy korpus russkogo yazihka [Eh/r]. – R/d: <http://www.ruscorpora.ru/>
10. Bulgakov, M.A. Master i Margarita. – M., 1988.
11. Ozhegov, S.I. Slovarj russkogo yazihka / pod red. chl.-korr. AN SSSR N.Yu. Shvedovoyj. – M., 1987.
12. Hornby, A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Fifth edition, 1995.
13. Shmelev, D.N. Problemih semanticheskogo analiza leksiki. – M., 1973.
14. Austen, P.P. Jane Austen Pride and Prejudice [Eh/r]. – R/d: <http://www.gutenberg.org/files/1342/1342-pdf.pdf>

Статья поступила в редакцию 22.03.14

УДК 801.73

Varnavskaya O.O., Khusainova Ye.N. THE PARTICULAR FEATURES OF INTERPRETATION OF PHILOSOPHICAL SCIENTIFIC TEXTS. The article gives a review of the newest method of text interpretation and different understanding of objectivity and validity of the meaning of a text. It is stated that philosophy and linguistic hermeneutics are closely interrelated. The principle of historicity and extremity of human being is an important methodological principle of text interpretation. The language is defined as a unique milieu, where a person and his culture co-exist.

Key words: hermeneutics, philosophic text, interpretation, language, “comprehension” category.

О.О. Варнавская, канд. филол. наук, доц. ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь, E-mail: varnavskaya81@mail.ru; **Е.Н. Хусаинова**, канд. юридич. наук, доцент ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь, E-mail: khusainova80@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФИЛОСОФСКОГО НАУЧНОГО ТЕКСТА

В статье рассматривается принципиально иной метод интерпретации текста и иное представление об объективности и общезначимости его смыслов. Философия и лингвистическая герменевтика глубоко связаны друг

с другом. Важным методологическим принципом интерпретации текста является принцип историчности и конечности человеческого существования. Язык определяется как универсальная среда, в которой существует человек, его культура.

Ключевые слова: герменевтика, философский текст, интерпретация, язык, категория «понимание».

В XX веке вопрос интерпретации философского речемыслительного произведения привлекал к себе внимание и лингвистов, и философов. Наибольшее распространение и признание получила герменевтика как наука о природе интерпретации текста и одновременно как систематически разработанный современный метод интерпретации. В последнем качестве она стала предпосылкой для развития отдельной научной дисциплины – лингвистической герменевтики. Традиционно герменевтика означала, прежде всего, искусство толкования текста. В современном понимании герменевтика – это наука смыслового понимания, понимания высказываний.

Как научная методология герменевтика стала развиваться с начала XIX века благодаря работам Ф. Шлейермахера. Шлейермахер изолирует проблему и процедуру понимания и вырабатывает методологию герменевтического познания. Согласно его подходу, включающему момент рефлексивной обращенности, пониманию подлежит не только дословный смысл сказанного или написанного тем или иным автором, понимание должно понять и самого создателя текста. Всякий текст, всякая речь может быть осмыслена и преобразована в акт понимания. Метод понимания обращается как на общее, так и на единичное: должен быть постигнут и текст, и контекст самого произведения и автора. Понимание должно преодолеть временной барьер и оказаться в позиции так называемого «первоначального читателя». При этом такая позиция оказывается отождествлением с самим автором. Таким образом, цель интерпретационных процедур герменевтики есть постижение, через анализ произведения, самого автора, причем цель понять автора лучше, чем он себя сам понимал.

Дальнейшее расширение герменевтического горизонта связано с именем М. Хайдеггера. Это происходит, прежде всего, благодаря особому языку в учении немецкого мыслителя: «Язык не просто передает в словах и предложениях все очевидное и все скрытое как разумеющееся, так-то и так-то, но впервые приводит в просторы развернутого – сущее как такое-то сущее... Язык впервые дает имя сущему, и благодаря такому именованию впервые изводит сущее в слово и явление» [1, с. 103]. Язык оказывается историческим горизонтом понимания, а само понимание (герменевтика) становится «свершением бытия». В своих поздних работах Хайдеггер постоянно обращается к теме отношения бытия, мышления и языка. В его трактовке язык предстает не только знаком, но тоном и звуком, ритмом и ландшафтом, пространством и временем, телом и духом, божественным и человеческим.

Язык противопоставляется мысли. Мысль радикально вне-временна и внепространственна. Совершаемая в сознании субъекта, мысль сама диктует миру свои масштабы и, вместо того, чтобы изменяться во времени, конструирует свое собственное идеальное пространство и время. Однако конечный человек живет на земле, а не в абстрактном пространстве теории, поэтому необходимо вернуть ему нужные для этой жизни качества. С этой целью Хайдеггер и предпринял свои поиски подлинного языка, который он ставит выше абстрактной мысли. Он стремится восстановить живой действительный язык, избавив его от «затертости», свойственной обыденной речи, и после чего научить остальных вслушиваться в этот язык. Поэтому важное значение он придает не лексике и семантике, а фонетике языка. Настоящий философ, по Хайдеггеру, не просто использует обычный язык сообщений, но, возрождая прамыслы языка, становится его со-творцом.

Подходы Хайдеггера творчески развил создатель современной герменевтики Х. Г. Гадамер. В области науки о языке и интерпретации текста Гадамер исходит из того, что при обращении к любым социальным феноменам человек никогда не сможет освободиться от влияния тех представлений, которые накладывают на него культура. Поэтому встает вопрос о том, в какой мере можно говорить об объективности знания в отношении ко всему комплексу гуманитарных текстов. Напрашивается вывод, что подобная специфика предмета исследования требует принципиально иного метода интерпретации текста и иного

представления об объективности и общезначимости его смыслов. Поэтому Гадамер подчеркивает, что «науки о духе сближаются с такими способами постижения, которые лежат за пределами науки: с опытом философии, с опытом искусства, с опытом самой истории. Все это такие способы постижения, в которых возмещает о себе истина, не подлежащая верификации методологическими средствами науки» [2, с. 39].

Использование категории «понимание» применительно к истолкованию текста позволяет показать, во-первых, что в этой сфере корректно говорить не только о приращении знания, но и о событии для человека, исследующего нечто в сфере социокультурных феноменов, его вовлеченности в исследование, ибо это «способ познания и способ бытия одновременно», а во-вторых, что любой текст как объект исследования уже является осмысленным. Универсальная осмысленность философского текста позволяет говорить о его универсальной понимаемости – «герменевтическом универсуме», по терминологии Гадамера [2, с. 41-42]. Таким образом, для Гадамера философия и лингвистическая герменевтика оказываются по своей сути глубоко связаны друг с другом. Важнейшим методологическим принципом интерпретации текста для Гадамера является принцип историчности и конечности человеческого существования. Историчность должна быть не преодолена, а осмыслена как принципиальная предпосылочность. Предпосылочность, будучи осмысленной, может, согласно Гадамеру, играть конструктивную роль в понимании: «герменевтически воспитанное сознание... стремится осознать собственные, направляющие понимание предрассудки, дабы предание в качестве иного мнения тоже могло выделиться и заявить о себе» [2, с. 354]. Основанием для возможности понимания является, по Гадамеру, «общность дела» – согласие по поводу того, о чем говорит предание, документ эпохи, тот или иной текст. Поскольку Гадамер отдает себе отчет в том, что нельзя говорить о сохранении «живой традиции», связывающей нас, например, с античной культурой, что «связь с этим делом не может быть тем самосочевидным и несомненным единством, которое имеет место в случае непрерывно делящейся традиции», то требуется иная предпосылка, обеспечивающая это единство. Такой предпосылкой Гадамер считает язык. Язык Гадамер, вслед за Хайдеггером, определяет как универсальную среду, в которой существует и человек, и его культура, в которой осуществляется историческое предание. Универсальность языка предопределяет универсальность понимания феноменов культуры, если культура будет представлена как текст.

В связи с этим важное значение в герменевтике приобретает вопрос о понятности всякого понимания, поскольку последнее не может обойтись без «мыслящего разума». Универсальность языка идет у Гадамера нога в ногу с универсальностью социального разума. В языке раскрывается истинная сродственность человека и социума, не позволяющая до конца объективировать последний по типу научного познания. В рамках гадамеровской герменевтики возникает новое содержание понятия объективности, которое не отделяет субъекта от объекта, подобно модели классического рационализма, а требует рассматривать то или иное явление сквозь призму сопричастности исследователя, его предмета и мира, в котором они находятся и который имеет языковую оформленность.

В этом контексте для герменевтики, прежде всего, важна проблема интерпретации. В рамках которой, в свою очередь, наиболее важное место занимает, проблематика языка. Выступая универсальным условием объективности понимания, язык дополняет целостность нашего восприятия другой культуры, доступной нам лишь по рукописям, документам, преданиям, законодательным актам и т.п. Призная актуальность и правомерность этой концепции языка, подчеркивающей значение языка для процесса понимания речемыслительного произведения, тем не менее заметим, что это понимание зависит не столько от наличия языка как такового, сколько от его влеченности в практическую деятельность людей в процессе социального творчества, что и определяет характер его универсальности.

Язык у Гадамера, как и у Хайдеггера, есть та среда, то пространство, где осуществляется собеседование, истолкование, диалог. Текст именно потому поддается истолкованию, интерпретации и пониманию, что «язык – это универсальная среда, в которой осуществляется само понимание. Способом этого осуществления является истолкование» [2, с. 452]. Эта универсальность языка отражает изначальную его причастность к природе смысла. Несмотря на то, что язык как универсальная среда обладает универсальностью, следовательно, подчиняющим индивидуальное характером, все же процесс интерпретации текста сохраняет у Гадамера определенную свободу личности. Взаимоналожение горизонтов интерпретации, которое осуществляется в процессе герменевтического прочтения текста, осмысливается им как незамкнутое событие, как продолжающийся и никогда не могущий быть завершённым диалог. Таким образом, мы видим, что у Гадамера герменевтика имеет определенный методологический статус, который позволяет ей выступать своего рода методологией интерпретации текста. Она есть не только понимание и интерпретация того или иного текстового материала, но есть познание и самопознание личности и общества. Герменевтикой «контролируется» тот массив знания – гуманитарные науки и искусство, – который не может быть постигнут и осмыслен исходя из точных наук.

Герменевтика Гадамера исходит из того, что любое смысловое понимание происходит в рекурсивном процессе: надо всегда что-то знать, чтобы иметь возможность что-то понять. Мы понимаем высказывания другого в свете того, что мы уже знаем. К тому же, мы извлекаем из каждого высказывания что-то новое, что мы принимаем к сведению. Мы можем охватить с первого раза целое, но мы увидим только одну его часть. Понимание наступает тогда, когда мы представляем картину в целом. Наше представление о целом изменяется с каждой новой деталью, которую мы принимаем к сведению.

Текст никогда не может быть полностью понятым. Кто хочет правильно понять, всегда должен уже знать, что хочет сказать автор текста. Он должен вносить с собой свое понимание значения текста, оставаясь вместе с тем на твердой почве объективности. Не существует никакого необоснованного процесса понимания. Это результат неизбежной циркуляции всех процессов мышления и высказывания суждения, как это описывается выше в теоретических языковых экскурсах. Для понимания сообщений всех видов это значит: толкователь должен знать язык автора текста. Он должен попытаться реконструировать те намерения, которые побудили автора к его высказыванию. Это и есть знаменитый герменевтический круг. Круг понимания – это не методический круг, так как он описывает онтологический структурный момент понимания [3, с. 260].

Это очень важный аспект для артикуляции тех требований, которые накладывает на интерпретирующего философский текст. Особенностью философского текста является его рефлексивность. Рефлексия – тот акт, в котором создатель текста выходит за пределы своей субъективности и сливается с объектом. Рефлексия как мысль и мысль о рефлексии неразличимы. Вот, что писал об акте рефлексии, воспроизводимом в философском тексте, И.Г. Фихте: «Что в описанном акте принадлежит философу как философу и что – подлежащему его наблюдению Я? Я принадлежит не более как обращение на самого себя; все остальное принадлежит изложению философа, для коего система всего опыта в целом уже находится в наличности как простой факт, который на его глазах должен быть осуществлен, дабы он имел возможность понять способ возникновения этого факта» [4, с. 484]. В исходной точке развёртывания философского дискурса (в точке, следующей за рефлексивным «обращением на самого себя») философское познание и его объект – Я – тождественны. Поскольку специфика коммуникативного параметра философского текста инициирует включение в этот объективный процесс читателя (объективный процесс, поскольку речь идет о процессе действительного мышления, а не только о суждении относительно текста автора и получение информации о нем читателя), то в итоге мы как раз и «принимаем высказывания другого в свете того, что мы уже знаем».

Возможность герменевтической интерпретации философского текста обусловлена, таким образом, его коммуникативно-прагматической природой, благодаря которой интерпретатор может войти в герменевтический круг понимания. Но здесь кроется еще одна трудность. Предшествующий анализ показал, что особая синтактика, семантика и прагматика философского на-

учного текста только закладывают возможности его интерпретации через вхождение в герменевтический круг (точнее говоря, дело обстоит прямо наоборот: они эксплицируют их), ориентируя на это читателя через особую структуру сверхфразовых единств, через частично определенную этой структурой терминологию, через категоризацию макроконцептов традиционной языковой картины мира. Однако сам процесс включения мышления читателя в процесс рефлексивного мышления философа осуществляется вовсе не благодаря дискурсивному рассуждению.

Опираясь на учение Гадамера, можно высказать суждение о том, что это становится возможным благодаря воздействию на базовые структуры мышления читателя мощного «силового поля», искусственного языка философской науки, воплощенного в речемыслительном произведении.

В философском тексте язык обнаруживает себя той универсальной средой, в которой осуществляется процесс понимания. Выводя универсальный характер языка из его естественной принадлежности человеку, лингвистическая герменевтика исходит из того, что языковое отношение к миру намного шире чисто логических суждений и раскрывает во всей полноте глубокие социальные взаимосвязи. Языковая деятельность не опредмечивает мир только по типу научного познания. В языке воплощается целостное отношение человека к миру. Человек живет в определенном целостном мире, а не в отдельных его областях, тем самым язык философского речемыслительного произведения, эксплицирующий глубинные формы существования языка, способствует более целостному, следовательно, более объективному пониманию мира во взаимосвязи всех его граней.

Интерпретация не является нейтральной процедурой. Ценностные суждения интерпретатора, его процесс мышления, его социальная среда неразрывно вплетены в процесс интерпретации. Нацеленность на системное представление понятия интерпретации превращает исторический процесс его образования в предмет специального исследовательского интереса. В результате понятие предстает как генетическая целостность, формирующаяся в контексте исторически существовавших систем теоретических представлений, обусловленных и внутренней логикой из развития, и спецификой социокультурной реальности самого феномена языка. Чтобы избежать крайности умозрительного конструирования генезиса смысловых характеристик в философском речемыслительном произведении следует опираться на реальный исторический процесс формирования и развития системы философского знания. Необходима в подобной ситуации обработка историко-философского знания представляется собой его реконструкцию, особенности которой детерминированы не только спецификой самого исторического материала, но и целевой заданностью исследовательского поиска, его внеэмпирическим и экстралингвистическим основанием в целом. Поскольку философское речемыслительное произведение «живет» лишь в дискурсивном пространстве историко-философского процесса, реальность которого зафиксирована рядом исторических текстов, то для его адекватной интерпретации требуется не только мыслительный акт разрыва «герменевтического круга» в сорефлексии читателя и создателя текста, но и параллельная интерпретация текстов предшественников изучаемого философа. Эта интерпретация должна учитывать и результаты интерпретирующего прочтения этих текстов самими философами.

Современная функциональная стилистика и лингвистика текста постулирует, что стилевое своеобразие как отдельных текстов, так и целых типов текста детерминировано комплексом взаимосвязанных лингвистических и экстралингвистических факторов. Настоящий философский текст всегда интертекстуален. Существующий опыт исследования оснований и параметров интертекстуальности в научной коммуникации является необходимым элементом адекватной интерпретации философского речемыслительного произведения. Именно здесь может быть наиболее востребован научным сообществом продуктивный синтез лингвистических и историко-философских приемов исследования [5, с. 60].

Искомое предпосылочное знание складывается как система понятий, детерминированная природой изучаемого в историческом контексте философского дискурса, его временной дистанцированностью по отношению к познавательным средствам и целям субъекта историко-философского познания и общетеоретическому контексту последнего. Сама интенция на

системное видение философского речемыслительного произведения предполагает интеграцию его разноплановых образов как объекта анализа: логико-лингвистического, теоретико-гносеологического и методологического. В качестве системообразующего компонента предпосылочного знания предстает теоретико-гносеологический образ философского дискурса. Он обеспечивает представление последнего как целостности, интегрирующей движение отражаемого понятием объекта и «движение нашего понимания» (Гегель) этого объекта в контексте целереализующей деятельности.

В контексте метаисследования, протекающего как метафилософское металингвистическое движение в теоретическом мышлении, активизируется термин «интерпретация» и усиливается экспликация его содержательно-функциональной определенности по сравнению с терминами «истолкование», «понимание», «трактовка». Условием этой экспликации стало понятийное образование научно-теоретического сознания: конституирование собственно проблемы интерпретации в результате теоретизации научных изысканий, возрастания роли внеэмпирических факторов развития научного знания о мышлении и языке, умножения многообразия языковых структур философской науки и усложнения их связи с системой теоретической деятельности. Понятие интерпретации интегрирует двухуровневую рефлексию: первый уровень – рефлексия над отношением языковых форм научного знания к самому знанию, его объекту; второй уровень – осозна-

ние оснований этой рефлексии и специальная работа по терминологическому оформлению ее результатов.

Адекватная интерпретация читателем дискурсивности конкретного философского текста обуславливает адекватное восприятие всего его содержания. Прагматико-дискурсивный контекст в случае с текстом философского произведения не может быть квалифицирован как имеющий лишь вспомогательный и второстепенный характер. Дискурсивность, т.е. соотношенность формы и содержания текста с его прагматико-дискурсивным контекстом, обязательно включающая в себя «пространство» рефлексивной и интроспективной деятельности субъекта текстостворчества и читателя, представляет собой конститутивный признак философского речемыслительного произведения.

Отраженная в философском тексте логика научной речи предстает как форма движения и развития мысли, как процесс, выражающий активность деятельности субъекта познания, осуществляемой субъектом речи. Сопоставление логических форм философского теоретического мышления и форм речи, их выражающих, подтверждает плодотворность и эффективность такого подхода для изучения семантико-синтаксических структур научного речемыслительного произведения. Это позволяет прояснить особенности выражения в языке и речи теоретических форм философского научного мышления или прояснить проблему взаимоотношения мышления и языка в процессе познания объективной действительности и самопознания человека.

Библиографический список

1. Хайдеггер, М. Работы и размышления разных лет. – М., 1993.
2. Гадамер, Х.Г. Истина и метод. – М., 1988.
3. Фихте, И.Г. Сочинения: в 2 т. – СПб., 1993.
4. Интерпретация семантических отношений текста. – Саратов, 1998.
5. Хайдеггер, М. Время и бытие. – М., 1993.

Bibliography

1. Khayjdegger, M. Rabotih i razmishleniya raznihkh let. – M., 1993.
2. Gadamer, Kh.G. Istina i metod. – M., 1988.
3. Fikhte, I.G. Sochineniya: v 2 t. – SPb., 1993.
4. Interpretaciya semanticheskikh otnosheniy teksta. – Saratov, 1998.
5. Khayjdegger, M. Vremya i bihtie. – M., 1993.

Статья поступила в редакцию 26.03.14

УДК 803.0-3

Zudaeva V.V. SYNONYMY AS ONE OF THE WAYS OF DESCRIBING A BRAVE PERSON IN RISKY SITUATIONS.

The purpose of the present article is the description of a synonymic row with a dominant of *tapfer*, used for characterizing a brave person in German linguoculture. An attempt has been made to consider a brave person in situations of risk based on the materials containing a synonymic row with the dominant of *tapfer*.

Key words: synonymic row, dominant of a row, brave man, situation of risk.

V.B. Зудеева, аспирант каф. немецкой филологии ИГЛУ, г. Иркутск, E-mail: veronikaz2007@mail.ru

СИНОНИМИЧЕСКИЙ РЯД КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ОПИСАНИЯ ЧЕЛОВЕКА ХРАБРОГО В СИТУАЦИЯХ РИСКА

Статья посвящена описанию синонимического ряда с доминантой *tapfer*, используемого для характеристики человека храброго в немецкой лингвокультуре. На материале синонимического ряда с доминантой *tapfer* принята попытка рассмотреть человека храброго в ситуациях риска.

Ключевые слова: синонимический ряд, доминанта ряда, человек храбрый, ситуациириска.

Неотъемлемой чертой лингвистической науки конца XX и начала XXI столетий является проблема человеческого фактора в языке. При описании проблемы «язык и человек» во многих исследованиях строжайшим становится вторая составляющая указанной пары – человек, поскольку без связи с человеком трудно осмыслить функционирование языка как действенного инструмента познания и коммуникации. В связи с этим как никогда велико осознание того, что язык – это особый «мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека» [1, с. 13].

Следствием сдвига в «эпицентре» научных обсуждений проблемы «язык и человек» являются изменения и новый ракурс в

описании семантических констант языка в тесной связи с носителями языка – живыми, активными, пристрастными, чувствующими, мыслящими и переживающими [2, с. 381] и их духовной и практической деятельностью. Такая направленность современных исследований делает особенно актуальной проблему синонимии, при описании которой точкой отсчета выступает человек, находящийся в поиске адекватных описываемой ситуации и его замыслу синонимических средств языка, а поставленный рядом с ним объект (синонимы) служит его характеристике. Это прежде всего лексические единицы, описывающие «тело и душу человека, его физиологические реакции на мир, различные физические, речевые, ментальные, волевые действия, состояния и свойства ...» [3, с. 8].

Одной из реакций человека на внешнее проявление в окружающем его мире является подавление чувства страха в опасной ситуации, несмотря на ее последствия, в большей мере негативные, с возможным риском и ущербом для себя. При этом человек проявляет разные качества, для обозначения которых в языке имеется целый ряд совпадающих в смысловом отношении имен прилагательных. Эти качества являются универсальной чертой человека в любой лингвокультуре, в том числе и в немецкой, для обозначения которых существует в языке синонимический ряд с доминантой *tapfer*.

Рассматриваемый синонимический ряд характеризуется единым каркасом повторяющихся, «сквозных» признаков, в той или иной мере свойственных каждому синониму рассматриваемого ряда. К числу таких признаков следует отнести, в первую очередь, смысловые компоненты, свойственные доминанте *tapfer*, являющейся нейтральной и статичной, отличающейся частотностью ее использования в речи. Данное обстоятельство неизбежно предполагает в лингвистической литературе понимание доминанты синонимического ряда как «стилистически, прагматически, коммуникативно, грамматически, просодически» наиболее нейтральной единицы языка [4, с. 306].

Анализ дефиниций лексемы *tapfer*, представленных в словарях современного немецкого языка, позволил выявить следующие смысловые компоненты в ее семантическом объеме. К их числу относятся: а) «*sich furchtlos und zum Widerstand bereit mit Gefahren und Schwierigkeiten auseinandersetzend, mutig*»; б) «*nicht wehleidig; beherrscht, Schmerzen und seelische Regungen, Gefühle nicht sichtbar werden lassend*»; в) «*ohne zu klagen, was als lobenswert angesehen wird*» [5, с. 2564; 6, с. 1514]. Благодаря наличию таких смысловых компонентов синонимы удерживаются в пределах одного синонимического ряда, не позволяя ему (ряду) разрушиться.

Однако, как самая частотная и общепотребительная единица, доминанта не во всех случаях является той уникальной единицей, которая наиболее полно и точно выражает признаки обозначаемого понятия. Для этого, как показывает опыт анализа многочисленных синонимических рядов на материале разных языков, используются периферийные элементы синонимического ряда, которые как элементы в намагниченных цепочках, притягиваются к доминанте. Отметим при этом, что синонимический ряд устроен так, что связи между словами не существуют сами по себе. Наоборот, в этих связях раскрывается особенная, именно им присущая семантика отношений, способствующая формированию информации о человеке храбром в ситуациях риска в немецкой лингвокультуре.

Благодаря притяжению всех синонимов ряда к доминанте и выстраиванию вокруг нее, образуется определенная упорядоченность всего синонимического ряда, в которой доминанта является точкой пересечения всех периферийных значений. И в этом плане общие значения, не позволяющие синонимическому ряду разрушиться, и дифференциальные значения, позволяющие каждому члену ряда отличаться от других синонимов, могут быть соотношены как континуальное и дискретное в синонимическом ряду [7]. При этом дифференциальные значения каждого из синонимов приобретают особую значимость и являются необходимым основанием, обуславливающим и поддерживающим их наличие в синонимическом ряду.

Таким образом, каждый синоним ряда, актуализируя определенный ракурс описания человека храброго, соединен с другими синонимами и одновременно противостоит им как часть целому. Части в рамках целого дискретны, однако, дискретность очерчивается не только одной языковой единицей, но и несколькими единицами. Следовательно, внутри описываемого ряда можно выделить несколько синонимических единиц, характеризующих человека храброго, в ситуациях, когда имеют место опасность и риск.

Прежде чем перейти к описанию таких синонимических единиц, обратимся к доминанте всего ряда *tapfer*. Из определения лексемы *tapfer*, используемой для характеристики человека храброго, очевидно, что его действия, направленные в большинстве случаев на обеспечение безопасности своей жизни и жизни других людей, сопряжены с риском, не исключая в самом общем виде возможность различного плана негативных последствий в результате его собственных действий.

Ввиду того, что риск заключает в себе возможность ущерба, который может привести к изменению свойств какого-либо явления или объекта, в результате чего меняется их устойчи-

вость или стабильность, или снижаются условия их существования вплоть до исчезновения, акцент при рассмотрении делается, в основном, только на способности нанести ущерб.

Однако, риск помимо негативных, чреватых опасными последствиями характеристик, может иметь позитивные следствия, поскольку у человека появляется шанс проявить инициативу и добиться желаемой развязки [8, с. 65]. Человек, принимая в своей жизнедеятельности определенное решение или осуществляя какое-либо действие, связанное с определенной долей риска, имеет шанс избежать или минимизировать ущерб, чему, к сожалению, не уделяется достаточного внимания.

Однако, всё нарастающая этническая, политическая, экономическая напряженность современного мира с той или иной степенью доли неопределенности, неустойчивости, хаотичности процессов в обществе в целом заставляет осознать, что имеется и другая составляющая риска – возможность избежать или минимизировать ущерб, т.е. преимущества принятия риска во имя достижения желаемой цели. Это заложено и в самом определении риска: «*möglicher negativer Ausgang bei einer Unternehmung, mit dem Nachteile, Verlust, Schäden verbunden sind; mit einem Vorhaben, Unternehmen verbundenes Wagnis*» [6, с. 1259].

Риск связан, прежде всего, с внутренним выбором (принятием решения) субъекта. Причем для такого принятия, ограниченного во времени, характерны критичность и необходимость по возможности скорейшего разрешения проблемы. Для осуществления этого необходимы от человека и другие качества, к числу которых в первую очередь следует отнести качества человека храброго. О тесной связи между ними свидетельствует включение в синонимический ряд с доминантой *tapfer* лексем *draufgängerisch*, *kühn*, *wagemutig*. Их смысловой объем в большей или меньшей степени характеризуется наличием такого смыслового компонента как «*Mut zum Risiko besitzend*» [6, с. 1703], отличающий лексемы *draufgängerisch*, *kühn*, *wagemutig* от всех остальных членов рассматриваемого синонимического ряда.

С другой стороны, именно смысловой компонент «*Mut zum Risiko besitzend*» становится тем параметром, который объединяет *draufgängerisch*, *kühn*, *wagemutig*, предоставляя тем самым языковой личности спектр возможностей описания человека храброго в ситуациях риска во всем множестве его проявления. Актуализацией этого смыслового компонента выступает лишь фон, как общее, абстрактное в описании человека храброго в ситуациях риска. В связи с этим целью дальнейшего анализа рассматриваемых синонимов ряда с доминантой *tapfer* является воссоздание конкретного посредством синтезирующей обработки множества фрагментов с каждым из этих синонимов.

Если обратиться к примерам, в которых используется лексема *wagemutig*, то обращает на себя внимание такой незначительный, но всё же имеющий для нашего анализа значимость, следующий штрих: так или иначе в описании ситуации с риском речь в большинстве случаев идет о необходимости преодоления страха. Не будет преувеличением, если скажем, что это является возможным не каждому человеку, а человеку храброму, отличающемуся бесстрашием. Идея выражения бесстрашия человека в кризисных для его жизнедеятельности ситуациях актуализируется лексемой *wagemutig* со свойственным ей значением «*kühn, unerschrocken, verwegen; Mut zum Risiko besitzend*» [6, с. 1703] или «*mutig, etwas zu wagen*» [9, с. 4089] в следующем текстовом фрагменте:

Bei Sonnenuntergang erwachte er, witterte nach allen Himmelsrichtungen, und erst, wenn er sicher gerochen hatte, dass auch der letzte Bauer sein Feld verlassen und auch der wagemutigste Wanderer vor der hereinbrechenden Dunkelheit eine Unterkunft aufgesucht hatten, erst wenn die Nacht mit ihren vermeintlichen Gefahren das Land von Menschen reingefegt hatte, kam Grenouille aus seinem Versteck hervorgekrochen und setzte seine Reise fort [10, с. 60].

Речь в приведенном текстовом фрагменте идет о скитаниях человека, предпочитающего по определенным причинам продолжать свой путь только ночью, несмотря на то, что такое передвижение является для него небезопасным. Реальная возможность опасности и вместе с ней нечто неблагоприятного и возможно вреда (не исключается и угроза жизни), не пугают и не останавливают его. Причем он может рассчитывать только на себя,

поскольку вокруг него никого нет: солнце село, все селяне ушли с поля. Каковы бы ни были обстоятельства, приведшие его к такому путешествию, основные механизмы его поступка сводятся к преодолению страха в описываемой ситуации риска и к надежде на благоприятный для него исход.

Это показано в тексте, во-первых, неявно выраженным сравнением с путешествующим *Wanderer*, характеризующимся как *der wagemutigste Wanderer*. Фон, созданный прилагательным *wagemutig* и окружающими его лексемами *Nacht*, *Dunkelheit*, *Gefahren*, позволяют извлечь подтекстовую информацию, «прочитать между строк» о состоянии, характере и драматизме ситуации персонажа, вынужденного бросать свое убежище и продолжать путешествие только с наступлением темноты и предстоящей ночи.

Заметим, что в данном случае избрана не доминанта синонимического ряда *tapfer*, а именно элемент периферийной части ряда *wagemutig*, привносящий новый, более точный, емкий по содержанию, смысловой нюанс. Именно указание в описании ситуации на то, что это происходит ночью, в темноте, где он может быть незамеченным, является значимым, создавая и выражая высокую смысловую усложненность и особую концентрацию идеи об опасности, с которой может столкнуться персонаж, и о риске, на который он может решиться. Во-вторых, использованием прилагательного *wagemutig* отчетливо показывается, что у человека есть шанс не допустить негативных последствий, избежать их даже в такой ситуации. Это реализуется выделением на фоне значения «*Mut zum Risiko besitzend*» [6, с. 1703] или «*mutig, etwas zu wagen*» [9, с. 4089] других значений *wagemutig*, а именно – «*verwegen*» и «*kühn*», которые, взаимодействуя и сплетаясь между собой в известной мере, «предсказывают» последующие его действия и дальнейшее развитие смысла в тексте.

Несколько иные смысловые акценты формируются и всплывают в сознании читателя при использовании другой лексемы данного ряда – *kühn* в ситуациях, связанных с опасностью и риском. В первую очередь бросается в глаза то, что в толковании этой лексемы, несмотря на общность смысловых компонентов с предыдущим синонимом *wagemutig*, имплицитно содержится указание на некоторую исключительность человека храброго в ситуации риска, отличающую его от других людей. Речь идет о таком смысловом компоненте лексемы *kühn* как «*von wagemutiger Dreistigkeit und Verwegenheit in einer Äußerung oder seinem Verhalten gegenüber andern*» [6, с. 907]. Получается, что такое качество человека как бы проявляется на фоне других людей («*gegenüber andern*»), характеризуя его как особенного и выделяя из множества или среди многих других, ср.:

Dieser Hafen am äußersten Ende des Abendlandes, auf achtunddreißig Grad nördlicher Breite und acht Grad westlicher Länge gelegen, war das Tor zur Neuen Welt. Von hier aus waren die kühnsten und bedeutendsten Seefahrer der jüngsten Vergangenheit aufgebrochen, Vasco da Gama und Cristoforo Colombo, um den Seeweg nach Indien und den Kontinent Amerika zu entdecken. Auf keinem Fleck der Erde herrschte größere Betriebsamkeit als hier, unter dem Turm von Beiern. Vom Aufgang der Sonne bis zum Einbruch der Nacht mischte sich an den Hafenkais das eintönige Kreischen der Möwen mit dem babylonischen Geschrei der Kaufleute und Makler [11, с. 42].

В приведенном тексте описывается оживленная сцена отправки из гавани судна с мореплавателями-первооткрывателями, отважившихся на нелегкое дальнейшее морское путешествие, опасное уже тем, что это цель этого намеченного предприятия – поиск новых земель и стран. Известно, что при столкновении с новым, ранее неизведанным не всегда представляется возможным предусмотреть хотя бы некоторые будущие результаты своих действий, что позволило бы легче перенести все трудности, с которыми могут столкнуться люди в путешествии. Четко осознается опасность, но люди, тем не менее, не отказываются от идеи поиска и освоения новых земель и территорий. Бесспорно, не каждый человек способен на такое небезопасное путешествие, что является, на наш взгляд, основанием появления прилагательного *kühn* в данном отрывке при характеристике таких людей. Неслучайный характер выбора именно этой лексемы из синонимического ряда подтверждается также другим смысловым компонентом, отмеченным в другом словаре современного немецкого языка – «*ganz neu, ungewöhnlich oder alles*

überraffend» [12, с. 595]. Особая роль при этом принадлежит контекстному окружению прилагательного *kühn*, представленного лексемами *entdecken*, *das Tor zur Neuen Welt* с соответствующими им значениями.

Отправляющиеся в плавание отличаются от тех людей (*Kaufleute und Makler*), которые остались на земле, наличием в своем характере таких качеств как смелость и дерзость. Можно сказать, эти качества и внешне показательны, как бы качества «проявляются» напоказ.

Более отчетливо выражен человек храбрый, действующий напоказ в балладе Ф. Шиллера «*Der Taucher*». Главный герой соглашается на предложения короля и совершает безрассудный поступок, опасный со всех точек зрения для жизни. Ему необходимо вернуть золотой кубок с морского дна. Рискуя своей жизнью, молодой паж выполняет требование короля дважды, но второй раз за награду – женитьба на его дочери. Это достаточно сложная ситуация, полна риска и опасности. Но героя, которого автор характеризует как *kühner Schwimmer*, ничто не останавливает:

Und geheimnisvoll über dem kühnen Schwimmer

Schließt sich der Rachen, er zeigt sich nimmer [13, с. 137].

Если первая попытка добыть кубок из морского дна увенчалась успехом, то вторая закончилась трагедией. Информация о человеке храбром в ситуации риска смоделирована с помощью языковых единиц *ein Schrei des Entsetzens, geheimnisvoll, auf Leben und Sterben stürzen*, способствующие выбору слова *kühn* для характеристики человека храброго в данном отрывке.

Обратимся к следующей языковой единице рассматриваемого ряда – *draufgängerisch*. Анализируемая лексема *draufgängerisch* подобно предыдущим синонимам может использоваться для описания человека храброго, находящегося в ситуации риска, однако, в отличие от других синонимических единиц, данным словом подчеркивается безудержная, лихая смелость человека. Такой человек, как правило, не задумывается в силу различных причин о последствиях своих действий.

Именно это делает лексему *draufgängerisch* специфичной в рассматриваемом ряду синонимов, что подчеркивается в ее определении, в котором человек, характеризующийся данной лексемой, пытается «*seine Ziele zu erreichen, ohne dabei auf Gefahren zu achten oder an die Konsequenzen seines Handelns zu denken*» [12, с. 233]. Такой человек охвачен полностью своими желаниями и стремлением достичь своей цели, потому пренебрегает предстоящей опасностью, которая может стоить ему жизни, как это имеет место в следующем текстовом фрагменте:

Hübsch, draufgängerisch, erfolgreich: Amelia Earhart ist eine Legende, seit sie beim Flug um die Welt verschwand... Das Leben der hübschen Draufgängerin hätte sich kein Drehbuchautor besser ausdenken können – inklusive ihres spurlosen Verschwindens mit Südsee-Exotik und Spionagegerüchten. 75 Jahre nach ihrem mutmaßlichen Verschwinden soll jetzt eine großangelegte Suche das Rätsel lösen [14].

Речь идет о женщине-пилоте, перелетевшей Атлантический океан и пропавшей без вести во время совершения своего кругосветного полета. Ее решение отправиться в кругосветное путешествие подобно авантюре, сомнительному поступку, но тем не менее она решает на это, причем с большим энтузиазмом, о чем свидетельствует в значении имени существительного *Draufgänger* смыслового компонента «*mit Elan*»: «*verwegener Mensch, der, ohne zu zögern und auf Gefahren zu achten, sein Ziel zu verwirklichen trachtet, sich mit Elan für etwas einsetzt*» [6, с. 362]. Именно это существительное лежит в основе производного прилагательного *draufgängerisch*.

Итак, анализ фактического материала показывает, что синонимический ряд с доминантой *tapfer* представляет собой один из способов описания человека храброго в немецкой лингвокультуре. Полученные данные анализа способствуют в дальнейшем лингвистическому моделированию информации о человеке храбром и его личностных качествах, что входит в ряд важных задач современной науки. От качества действий человека храброго зависит не только его безопасность, но и безопасность жизнедеятельности общества при росте этнической, политической, экономической напряженности во взаимоотношениях между людьми.

Библиографический список

1. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984.
2. Залевская, А.А. Актуальные проблемы лексической семантики // Теоретические проблемы языкознания: сб. ст. – СПб., 2004.
3. Апресян, Ю.Д. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. – М., 2004.
4. Апресян, Ю.Д. Избранные труды. Лексическая семантика: в 2 т. – М., 1995. – Т. I.
5. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in 6 Bänden. – Mannheim, 1981.–Bd. 6.
6. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. – Mannheim, 1996.
7. Хантакова, В.М. Теория синонимии: опыт интегрального анализа: монография. – Иркутск, 2006.
8. Ефимова, Н.Н. Онтологизация концепта «Риск» в английской фразеологии: дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2000.
9. Wahrig, G. Deutsches Wörterbuch. – München, 1980.
10. Süskind, P. Das Parfum: Die Geschichte eines Mörders. – Zürich, 1994.
11. Prange, P. Die Gottessucherin. – München, 2011.
12. Langenscheidts. Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. – М., 1998.
13. Schiller, F. Schillers Werke in fünf Bände.- Berlin, 1971. – Bd. 1.
14. [Э/р]. – Р/д: <http://www.welt.de/vermischtes/article106164269/Mysterioeser-Flug-um-die-Welt-der-nie-zu-Ende-ging.html>

Bibliography

1. Gumboldt, V. Izbranniye trudih po yazykhoznaniiyu. – М., 1984.
2. Zalevskaya, A.A. Aktualniye problemih leksicheskoy semantiki // Teoreticheskie problemih yazykhoznaniiya: sb. st. – SPb., 2004.
3. Apresyan, Yu.D. Noviy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazhka. – М., 2004.
4. Apresyan, Yu.D. Izbranniye trudih. Leksicheskaya semantika: v 2 t. – М., 1995. – T. I.
5. Duden. Das gro?e Worterbuch der deutschen Sprache in 6 Banden. – Mannheim, 1981.–Bd. 6.
6. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. – Mannheim, 1996.
7. Khantakova, V.M. Teoriya sinonimii: opiht integral'nogo analiza: monografiya. – Irkutsk, 2006. 8. Efimova, N.N. Ontologizatsiya koncepta «Risk» v angliyskoy frazeologii: dis. ... kand. filol. nauk. – Irkutsk, 2000.
9. Wahrig, G. Deutsches Worterbuch. – Munchen, 1980.
10. Suskind, P. Das Parfum: Die Geschichte eines Mörders. – Zurich, 1994.
11. Prange, P. Die Gottessucherin. – Munchen, 2011.
12. Langenscheidts. Gro?wörterbuch Deutsch als Fremdsprache. – М., 1998.
13. Schiller, F. Schillers Werke in funf Bande.- Berlin, 1971. – Bd. 1.
14. [Eh/r]. – R/d: <http://www.welt.de/vermischtes/article106164269/Mysterioeser-Flug-um-die-Welt-der-nie-zu-Ende-ging.html>

Статья поступила в редакцию 25.03.14

УДК 82.08:159.9

Karamasheva V.A. THE MAIN TOPICS OF THE LYRICS BY A. KOZLOVSKY. The article is dedicated to creative work of a well-known Siberian poet A. Kozlovsky. The author analyses the system of images and the main themes in A. Kozlovsky's lyric poetry as well as the particular features of ideological and thematic contents in his book of "The Season of Separation".

Key words: poet, poetry, writer, lyric poetry, Russian Literature, poetics (theory of poetry), creative work, theme, idea, composition.

В.А. Карамашева, д-р филол. наук, проф. каф. литературы института филологии и межкультурных коммуникаций Хакасского гос. университета им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, E-mail: vika.karamasheva@yandex.ru

ОСНОВНЫЕ ТЕМЫ ЛИРИКИ А.Д. КОЗЛОВСКОГО

Статья посвящена творчеству известного русского поэта Сибири А. Козловского. Автор рассматривает систему образов, основные мотивы лирики А. Козловского, особенности идейного и тематического содержания сборника «Сезон разлук».

Ключевые слова: поэт, поэзия, писатель лирика, русская литература, поэтика, творчество, тема, идея, композиция.

Алексей Дмитриевич Козловский родился 4 августа 1947 года в селе Строганово Минусинского района Красноярского края. После школы поступает в Красноярский государственный педагогический институт на географический факультет, по окончании которого, с 1970 года по настоящее время, работает учителем в Новотроицкой средней школе Бейского района Республики Хакасии. За доблестный труд получил звание «Заслуженный учитель Республики Хакасия». А. Козловский является автором поэтических сборников «Дни осени», «Светлые леса», «Сезон разлук», сборников рассказов и повестей «Зеркало», «По кругу любви и печали».

Как поэт Александр Дмитриевич становится известным с 1974 года. Первые его стихи («С полей дохнуло холодком...», «Ты протянешь озябшие руки...») были напечатаны в журнале «Енисей». Позже он стал писать рассказы, повести. Его произведения печатались в различных журналах нашей страны: «Енисей», «Поиск», «Стрежень», «День и Ночь», «Улуг-Хем», «Молодая гвардия», «Смена», «Светлица», в сборниках «Встреча», «Слово родного края», «На поэтическом меридиане».

Алексей Дмитриевич Козловский – член Союза писателей России, один из ярких поэтов нашего времени. За свою жизнь он успел издать несколько сборников. В третьем сборнике – «Сезон разлук» (1994) мы встречаемся со зрелым, не утратившим самобытности большим поэтом, слышим его «поэтический голос», его неповторимый тембр.

В этой книге можно выделить тематику, затронувшую его до глубины души: развал Советского Союза, реформы нового государства, люди и их судьбы, тема любви и одиночества, жизни и смерти. В стихотворении «Спор в общежитии» автор с тревогой говорит:

Все слова о перестройке –
Как прибавить, где отсечь.
И оратор прямо с койки,
Как с трибуны, держит речь.

Культ, застойная эпоха –
Из единого котла...
Разобраться бы неплохо,
Где таится корень зла [1, с. 14].

Поэт сосредоточил своё внимание на внутреннее состояние человека, на его нравственном выборе, на поиски «истины» в переломный момент нашей страны. Стихотворения, включенные в сборник, отличаются искренностью, достоверностью в изображении трудностей и радостей нашей перестроенной жизни в 90-е годы. Надо отметить, что труд в лирике А. Козловского выступает и как социальная, и как философская категория, которому нужно посвятить всего себя:

В мастерской, отслужившей свой век,
Зачастую под честное слово,
Чинит обувь седой человек
Моментально, раз-два и готово.

Коротая сиротские дни,
не сроднившись с копеечным делом,
ты, старик, нашу жизнь почини,
мы латаем ее неумело.

Думал ли когда-нибудь воин-фронтовик, освободив мир от фашизма, что будет прозябать в нищете, зарабатывая на жизнь «копеечным делом», и потому он молчалив и его взгляд тяжел:

Он молчит, но тяжел его взгляд.
Блекнет отсвет заката на стенах.

Он молчит, лишь медали звенят
За Москву и «За взятие Вены» [1, с. 16].

Стихи Козловского порой наивны, но всегда показывают непростую жизнь народа, его думы, заботы, переживания – они автобиографичны:

Играй, гармонь, в часы невзгоды,
Всходи высокою звездой,
За горькой памятью народа
Катись последнею слезой.

Гармонь является тем инструментом, которая выражает все жизненное, подлинное, народное. Она проявляет себя в этом стихотворении как символ души русского народа, как символ свободы слова и действия. Автор подчеркивает ощущение безысходности народа, поставленного с течением обстоятельств в ситуацию выживания.

Библиографический список

1. Козловский, А.Д. Сезон разлук: тетрадь стихов. – Абакан, 1994.

Bibliography

1. Kozlovskiy, A.D. Sezon razluk: tetradj stikhov. – Abakan, 1994.

На демонстрациях, трехрядка,
Режь правду-матку напрямик.
Тобой блюстителем порядка
Предъявит звонкий счет мужик [1, с. 10].

Особенно удачны у автора пейзажные зарисовки. Запоминается, например, оригинальное видение поэта в стихотворении «Еще шуршит по-летнему листва», где поэт с грустью говорит о приближающейся «осени жизни»:

Еще шуршит по-летнему листва,
сквозняки июльские гуляют
По сентябрю, и словно острова
Черемух, распускающихся в мае,
Над нашим старым домом облака...
И дрогнет неожиданно рука,
Как стрелочка, почуявшая вьюгу.
Ты будешь тихо в осень выбирать,
Так в лодке выгребают на средину [1, с. 52].

Здесь при помощи сравнений и метафор автором достигается расширение художественного пространства (дом, лес, река) и времени (весна, лето, осень, зима). «Сквозняки гуляют», «почуявшая вьюга», «кружить ветрам» – эти явления природы традиционны в русской литературе, они символизируют судьбу человека, народа, страны, а также символизируют космос, вечность, откуда мы пришли познавать этот мир. Финальная фраза: «- Как же я устала» – композиционно сужает пространство и время, лирическому герою необходим покой, тихое уединение, семейное счастье.

Прошлое, настоящее и будущее лирического героя и родной земли связаны в творчестве А. Козловского «самой жгучей и самой смертной связью». Знакомая с художественным миром А.Д. Козловского, поражаешься его прозорливости, логике мышления, его стремлением помочь разобраться человеку в себе, ибо без этого невозможно постичь окружающий мир. Видимо этим объясняется исключительная сложность авторского образа: поэт предстает в своем творении как лирик, философ, патриот, живущий по принципу: «Душа обязана трудиться...»

Статья поступила в редакцию 22.03.14

УДК 811. 161+378/147 (082+0,75.8)

Konyashkin A.M., Chadamba Sh.C. ABOUT SOME SPECIFIC FEATURES OF INTRODUCTION OF TUVINIAN PROVERBS INTO A LITERARY TEXT (WITH THE REFERENCE TO RUSSIAN TRANSLATIONS). The article deals with the problem of translation of Tuvian proverbs and the means and ways of their introduction into literary texts in the process of translation of texts into Russian.

Key words: sentence, paroemia, translation, equivalent, syntax, semantics, word, comparison, analysis, judgment.

А.М. Коняшкин, д-р филол. наук проф. каф. русского языка и методики преподавания Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, E-mail: vika.karamashewa@yandex.ru;

Ш.С. Чадамба, аспирант каф. русского языка и методики преподавания Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, E-mail: bartringer 96 @mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ВВЕДЕНИЯ ПАРЕМИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ)

В статье рассматривается проблема перевода тувинских паремий, средства, способы их введения в тексты русских художественных переводов.

Ключевые слова: предложение, паремия, перевод, эквивалент, синтаксис, семантика, слово, сравнение, анализ, суждение.

Прецедентный характер паремий (пословиц и поговорок) проявляется в том, что они, отражая ментальный архетип, заключающая в себе колоссальный объем знаний, накопленных эмпи-

рическим путем, являясь национальным культурным достоянием, широко известны и постоянно воспроизводятся – как в устной речи, так и письменной. Процесс же воспроизводства мо-

жет быть различным по степени сложности. Так, например, художественный перевод инациональных пословиц имеет, по нашему мнению, наивысшую степень сложности.

Пословицы, краткие изречения с назидательным и переносным значением, и поговорки, образные, иносказательные лаконочные выражения, содержащие определение или оценку, принадлежат сфере разговорной речи. Большинство из них представляют собой литературно обработанные конструкции разговорного синтаксиса. Их представительство (зачастую весьма широкое) в структуре художественного текста, в частности переводческого, обуславливаются важностью общих (для всех паремий) задач: коммуникативная функция, информативная, познавательная, аксиологическая (оценочная), дидактическая, этическая, фатическая (контактоустанавливающая), стилистическая, эмотивная, мотивирующая мировоззренческая и т.д. [1, с. 81-82].

Таким образом, паремии характеризуются полифункциональностью. Функции имеют четкую реализацию, а их набор не лимитирован, поскольку и писатели и переводчики, творчески преобразуя пословицы, внедряя их в оригинальный контекст, нередко наделяют «произведения малого жанра» новыми функциями. Реализация же функций осуществляется не дифференцированно, а комплексно, то есть происходит совмещение функций.

Исследование переводов национальных паремий свидетельствует о том, что в большинстве случаев невыполним не только идеальный перевод, но и в отдельных случаях, например, когда велик объем фоновых знаний, перевод относительный – «приблизительный», что редукция национальной специфики в данном процессе абсолютно неизбежна. Она может быть полной и неполной. Например, выражение *Твердые кости выплюну, мягкие высморкаю* (К.-Э. Кудаж. Улуг-Хем неугомонный. Перевод А. Китайника; см. также: Б. Будуп. Пословицы и поговорки тувинского народа) в оригинальном тексте репрезентируется как пословица, а в переводе таковой не является, так как переносное значение (основное значение паремий) не воспроизводится; а выражение *Ни у бургана (бога – Ш.Ч.) лампада, ни у чёрта щипцы* – является, поскольку в русском переводе может передаваться частичное соответствие: *Ни богу свечка, ни чёрту кочерга*. Соответствие в данном случае ограничивается наличием экзотизма *бургана*. Если в данном случае неполное соответствие создается главным образом лексическим способом, то в следующих примерах – лексико-синтаксическим: *У трусливого глаза велики* (Б. Будуп. Пословицы и поговорки тувинского народа); *Старый конь не собьётся с дороги* (там же). Ср.: *У страха глаза велики; Старый конь борозды не испортит*.

В тех случаях, когда в оригинальном тексте цитируется русская пословица, мы, тем не менее, говорим не об «идеальном переводе», а о полном соответствии (между текстом оригинала и перевода) в виде повтора цитирования – сначала в тексте оригинала, затем – перевода. Например: *Нет дыма без огня* (К.-Э. Кудаж. Улуг-Хем неугомонный); *Где ты видел, чтобы яйца кур учили* (К.-Э. Кудаж. Две Оксаны); *Чему быть – того не миновать* (там же); *Работа не волк – в лес не убежит!* – лихо сболтнул Дурзун-оол, выпрыгивая из машины (М. Кенин-Лопсан. Танец козерога); *Волков бояться – в лес не ходить* (там же); *Не всё золото, что блестит* (Д. Сарыкай. След в тайге).

Одним из наиболее распространенных средств введения являются слова, обозначающие речевую деятельность. Например, глагол *изрёк*, и глагол *говорить* – в обобщенно-личной форме: *Чужая душа – потемки!* – изрек чалан (К.-Э. Кудаж. Улуг-Хем неугомонный); *Говорят, от стыда свою собаку убивают* (там же); *Говорят, лошади знакомятся через ржание, а люди узнают друг друга через разговор* (С.А. Сарыг-оол. Повесть о светлом мальчике); *Говорят, от сиротства не умирают* К.-Э. Кудаж. Улуг-Хем неугомонный); *Говорят же: не жить человеку без семьи, а скоту без травы* (там же); *Говорят, кто раньше встанет, тот раньше к мясу подгадывает* (К.-Э. Кудаж. Тихий уголок); *Говорят, с сильным не борись, с богатым – не судись* (С.А. Сарыг-оол. Повесть о светлом мальчике); *Говорят: есть не будешь – проголодаешься, злой нрав не спрячешь – покаешься* (С. Тока. Слово арата); *– Кто рано встает, тому бог даёт, – так говорили, бывало, в старину* (Д. Бегзи. Повесть о друге).

Полифункциональный характер рассматриваемого компонента очевиден: с одной стороны, это предикативная часть бес-

союзного сложного предложения, выражающего изъяснительные отношения, с другой – обобщенно-личная форма указывает на «коллективного деятеля», с третьей – указывает на паремийологический, концептуальный, «ключевой» характер высказывания, заключающего в себе наиболее значимый информативный компонент – мотивация, аргументация, резюме, оценка, мораль и т.д. Это характерно как для тувинских паремий, подвергшихся в процессе перевода полной или частичной «семантической редукции», так и для русских – «вторично процитированных» (сначала в тексте оригинала, затем в переводе) паремий.

Помимо этого, они в обобщенном виде маркируют источник мысли-речи, что в некоторой степени сближает их с вводными конструкциями со значением «источник сообщения». Ср. с ними: *Как говорится, бык стал смиренным и сам напросился в упряжку* (К.-Э. Кудаж. Тихий уголок); *Как говорится, дурак ненавидит правдолюбца, а злая собака – человека с палкой; Как говорится, надо самому сватать, а не на дядю надеяться* (К.-Э. Кудаж. Тихий уголок).

В первых двух примерах наблюдается отсутствие переносного значения тувинских пословиц, поскольку оно редуцировалось в процессе перевода, в третьем – частичное соответствие между оригиналом и переводом. Ср., например, с русской пословицей: *На бога надейся, а сам не плошай*. Частичное соответствие обусловлено наличием общего ключевого слова *надейся*. Тем не менее, во всех случаях вводная конструкция выполняет идентичную – маркирующую функцию, указывает реципиенту на наличие (несмотря на утрату «паремийологического статуса») актуализированного смыслового содержания.

Языковая среда, генерирующая паремии, как правило, обозначается двухкомпонентными моделями: *Наши предки говорили: «Горько горе, но горше его табачный дым»* (М. Кенин-Лопсан. Судьба женщины); *Говорят же охотники: иди туда, где убил косулю (там же); Тувинцы говорят: натрешь спину (коню – Ш.Ч.) – ходишь иноходью* (К.-Э. Кудаж. Улуг-Хем неугомонный); *Мудрецы говорили: «Человек мужает – войлок растягивается»* (М. Кенин-Лопсан. Судьба женщины).

Позиция субъекта может замещаться предположно-падежной конструкцией *в народе*: *В народе говорят: «И котёнок в мыслях на вершины горы поднимается»* (там же); *Не зря говорят в народе: «Секира ранит тело, а несправедливость калечит душу»* (С. Тока. Слово арата).

Полагаем, что использование моделей позволяет говорить о конструктивно-синтаксическом способе введения паремий в художественный текст. В связи с этим необходимо обратить внимание и на продуктивность контекстуального способа, поскольку в контексте эксплицируется как интенция говорящего, так и пресуппозитивная составляющая текстовых фрагментов. Например:

«Семен Лукич Домогацких встал в Усть-Барыке на обе ноги, во весь рост выпрямился... Прикидывая и прибрасывая всё своё движимое-недвижимое, он не раз предлагал жене:

– Ну что, Мокеевна, может теперь-то хватит? Что если снова нам за Саяны вернуться? Кланяться никому не станем, а кой-кому и нос утрём...

Серафима себе на уме.

– Не спеши, Лукич, рано ещё. Тише едешь – дальше будешь. Урянхи (тувинцы – Ш.Ч.) эту пословицу по-своему говорят тоже ладно: «Спокойной рысью лучше ехать, чем во всю прыть коня гнать»;

«Серафима Мокеевна оказалась всё же дальновиднее мужа.

– Пора нам уезжать за Саяны...

Есть у русских поговорка: «Аппетит приходит во время еды»... Ненасытный аппетит Домогацких крепко держал его в Туве... А ответил Семен Лукич супруге по-тувински:

– *Торопливая муха в молоке тонет*» (К.-Э. Кудаж. Улуг-Хем неугомонный).

Примеры показывают, что происходит спор и взаимозамена позиций. Основные же доводы при этом содержатся в русских и тувинских пословицах. Они свидетельствуют о том, что способы введения паремий в художественный текст имеют интеграционный характер проявления. Идеальным средством введения в текст паремий является гипонимический «паремийологический» ряд – пословица, поговорка, народная мудрость, изречение, присловье и т.п.

Примеры: *Есть пословица, что во время джута собаки жиреют* (С. Сарыг-оол. Повесть о светлом мальчике); *По пословице: «Жена мужскими делами не занимается – козья голо-*

ва на пиру не подается» (там же); Как говорится в пословице, имеющий сыновей прямо говорит, имеющий дочерей – намеками (К.-Э. Кудаж). Вспомнилась старая поговорка: «Хорошо, когда приглашают, плохо, – когда вызывают» (К.-Э. Кудаж. Тихий уголок); – Тос-Танма, ты же знаешь поговорку: из скота милее всех верблюд, из родни всех ближе свояк (там же); Есть у русских такая поговорка: «Аппетит приходит во время еды» (К.-Э. Кудаж. Улуг-Хем неугомонный); Народная мудрость так рассуждает: «Имеющий сыновей всю правду скажет, имеющий дочерей намеками привяжет» (М. Кенин-Лопсан. Танец козерога); Древнее изречение говорит: «Женская душа благородна» (М. Кенин-Лопсан. Судьба женщины); Но, памятуя присловье: «Болеть слабого свалит, а сильного в спину толкнет», – она старается и виду не показывать, что немогутся (М. Кенин-Лопсан. Настигающий птицу).

Являясь элементами гиперонима паремия, они ориентируют реципиента на восприятие паремиологической картины мира, отражающей ментальный архетип тувинского народа, зародившийся в глубокой древности. Об этом, в частности, свидетельствуют средства временной локализации: всегда говорили, раньше говорили, в старину говорили, предки говорили, старая (старинная, древняя) пословица (поговорка), древняя мудрость.

Например: Люди всегда говорили: «Собаку щенком учить надо» (С. Сюрюн-оол. Глухая вечка); Раньше говорили: «Младенца накорми, зерно – полей» (М. Кенин-Лопсан. Настигающий птицу); В старину говорили: «Дух мужчины в мужской вещи – в ноже или огневе скрывается» (там же); Предки говорили: «Великого возвеличь, а низкого и оскорблением не унизь» (С. Тока.

Слово арата); Ты, сынок, забыл старую пословицу: «Отец умрёт – сын продолжит жизнь на земле» (К.-Э. Кудаж. Хлеб); Старинная пословица говорит: «Табак для человека – что солонец для марала» (М. Кенин-Лопсан. Судьба женщины); «Где камень упадет, там и лежит, где ты родился, там тебе и жить», – вспомнил Конгулдай старинную поговорку (М.К. Лопсан. Танец козерога); Вспомнилась древняя мудрость кочевников: «Кто пьет вдалеке от воды хочет, пусть листик заячьей капусты пожует» (М. Кенин-Лопсан. Судьба женщины).

Средства временной локализации, наряду с глаголами, обозначающими речевую деятельность, вводными конструкциями, гипонимическим рядом пословица, поговорка, народная мудрость и т.д., двухкомпонентными моделями типа предки говорили, в народе говорят, являются и семантическими актуализаторами паремий и средствами их введения в текст.

Итак, основными способами введения тувинских паремий в тексты переводов являются лексический, лексико-синтаксический, конструктивно-синтаксический и контекстуальный. Все они проявляются синхронно, поскольку «чистых» способов нет. Большинство тувинских пословиц переводится на русский язык, однако эти переводы представляют собой неполное соответствие оригиналам. В тех случаях, когда в процессе перевода содержание пословицы подвергается полной редукции, они теряют жанровую принадлежность. При этом маркеры – пословица, поговорка, в народе говорят и т.п. – в переводе, как правило, сохраняются.

Паремии характеризуются полифункциональностью и относятся к числу продуктивных и важнейших языковых единиц, несущих наибольшую нагрузку в выражении авторской интенции.

Библиографический список

1. Коняшкин, А.М. Конструкции разговорного синтаксиса в произведениях А.П. Чехова / А.М. Коняшкин, И.А. Костина. – Абакан, 2014.
2. Будуп, Б.К. Пословицы и поговорки тувинского народа. – Кызыл, 2010.

Bibliography

1. Konyashkin, A.M. Konstrukcii razgovornogo sintaksisa v proizvedeniyakh A.P. Chekhova / A.M. Konyashkin, I.A. Kostina. – Abakan, 2014.
2. Budup, B.K. Poslovicih i pogovorki tuvinskogo naroda. – Kizhizh, 2010.

Статья поступила в редакцию 22.03.14

УДК 811. 161+378/147 (082+0,75.8)

Konyashkin A.M., Chadamba Sh.C. OF THE PROBLEM OF TRANSLATION OF TUVINIAN PAROEMIAS (BASED ON RUSSIAN LITERARY TRANSLATION). The article deals with the problem of translation of Tuvinian proverbs in literary texts into Russian.

Key words: sentence, paroemia, translation, equivalent, syntax, semantics, word, comparison, analysis, judgment, imperative.

А.М. Коняшкин, д-р филол. наук проф. каф. русского языка и методики преподавания Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, E-mail: vika.karamashewa@yandex.ru; **Ш.С. Чадамба**, аспирант каф. русского языка и методики преподавания Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, E-mail: bartringer 96@mail.ru

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА ТУВИНСКИХ ПАРЕМИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПЕРЕВОДОВ)

В статье на материале художественных переводов рассматривается проблема перевода тувинских паремий на русский язык.

Ключевые слова: предложение, паремия, перевод, эквивалент, семантика, слово, сравнение, анализ, суждение, императив.

Общеизвестно, что одной из наиболее сложных задач художественного перевода является перевод конструкций идиоматического характера: фразеологизмов, паремий, афоризмов, крылатых выражений.

Под паремией (греч. пословица, поговорка, притча) мы подразумеваем пословицы и поговорки, представляющие собой предложения, характеризующиеся наличием плана выражения (форма), содержания (значение) и коммуникативной задачи. Соответственно, предложения-паремии обладают предикативностью, характеризуются интонационной, структурной и смысловой завершенностью.

Таким образом, паремия – это, прежде всего, предложение-высказывание, имеющее анонимный характер. Фразеологизмы, не являющиеся предложениями, афоризмы и крылатые слова, характеризующиеся неанонимностью, к паремиям не относятся. Ср.: Близок локоть, да не укусишь (посл.); Коса – девичья краса (пог.); Чудеса в решете (фразеологизм); Краткость – сестра таланта (А. Чехов) – афоризм; «Муза дальних странствий» (Н. Гумилев), Всем товарищам по ремеслу: несколько идей о «прожигании глаголами сердец людей»... Спрашивается – прожёт? Прожёт. И сердце и даже бок (В. Маяковский) – крылатые слова.

Такой подход в целом соответствует определению пословицы и поговорки в современной русской паремииологии. Следует отметить, что в фольклористике к поговоркам относятся и языковые единицы, не составляющие цельного предложения, например, *бить баклуши, как снег на голову* и т.п. В этом случае поговорка, по существу, отождествляется с фразеологизмом [1, с. 379].

Пословица – это законченное предложение, представляющее языковую форму суждения (как известно, побудительные предложения и, в частности, побудительные предложения-паремии суждение не выражают), обладающее буквальным и переносным значением. Пословица характеризуется лаконичностью, устойчивостью в речевом обиходе, обобщает многовековой опыт народа, выражает философский и дидактический смысл. Зачастую она имеет ритмически организованную форму и рифму.

«Поговорка – краткое изречение, нередко назидательного характера, имеющее, в отличие от пословицы, только буквальный план и в грамматическом отношении представляющее собой законченное предложение» [1]. Поговорка служит для выражения оценок, передачи эмоционального отношения к сказанному, характеризуется, по сравнению с пословицей, меньшей степенью обобщения, отсутствием ритмически организованной формы и рифмы.

Национальное мировоззрение, как сложная система, стремится сохранить себя путем перманентного воспроизводства, то есть путем повтора поведенческих стереотипов и культурных традиций. Предложения-паремии, с одной стороны, фиксируют мировоззренческие ценности, с другой – транслируют их в пространстве и времени. А поскольку мировоззренческие ценности представляют собой важнейший компонент идейно-тематического содержания произведения, паремии следует рассматривать в качестве ключевых высказываний, несущих в межфразовом единстве (сложном синтаксическом целом) наибольшую смысловую нагрузку.

Содержание паремий зачастую «не вмещается» в семантическую структуру межфразового единства, что, в свою очередь, позволяет им выступать как средства смысловой связи двух и более межфразовых единств, структурируя их в более крупные единицы текста. Такое стало возможным потому, что предложения-паремии – это не просто предложения – это произведения малого жанра, форма художественного творчества, наконец, это прецедентный текст минимальной структуры. Синкретизм свойств предложения и текста – вот, наиболее характерная черта предложения-паремии. Этим объясняется тот факт, что паремия реализует свою функцию не только в межфразовом единстве, но и в рамках всего текста, когда, например, становится эпиграфом, раскрывающим авторский замысел или маркирует основную идею произведения. Подтверждением может служить пословица *Береги платье снову, а честь смолоду*, ставшая эпиграфом повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка», или пословица *На зеркало неча пенять, коли рожа крива*, ставшая эпиграфом комедии Н.В. Гоголя «Ревизор».

Паремии являются своеобразным критерием установления сходства / различия языковой картины мира в исходном тексте и переводе. Качество перевода в значительной мере обуславливается тем, насколько адекватно внутренняя форма паремий оригинального текста трансформируется в языковой картине мира переводного текста.

Художественный перевод – вид языкового и литературного творчества, в результате которого произведение, существующее на одном языке, воссоздается на другом. Литература – единственное из искусств, ограниченное языковыми рамками: в отличие живописи, музыки, танца и т.д., литературное произведение доступно только тому, кто в совершенстве владеет языком, на котором оно написано.

Основная задача художественного перевода – передать богатство авторского языка: эмоциональную окраску, имплицитные коннотативные смыслы, стиль, содержание подтекста, соотношенность с теми словами национальной культуры и сегментами временного континуума, с которыми автор оригинального текста имеет непосредственную связь. В процессе работы переводчик должен достичь и передать авторскую философию, психологию героев, сделать актуальным и понятным реципиенту паремии и афоризмы, те пласты лексики и фразеологии, которые в иных обстоятельствах остаются для неспециалистов зашифрованными. Иными словами, цель худо-

жественного перевода – «перевыражение» [2, с. 18] другого языка в его коммуникативной функции.

Процесс перевода во многом зависит от характера объекта. В то же время он должен быть не просто «вместо оригинала», быть его дублетом, – он должен полностью заменять его, то есть отвечать всем требованиям оригинального произведения. Специфика любого языка проявляется в том, как он отражает действительность, то есть каждый язык имеет свои особенности концептуализации мира.

Русский и тувинский язык относятся к разным языковым семьям. Русские и тувинские паремии появлялись в разные исторические условия, отражая разный социально-экономический уклад и культурные особенности. Все это объясняет, почему далеко не у всех переводимых паремий имеются полные или хотя бы частичные соответствия в языке перевода. Так, например, выражение *Твердые кости выплуну, мягкие выстормокаю* в переводе романа К.-Э. Кудажы «Улуг-Хем неугомонный») и в сборнике Б.К. Будуп «Пословицы и поговорки тувинского народа» [3, с. 92] репрезентируется как пословица. С этим трудно согласиться: переносное значение пословицы – это ее основное значение, и оно должно обязательно воспроизводиться в переводе. В данном же случае переносное значение не переводится. У тувинской пословицы нет соответствия, эквивалента, в русском переводе. Однако в большинстве случаев соответствия обнаруживаются. Предположительно это можно объяснить соответствием оценок в русской и тувинской концептосфере. Речь в данном случае идет о совпадении основных позиций в наиболее значимых концептах – *труд, любовь, человек, дом, дружба* и др. Данное соответствие, в свою очередь, обуславливает соответствие паремииологической картины мира в текстах оригиналов и переводов.

Примеры частичных соответствий: *Лучше умереть в драке, чем под плетью склониться* (С.А. Сарыг-оол. Повесть о светлом мальчике) – *Лучше умереть стоя, чем жить на коленях; Не имей тысячи лан* (серебряная монета – Ш.Ч.), *а имей сто друзей* [3, с. 34] – *Не имей сто рублей, а имей сто друзей; У себя на голове верблюда не видит, у товарища в голове иголку заметит* [3, с. 16] – *У себя в глазу бревна не замечает, у другого соринку видит; Посмотрим, откуда солнце взойдет* (К.-Э. Кудажы. Тихий уголок) – *Поживем – увидим; Поспешный труд – что несоленая каша* (М. Кенин-Лопсан. Танец козерога) – *Поспешись – людей насмешишь; Кто рано встает, коня с седлом себе найдет* [3, с. 67] – *Кто рано встает, тому бог подает; Ни у бургана (бога – Ш.Ч) лампада, ни у черта щипцы* [3, с. 10] – *Ни у бога свечка, ни черту козерога; Старый конь не собьется с дороги* (С.А. Сарыг-оол. Повесть о светлом мальчике) – *Старый конь борозды не испортит; Беда не приходит одна* (М. Кенин-Лопсан. Танец козерога) – *Горе в одиночку не ходит; У трусливого глаза велики* (там же) – *У страха глаза велики; Когда дарят, не смотрят – кобыла или лошадь* [3, с. 80] – *Дареному коню в зубы не смотрят*.

Анализ переводов национально-маркированных паремий свидетельствует о том, что идеальный перевод в большинстве случаев невыполним, что редукция национальной специфики в данном процессе неизбежна.

Переносное значение паремии присуще ей в целом и не сводится к сумме значений составляющих её компонентов. В то же время переносное значение, как основной компонент семантической структуры паремии, является обязательным и, в силу этого, обязательно воспроизводимым. Этим, очевидно, объясняется тот факт, что неполные эквиваленты, к которым относятся и приведенные примеры, в количественном отношении преобладают над неэквивалентами, характеризующимися полным отсутствием соответствий, и эквивалентами, характеризующимися полным соответствием.

Примеры полных соответствий: *Волков бояться – в лес не ходить* (К.-Э. Кудажы. Улуг-Хем неугомонный); *Жизнь – борьба* [3, с. 75]; *Куй железо, пока горячо. Бери, пока в руки дается*. (К.-Э. Кудажы. Две Оксаны); *Деньги всегда идут к деньгам* (К.-Э. Кудажы. Улуг-Хем неугомонный); *Чему быть – того не миновать* (М. Кенин-Лопсан. Танец козерога); *Он хотел двух зайцев убить* (К.-Э. Кудажы. Улуг-Хем неугомонный); *Волка ноги кормят* [3, с. 84].

Если неполные эквиваленты характеризуются по отношению национально-маркированных паремий семантической аналогичностью, то эквиваленты – семантической идентичностью. Неполные эквиваленты характеризуются разной степенью

неполноты. Так, соответствие может ограничиваться «непередаваемостью» эмоциональной и стилистической окраски оригинального текста, наличием непередаваемых экзотизмов, обозначающих реалии национальной жизни. Все это обуславливает актуализацию имплицитного значения паремий.

В отличие от неполных и полных соответствий (неполных эквивалентов и эквивалентов), национально-маркированные паремии, утратившие в процессе перевода переносное значение, в инонациональном тексте пословицами не являются и поэтому не составляют предмет нашего исследования.

К «псевдопословичным соответствиям» переводчик прибегает тогда, когда переводчик считает нецелесообразным использовать имеющиеся в языке соответствия или когда в нем вообще нет полного или частичного пословичного эквивалента. В этом случае он «изобретает» пословицу, воспроизводя без модификации или с некоторыми изменениями её образное содержание сохраняя при этом смысл. При создании такой «ложной пословицы» используются образные и звуко-ритмические средства. Словосочетание стилизуется под пословицу. У читателя должно сложиться впечатление, что созданная пословица существует в языке перевода или что это иностранная пословица, воспроизведенная средствами родного языка с сохранением пословичных признаков и характеристик. «Псевдопословичное» соответствие – всегда результат творческого воссоздания речения языка оригинала. Например: *Мальчику нужна бойкость*

– *лишь бы в огонь не скакал. Девочке нужна скромность, но не лишился языка*» (М. Кенин-Лопсан. Судьба женщины).

Еще один переводческий прием – *описательный перевод*. Отсутствие необходимых соответствий и невозможность дословного калькирования влияют на выбор этого способа перевода. Он сводится к толкованию, объяснению пословицы, которая в переводном тексте практически перестает существовать как самостоятельная языковая единица и словно растворяется в контексте. При таком способе перевода неизбежны стилистические и информационные потери.

Итак, большинство паремий переводимо на инонациональный язык, поскольку учитывают и отражают основы общечеловеческого мировосприятия.

Тувинская и русская паремияльная концептуализация мира характеризуется определенным сходством: в семантической структуре паремий отражается тот же объем эмпирически накопленных знаний об одних и тех же реалиях человеческой жизни и количество их аксиологических характеристик.

Паремии относятся к числу ключевых языковых единиц – предложений-высказываний, несущих наибольшую нагрузку в процессе реализации авторской интенции, – выражении идейного содержания оригинального текста и перевода. Паремияльная картина мира составляет важнейший фрагмент языковой картины мира, отражаемой в оригинальном произведении и переводе.

Библиографический список

1. Жуков, В.П. Поговорка. // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М., 1990.
2. Пушкин, А.С. Письмо Гнедичу Н.И. 22 сентября 1822 // Полн. собр. соч.: в 10 т. – Л., 1977-1979. – Т. 10.
3. Будуп, Б.К. Пословицы и поговорки тувинского народа. – Кызыл, 2010.

Bibliography

1. Zhukov, V.P. Pogovorka. // Lingvisticheskiy ehnciklopedicheskiy slovarj / gl. red. V.N. Yarceva. – M., 1990.
2. Pushkin, A.S. Pisjmo Gnedichu N.I. 22 sentyabrya 1822 // Poln. sobr. soch.: v 10 t. – L., 1977-1979. – T. 10.
3. Budup, B.K. Poslovicij i pogovorki tuvinskogo naroda. – Kihzhil, 2010.

Статья поступила в редакцию 22.03.14

УДК 811.161.1

Lisova Ye. Yu. **COLLOQUIAL AND INFORMAL ELEMENTS IN YE. CHIZHOVA'S PROSE.** The article analyzes colloquial and informal elements in Ye. Chizhova's prose and characterizes its main functions in the direct speech and in the author's narration. The article also concludes that colloquial elements dominate in Ye. Chizhova's individual writing style and provide certain stylistic smoothness to the texts and give them a subjective coloring.

Key words: colloquial and informal lexemes, literary text, stylistic functions, individual style.

Е.Ю. Лисова, аспирант Волгоградского гос. университета, г. Волгоград, E-mail: lisovaeu@mail.ru

ПРОСТОРЕЧНЫЕ И РАЗГОВОРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ПРОЗЕ Е. ЧИЖОВОЙ

В статье анализируются просторечные и разговорные элементы в прозе Е. Чижовой, характеризуются их основные функции в прямой речи и в авторском повествовании. Делается вывод о том, что просторечные элементы являются доминантой идиостиля Е. Чижовой, обеспечивают стилистическую ровность текста и придают ему субъективную окраску.

Ключевые слова: просторечные и разговорные лексемы, художественный текст, стилистические функции, идиостиль.

В отечественном языкознании с середины XX века отмечается устойчивый интерес к анализу феномена просторечия как стилистической категории русского языка в художественном тексте [1; 2; 3]. За прошедшие десятилетия «в основном выявлен корпус просторечных единиц, используемых писателями и поэтами в художественном тексте в качестве сигнала просторечности, сформулированы общие закономерности взаимодействия просторечных и разговорных единиц в художественном тексте, выявлены и описаны основные функции просторечия» [1].

Вместе с тем многие аспекты обозначенной проблематики продолжают оставаться дискуссионными. Так, среди исследователей нет единства в определении объема понятия «просторечие», отсутствуют четкие критерии разграничения явлений просторечия и разговорной речи применительно к языку художественной литературы. Не в полной мере исследован вопрос о природе так называемого «литературного просторечия», не

получила исчерпывающего освещения проблема типологии просторечных единиц в связи с их функционированием в художественном тексте и почти отсутствуют работы, в которых рассматривалась бы гендерная специфика просторечия в языке художественной литературы. Часто за рамками изучения оказываются и те просторечные элементы, которые используются авторами для изображения реалий. Кроме того, в связи с проблемой просторечия в художественном тексте традиционно изучается речь персонажей и почти без внимания остается авторское повествование. Вместе с тем использование разговорно-просторечных элементов в сфере автора существенно меняет речевую структуру художественного произведения, расширяет несобственно-прямую речь, усиливает экспрессивность текста в целом [4].

В настоящей статье предпринята попытка стилистического анализа разговорных и просторечных лексических единиц в про-

заических произведениях известного российского автора, предстателя современной «женской прозы», лауреата премии «Русский Букер 2009», Е. Чижовой. Выбор для анализа произведений Е. Чижовой объясняется тем, что в ее прозе ориентация на разговорно-просторечные средства языка является особой стилистической доминантой, своеобразным способом выражения авторского замысла [5; 6].

Разговорные и просторечные элементы в романах Е. Чижовой играют стилиобразующую роль и вместе с тем отражают современное состояние русского языка и общества.

Как отмечает В.В. Химик, к началу XXI столетия произошла переориентация идеалов с высокой и элитарной культуры на массовую, общеэтническую, что в языке отразилось «тектоническим смещением» функциональных стилей: резко сузилась, почти исчезла сфера высокого, патетического, пафосного, ее место занял нейтральный стиль речи, в свою очередь потесненный экспрессией разговорных и разговорно-сниженных элементов национального русского языка [7].

Все эти процессы, безусловно, можно увидеть и в языке произведений современных авторов [8], демонстрирующих приемы использования современного просторечия, включающего не только нелитературные слова или формы слов, но и экспрессивные, стилистически сниженные средства, нацеленные на создание «поэтики низкого» [9].

Выше отмечалось, что при анализе языка художественной литературы возникает проблема разграничения явлений просторечия и разговорной речи. Границы между этими явлениями весьма прозрачны. Как показывает анализ лексикографических источников, одни и те же лексемы в различных словарях могут иметь разные пометы. При этом можно выделить общую тенденцию перехода слов из категории просторечное в категорию разговорное, совпадающую с изменениями в современном русском языке. Так, многие лексемы, зафиксированные в Толковом словаре русского языка Д.Н. Ушакова [10], Словаре русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой [11], с пометой *просторечное*, в Современном толковом словаре русского языка под редакцией Т.Ф. Ефремовой имеют помету *разговорное* [12]. В исследовательских целях мы рассматриваем просторечные и разговорные элементы как некое единство, поскольку они в художественном тексте выполняют общую функцию эстетического воздействия на адресата.

Материалом для исследования, представленного в работе, послужили художественные тексты романов Е. Чижовой «Время женщин» [13] и «Террактная старуха» [14]. Языковой материал извлекался методом сплошной выборки.

Рассмотрим подробнее особенности функционирования разговорной и просторечной субстантивной и глагольной лексики в текстовом пространстве романов – в прямой речи и в авторском повествовании.

Анализ субстантивной лексики в прямой речи свидетельствует о том, что она преимущественно используется в двух основных функциях: *речевой характеристики персонажа*, позволяющей автору точно передать разговорные интонации героинь-женщин, и *локализации повествования*, дающей возможность соотнести изображаемые события с культурно-историческим и временным контекстом. Глагольная просторечная и разговорная лексика в речи персонажей используется в основном в *характеризующей и экспрессивной* функции.

В качестве примеров, иллюстрирующих реализацию функции речевой характеристики персонажей, приведем следующие контексты: – *Голубушка, да Вы же выродок* (ТС, 35); – *Одно дело – полюбовница* (ТС, 119); – *А я-то, дура, голову ломаю, вдруг, думаю, денежки принёс* (ТС, с. 114). Как видим, наряду с просторечными элементами в контекстах отмечено употребление дериватов с уменьшительно-ласкательным, уменьшительным значением, которые, с одной стороны, характерны для художественной речи, а с другой – являются маркерами «женской речи» [4]. На наш взгляд, использование дериватов с субъек-

тивно-оценочными значениями сообщает высказываниям в целом ироническую тональность. Рассмотрим еще один пример: – *Так она и не носит. Навесит ярлыки и толкает как новое. Говорит: достало мотаться челноком. Одному дай, другому отстеги – и проводники, и таможня. Постниковой тоже выгодно. В общем, молодцы девки! Поднялись* (ТС, 105). В приведенном контексте лексема *девки* используется в сочетании с разговорно-сленговыми элементами (*отстегнуть* = дать денег, *челнок* = перекупщик, *толкнуть* = продать, *подняться* = разбогатеть) и выполняет функцию речевой характеристики персонажа.

Примером реализации функции локализации повествования может быть употребление в речи героини слова *девка* в узальном значении, зафиксированном в словарях с пометой *простореч.* – «лицо женского пола, достигшее физической зрелости, но не состоящее в браке», например: – *После революции понаехали деревенские девки. И что?* (ТС, 117). В приведенном примере лексема *девка* позволяет передать описываемое время, колорит эпохи, когда для выходцев из низших слоев общества открылись новые возможности.

Глагольная просторечная и разговорная лексика употребляется в характеризующей и экспрессивной функции. С помощью *характеризующей функции* автор описывает черты характера персонажа, особенности его поведения: «*Ни о чем таком я не думала. Просто глазела по сторонам*» (ТС, 27); – *Да уж слышала я, как ты у себя колобродила* (ВЖ, 34).

Глагольная лексика в *экспрессивной функции* позволяет автору показать внутреннее состояние говорящего и сообщает высказыванию эмоциональность, например: – *Плевать, что посередине – таможня* (ТС, 92).

В авторском повествовании доминирует просторечная и разговорная глагольная лексика, преимущественно представленная в *функции сближения речи автора с речью героев*, например: *Презрев прилавки с овощами, бабки рванули к мясу* (ТС, 71); *Его двоюродного брата чуть не вывели из комсомола за узкие штаны* (ТС, 75); *Напаялив дудочки, дети оторвались от отцов* (ТС, 75); *Он запикивает папки в портфель* (ТС, 81); *Ей хочется поднять на него руку, врезать по стеклу, шарахнуть из всех сил – пусть бы рассыпались осколками* (ТС, 10).

Как видно из приведенных примеров, в авторском повествовании по сравнению с рассмотренными выше контекстами с прямой речью грамматически происходит переход от первого лица к третьему [15], однако стилистически тональность текста за счет просторечных и разговорных элементов не меняется, что подчеркивает близость автора и его героев.

Подведем некоторые итоги. В романах Е. Чижовой в прямой речи просторечные существительные используются в *функции речевой характеристики персонажа*, позволяющей автору точно передать разговорные интонации героинь-женщин, и *функции локализации повествования*, дающей возможность соотнести изображаемые события с культурно-историческим и временным контекстом. Глагольная просторечная и разговорная лексика в речи персонажей используется в основном в *характеризующей функции*, когда перед автором стоит задача описать отличительные черты характера человека, и *экспрессивной функции*, с помощью которой автор акцентирует внимание читателя на внутреннем состоянии говорящего.

В авторском повествовании представлена *функция сближения речи автора с речью героев*, реализованная просторечными и разговорными глаголами. Как показал проведенный анализ, просторечные и разговорные элементы позволяют выстроить текст авторского повествования, стилизованного под речь героинь, таким образом, что формальное изменение лица не влечет за собой изменение словесной ткани произведения и сообщает ему субъективную окраску, что в целом создает стилистическую ровность текста.

Библиографический список

1. Войлова, К.А. Судьба просторечия в русском языке. – М., 2000.
2. Митрофанов, Г.Ф. К вопросу о понятии просторечия в современном русском языке // Труды Томского государственного университета. – Томск, 1960. – Т. 138.
3. Петрищева, Е.Ф. Внелитературная лексика в современной художественной прозе // Стилистика художественной литературы. – М., 1982.
4. Мирошникова, М.Г. Разговорный синтаксис как стилистическая особенность современной прозы [Э/п]. – П/д: http://slaviccenters.duke.edu/uploads/media_items/2miroshnikova.original.pdf

5. Терентьева, Е.В. Модальная доминанта художественного текста как средство выражения авторского замысла (на материале романа Е.А. Кулькина «Прощеный век») // Актуальные вопросы современной филологии: теоретические проблемы и прикладные аспекты: материалы международной научно-теоретич. конф. – Алматы, 2012.
6. Терентьева, Е.В. Выразительные возможности полипрефиксальных глаголов в художественном дискурсе (на материале трилогии Е.А. Кулькина «Прощеный век») / Е.В. Терентьева, К.А. Матжанова // Грани познания. – 2011. – № 4 (14) [Э/р]. – Р/д: www.grani.vspu.ru/jurnal1/19
7. Химик, В.В. Предисловие // В.В. Химик. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. – СПб., 2004.
8. Авдеева, Г.А. Стилистически маркированная (окрашенная) лексика в произведениях Г. Щербаковой // Уральский филологический вестник. – 2013. – № 3. [Э/р]. – Р/д: http://journals.uspu.ru/attachments/article/455/%D0%A3%D0%A4%D0%92_2013_3_%D1%81%D1%8211.pdf
9. Химик, В.В. Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен. – СПб., 2000.
10. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – М., 2000.
11. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1999.
12. Ефремова, Т.А. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. – М., 2006.
13. Чижова, Е.С. Время женщин: романы. – М., 2011. (ВЖ).
14. Чижова, Е. Терракотовая старуха. – М., 2011. (ТС).
15. Ахметова, Г.Д. Языковая композиция художественного текста (на материале русской прозы 80-90-х годов XX в.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2003.

Bibliography

1. Voytlova, K.A. Sudbja prostorechiya v russkom yazihke. – М., 2000.
2. Mitrofanov, G.F. K voprosu o ponyatii prostorechiya v sovremennoy russkom yazihke // Trudih Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – Tomsk, 1960. – Т. 138.
3. Petritheva, E.F. Vneliteraturnaya leksika v sovremennoy khudozhestvennoy proze // Stilistika khudozhestvennoy literatury. – М., 1982.
4. Miroshnikova, M.G. Razgovorniy sintaksis kak stilisticheskaya osobennostj sovremennoy prozi [Eh/r]. – R/d: http://slaviccenters.duke.edu/uploads/media_items/2miroshnikova.original.pdf
5. Terentjeva, E.V. Modalnaya dominanta khudozhestvennogo teksta kak sredstvo vihrascheniya avtorskogo zamihsa (na materiale romana E.A. Kuljina «Prothenij vek») // Aktualnihe voprosih sovremennoy filologii: teoreticheskie problemih i prikladnihe aspektih: materialih mezhdunarodnoj nauchno-teoretich. konf. – Almatih, 2012.
6. Terentjeva, E.V. Vihrasiteljnihe vozmozhnosti poliprefiksajnihkh glagolov v khudozhestvennom diskurse (na materiale trilogii E.A. Kuljina «Prothenij vek») / E.V. Terentjeva, K.A. Matzhanova // Grani poznaniya. – 2011. – № 4 (14) [Eh/r]. – R/d: www.grani.vspu.ru/jurnal1/19
7. Khimik, V.V. Predislovie // V.V. Khimik. Bolshoy slovarj russkoy razgovornoj ehkspressivnoy rechi. – SPb., 2004.
8. Avdeeva, G.A. Stilisticheski markirovannaya (okrashennaya) leksika v proizvedeniyakh G. Therbakovoy // Uraljskiy filologicheskij vestnik. – 2013. – № 3. [Eh/r]. – R/d: http://journals.uspu.ru/attachments/article/455/%D0%A3%D0%A4%D0%92_2013_3_%D1%81%D1%8211.pdf
9. Khimik, V.V. Poetika nizkogo, ili prostorechie kak kulturnij fenomen. – SPb., 2000.
10. Tolkovij slovarj russkogo yazihka: v 4 t. / pod red. D.N. Ushakova. – М., 2000.
11. Slovarj russkogo yazihka: v 4 t. / pod red. A.P. Evgenjevoy. – М., 1999.
12. Efremova, T.A. Sovremennij tolkovij slovarj russkogo yazihka: v 3 t. – М., 2006.
13. Chizhova, E.S. Vremya zhenin: romanih. – М., 2011. (VZh).
14. Chizhova, E. Terrakotovaya starukha. – М., 2011. (TS).
15. Akhmetova, G.D. Yazikovaya kompoziciya khudozhestvennogo teksta (na materiale russkoy prozi 80-90-kh godov KhKh v.): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. – М., 2003.

Статья поступила в редакцию 22.03.14

УДК 811.111

Maximov V.D. AXIOLOGICAL SEMANTICS IN LINGUISTIC SONOLOGY. The paper deals with an evaluating segment within the meaning of the English sound names. The author reveals the contents of the semantic field of axiological modality in English linguistic sinology, by comprising a range of lexical, phraseological and syntactic means of assessment of sonic and auditory concepts.

Key words: axiology, phononyms, acoustives, assessment, linguistic sonology.

В.Д. Максимов, канд. филол. наук, доц., проф. каф. массовой коммуникации, филологии и политологии Алтайского гос. университета, г. Барнаул, E-mail: mksmv@yandex.ru

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА В ЛИНГВОСОНОЛОГИИ

В настоящей статье «Аксиологическая семантика в лингвосонологии» рассматривается семантика оценки английских фонем и акустивов – языковых репрезентантов акустической картины мира. Установлен основной репертуар лексических, фразеологических и синтаксических средств выражения аксиологической модальности в сфере английской лингвосонологии.

Ключевые слова: аксиология, фонем, акустив, оценка, лингвосонология.

1. Статус и основания аксиологической оценки звуков

Лингвосонология (от *лат.* sonus – звук; термин наш. – В.М.) изучает языковые средства вербализации и категоризации звуковых и акустических концептов в языковой системе и художественном дискурсе. Являясь разделом когнитивной семантики, лингвосонология исследует также лингвистические свойства языковых единиц, переводя звуковой универсум в вербальный модус. Как будет показано ниже, такими языковыми единицами выступают лексические и фразеологические *звукообозначения*, действующие на фонемы и акустивы. К основным лингвистическим свойствам звукообозначений относится способность объективировать разнообразные звуковые концепты – антроп-

ные, природные и техногенные. Лингвосонология вскрывает и объясняет дуальную природу языкового семиозиса звуковой материи, когнитивные основания интеграции и синтеза звуковых и базовых универсальных концептов и т.д. (подробнее об этом см. [1; 2]).

Одной из главных функций языка является функция номинации. Явления, которые человек хочет описать, должны быть названы. Эти названия в свою очередь узнаются членами данного языкового сообщества, поскольку за каждым из словесных ярлыков-названий стоит определенное устоявшееся понятие, ячейка совместного опыта людей, ставшая настолько важной оперативной единицей при передаче информации, что общество создало для неё специальный словесный знак [3, с. 355].

Так, для обозначения элементов понятия «звуковой континуум» в современном английском языке имеется большое количество словесных знаков, звукообозначений, которые мы именуем **фононимами** (от греч. *phone* – звук и *onimos* – имя). Они образуют лексико-семантическую группу (ЛСГ), куда входят лексические единицы разной частеречной принадлежности – имена существительные, имена прилагательные, глаголы, наречия и звукоподражательные междометия.

В настоящее время физические звуки являются не только фоном, но и неотъемлемым атрибутом нашей повседневной жизни. Кроме того и сам язык в его звуковой ипостаси также составляет фрагмент акустической картины мира (далее АКМ). Каждая лексическая единица языка имеет собственную звуковую оболочку и в этом смысле можно сказать, что номинация физических звуков есть не что иное, как перекодирование физических звуков в вербальные. Казалось бы, что может быть проще для носителей любого языка – подыскать каждому звуку мировой полифонии соответствующую языковую «этикетку». Но всё не так просто. Стоит только погрузиться в проблематику языкового отражения реальной звуковой действительности, как тут же выясняется, что в силу закона асимметричности языкового знака один звуковой сигнал имеет несколько наименований в языке (например, понятие «крик» в английском языке представлен синонимической цепочкой: *bawl, bellow, cry, holler, scream, shout, shriek, yell* и т.п.), а иной звуковой объект не наделён ни одним вербальным обозначением. И носители языка в таких случаях вынуждены употреблять номинации аналитического типа, например, генитивные конструкции, построенные по модели N1 + prep + N2: *the sound of the bell, the noise of footsteps* и т.п. Затем по мере дальнейшего погружения в эмпирический материал, обнаруживается, что помимо вышеупомянутых лексических номинантов звуков (однословной или многословной разновидности) существует ещё много других способов именования звуковой материи на разных уровнях языковой системы, а для «безымянных», «анонимных» звуковых явлений имеются в языковой системе перифрастические (дескриптивные, описательные) способы актуализации. Более того, кроме указанных средств *прямой* номинации звуков говорящие часто используют *косвенную* и *непрямую* номинации – фразеологические, метонимические и метафорические номинативные ресурсы языка.

Слуховое восприятие – это сложная «перцептивно-мыслительно-мнемическая деятельность» (И.А. Зимняя) языковой личности. Эта деятельность состоит в распознавании *знакомых* голосов и шума, в идентификации *незнакомых* звуковых сигналов, в определении их источника, степени их опасности для реципиента, в выработке поведенческой и речевой реакции на услышанное, а также в прогнозировании развития звукового события в условиях конкретной фоноакустической ситуации (ФАС). Аудитивное (аудальное) восприятие как онтология психофизиологии и когниции будет рассмотрена в аксиологическом ракурсе во второй части настоящей статьи.

При лингвистическом описании области *оценочных* значений, что составляет предмет данной статьи, исследователи обычно вычленили аксиологическое поле языковых средств, призванных номинировать и категоризовать мир онтологии в терминах «хорошо» – «плохо». Названное поле характеризуется функциональной направленностью всех семантических участников, включающих субъект оценки, объект оценки, основание и характер [4; 5; 6]. Такая организация аксиологического поля отражает структуру познавательного процесса в целом, включающего субъект, объект, мотив и характер получения знаний. Указанное сходство позволяет определить статус и основание оценки как категории антропоцентричной и понятийной [7; 8].

Аксиологические оценки бывают шести типов: абсолютные, сравнительные, рациональные, эмоциональные, положительные и отрицательные [6; 9; 10]. Ниже будут рассмотрены языковые экспоненты категории оценки из третьей дихотомической пары: **«положительная» vs. «отрицательная оценочность»** применительно к фонолексике английского языка, объективирующей звуковые концепты. Под фонолексикой мы понимаем большой пласт лексического фонда современного английского языка: так в нашей выборке оказалось более 1500 лексических и фразеологических единиц, репрезентирующих звуковой универсум.

Способы выражения аксиологической оценки звуковых концептов весьма разнообразны. Это могут быть субстантивные фононимы (*brawl, catcall, caterwauling*), адъективные фононимы

(*cheery, euphonious, gleeful, silver-tongued, irritable, jarring*), глагольные фононимы типа *to sweet-talk, to glib-talk, to blather*, адвербиальные фононимы (*roughly, harshly, sharply, sweetly*) и фонофраземы (устойчивые словосочетания), включая сравнительные конструкции: *to please the ear, wolf whistle, to jar on smb's ears; to chirp like a cricket; to have a voice like a flute; to be like music to smb's ears*. Ср. рус.: *уши вянут; уши в трубочку; помалкивать в тряпочку* и т.п.

С точки зрения логики и эпистемологии важным является проведение различия между двумя ведущими функциями языка: *описательной* и *оценочной* [6, с. 156].

2. Оценочная номинация звуковых концептов

Оценочные смыслы в семантической структуре лексических единиц объясняются особенностями нормы, характерной для конкретного лингвокультурного сообщества. При этом позитивные оценки закреплены за случаями соответствия норме, а несоответствия оцениваются негативно. Поскольку фононимика включает не только номинацию, но и категоризацию звуковых объектов, мы можем считать аксиологическое картирование звукового континуума особым способом его категоризации.

Так, в зону **отрицательной оценки** элементов звукофферы в качестве основных общеоценочных модусов попадают **ней-оративные фононимы**, т.е. лексемы и фразы с семантикой **репеллентного** звучания (names of “bad” sonic entities). Например:

а) существительные с семантикой звучания (субстантивные фононимы): *brawl* ‘a rough fight or struggle, especially one in which people use their fists to hit each other’, *catcall* ‘a loud whistle or cry expressing disapproval or displeasure’, *caterwaul* ‘a high, snarling caterwaul, a sort of screaming wail’, *outcry* ‘a public expression of anger’ There’ll be a great outcry if they try to close the railway [11]; *plink* ‘бренчание’: the plinks of a piano – бренчание на пианино [12]; *tinny* ‘a sound having a high-pitched irritating quality like that of thin metal being shaken’: One hears bursts of tinny pop music from teenagers’ handbags [13]; *tweedle* ‘пиликанье (на скрипке)’.

б) прилагательные звука (адъективные фононимы): *jarring* – ‘irritating, harsh, unpleasant and annoying’: The harsh metallic sound jarred on her. He had a way of speaking that jarred [13]; *harsh* – ‘a voice or other sound that is harsh sounds rough and unpleasant and often forced’: She spoke in a harsh whisper [13]; *foul-mouthed* ‘a person whose language is offensive and contains unacceptable words such as swear words and rude words related to sex or other bodily functions’.

в) глаголы звука (глагольные фононимы): *blabber* ‘to talk foolishly or too much’, *bluster* ‘to speak loudly and roughly, in a noisy or boastful way’, *boo* ‘to express disapproval or strong disagreement, esp. by shouting “boo”’, *grate* ‘to make a sharp sound, unpleasant to the hearer’, *jangle* – ‘to make a sharp sound, like metal striking against metal’: The brass bells jangled on the horse’s collar [11]; *jar* ‘to upset by making an unpleasant sound’, *munch* – ‘to eat smth hard with a strong movement of the jaw, making a noise’; *plink* – ‘бренчать (на музыкальном инструменте)’; *plonk* ‘if smb plonks away on a piano, they are playing it rather heavily or badly’; *rasp* ‘to have a rough annoying effect’: Her loud voice rasped on the sick man’s nerves [11]; *scrape* ‘to make a harsh unpleasant noise’, *slobber* – ‘распускать нюни, сюсюкать над кем-либо’ [12]; *strum* – ‘to play a tune carelessly or informally on a musical instrument by brushing one’s fingers over its strings, esp. without skill’: She was strumming on her guitar [11]; *tinkle* – ‘бренчать’: to tinkle on a guitar (piano) – бренчать на гитаре (пианино) [12]; *tweedle* – ‘пиликать (на скрипке)’; *blather (blether)* – ‘to talk for a long time, esp. foolishly’; *chatter* – ‘to talk quickly, continuously, and for a long time, usu. About something unimportant’: The teacher told the children to stop chattering in class [11].

В ЛСГ глагольных фононимов входят оценочные лексемы речи типа *to prattle ‘often derog: to talk continuously in a childish or foolish way about matters of no importance’* [11]; *to twaddle* ‘нечтословить’ [12]. Иногда вместо нейтральных интродукторов прямой речи типа *to say, to answer, to reply* и т.п. употребляются оценочные глаголы звука, относящиеся к миру животных и птиц. Такие фононимы можно терминологизировать **ратоморфами** (от *англ. rattomorphia* – «распространение выводов из наблюдений за поведением животных на поведение людей» [12]). Такие лексемы имеют ярко выраженную оценочную коннотацию. Например: глаголы *to bark* ‘to say something in a sharp loud voice’, *to hiss* ‘to say in a sharp whisper’, *to snap* ‘to speak or say quickly, usu. in an annoyed way’: “You’re late!” she snapped [11], *to roar* ‘to shout

something in a very loud and deep voice': "I'm not wavering!" he roared [13] и т.п. являются экспонентами **отрицательной оценки**; а такие интродукторы прямой речи, как *to soo* 'to speak in a very soft, quiet voice': He lifted his blue eyes and cooed, "I'm Mr. Hearst"; *to purr* 'to express or say in a pleasant low voice': "Come again, won't you?" she purred [11] и т.п. заключают в своём лексическом значении **позитивную оценку**. Представляется, что такой стилистический приём речевой характеристики персонажей мог бы называться **ратоморфизмом**.

г) наречия с семантикой звучания (адвербиальные фононимы): *accusingly, acerbically, acidly, acutely, aggressively, angrily, arrogantly, bitchingly, biting, bitterly, brusquely, brutally, contemptuously, coolly, creakily, crossly, crudely, cuttingly, defiantly, derisively, disgruntledly, despairingly, disrespectfully, ferociously, furiously, gloatingly, gloomily, grimly, gruffly, grumpily, harshly, haughtily, hysterically, icily, indignantly, irritably, mischievously, morosely, noisily, offhandedly, ominously, petulantly, pointedly, rebelliously, roughly, sardonically, scathingly, scornfully, sharply, shrilly, somberly, sternly, stiffly, stupidly, sulkily, suddenly, tartly, testily, theatrically, tumultuously, violently, wildly, wryly*.

д) фразеологические звукообозначения (фонофраземы): *at the top of one's voice/lungs, at full blast/pelt/throttle/tilt/volume, canned music, to crack one's knuckles, to get a mouth: You've got a mouth on you, girl! Ну ты и орёшь, девушка! [13], to get on smb's nerves, to jar smb's nerves, to put on a tough guy* 'говорить развязным тоном', *to sing off key, sounding brass* 'громкие, но пустые речи', *a wife with a big/loud mouth, to have a sharp tongue = to be sharp-tongued, to spit out a word 'to say with contempt', all hell broke loose, a Babel broke out, baby talk, back talk, to bark up the wrong tree, to bay at the moon, to become a laughingstock, to beat a tattoo on the table = to beat the devil's tattoo* 'барабанить пальцами по столу', *to scream/to cry/to shout/to yell blue murder* 'кричать караул, дико вопить', *to chew the rag* 'трепать языком', *to dance to smb's tune, to face the music, to give smb the bird* 'освистать кого-либо', *to go wild, to grind/to grit/to gnash one's teeth, to howl one's head off* 'обхохотаться', *idle talk, to kick up/to put up a row/racket/scandal = to make a scene/a big sting, to rend the air = to knife through the air, to laugh one's head off, to lift up one's voice, to loosen one's tongue, much ado about nothing, to pay lip service, to ring the lemon, to shoot the bull = to talk gobbledygook, to shout from the rooftops/mountaintops, to sob one's heart out, to spill the beans, to spin a yarn = to tell tall tales, to talk a blue streak = to talk nonstop = to talk nineteen to the dozen, to talk one's brains out = to talk oneself blue, to give smb a tongue lashing, to toss out words, verbal assault/barrage/beatings/warfare*.

В зоне **положительной (мелиоративной)** оценки элементов звукофферы в качестве основных общеоценочных модусов используются слова различных лексико-грамматических разрядов и устойчивые словосочетания (фразеологизмы) с семантикой **аттрактивности**. Приведём примеры:

а) **субстантивы**: *mouthful*: 'you've said a mouthful – золотые ваши слова' (12); *music*: 'if something that you hear is music to your ears, it makes you feel very pleased and happy' (13); *acclaim, applause, carol, cheers, concert, fanfare, singing, tune* 'a pleasing pattern of sound'; *merriment* 'laughter and sounds of fun and enjoyment'.

б) **адъективы**: *cheerful* 'bright and pleasant, likely to cause happy feelings', *cheery* (greeting), *euphonic* 'благозвучный', *euphonious* (cry), *glib-talking* (person), *gleeful* (laughter), *good* (singer), *happy* (talk), *heavenly* (music), *honey-smooth* (voice), *honey-tongued* (diplomacy), *joyful* (cry), *lovely* (singing), *luscious* (music), *mealy-mouthed* (orator), *mellifluous* 'having a sweet smooth flowing sound', *melodious* 'having a pleasant tune or sound', *merry* 'cheerful, full of lively happiness, fun, etc.', *musical* (cry), *polite* (knock), *reverent* (whisper), *rich* (bird-singing), *silver-tongued* (soloist), *smooth-talking* (devil), *sonorous* (voice), 'soothing (voice), *splendid* (contralto voice), *sugary* (language), *sweet* (melody).

в) **глаголы**: *to sweet-talk* 'to persuade by charming insincere talk or flattery', *to praise* 'to speak of with admiration and approval', *to compliment* 'to praise: John complimented Jean on her new dress', *to warble* 'to sing with a clear, continuous, yet varied note', *to trill* 'to talk or laugh in a high-pitched voice that sounds rather musical', *to purr*.

г) **адвербы**: *admirably, affably, affectionately, airily, amiably, amicably, angelically, approvingly, benevolently, blandly, breezily, brightly, cheerfully, cheerily, cordially, curiously, deferentially, delightedly, eagerly, easily, encouragingly, facetiously, fervently,*

flatteringly, fondly, fulsomely, gently, glibly, good-humoredly, good-naturedly, gratefully, happily, harmoniously, heartily, jauntily, jocularly, jokingly, joyfully, kindly, merrily, smoothly, sweetly.

д) **ФЕ**: *candied tongue* 'медоточивые уста, сладкие, льстивые речи', *sweet nothings*: if someone whispers sweet nothings in your ear, they quietly say nice, loving, and rather flattering things to you [13]; *sweet talk* 'лесть, медоточивые речи, умасливание', *to be a scream* 'иметь успех', *sweet mouthed* 'сладкоголосый, сладкоречивый', *to chirp like a cricket, fit to melt a heart of stone, to have a voice like a flute, to sing like a lark, wolf whistle* 'свист как знак восхищения при встрече с красивой девушкой' [12], *to burst into song* 'to start singing', *on song* 'performing at one's best', *to breathe a sigh of relief, to bring down the house, to buy for a song, to call the tune/the shots, curtain calls, dernier cri, to do voices, to get the giggles, to give three cheers, to have a nice ring to it, last word (in science, technology, luxury, etc.), laughable prices (ideas, etc.), live music, to make music, nothing to sneeze at, to play first fiddle, to ring/sound true, to sing praises, to speak for itself, to speak volumes*.

3. Аксиология аудиального восприятия

В фононимике наблюдается одна ономаσιологическая особенность: в речевых актах коммуниканты считают звук **фононом** («квантом поля звуковых колебаний» [14]), **то акусмой** (звуковым объектом аудиальной перцепции). Такая раздвоенная сущность феноменологии звука проявляется в языковом сознании носителей языка в тех случаях, когда они хотят профилировать либо фонационный аспект звуковой материи (со стороны продуцента/каузатора/источника), либо акустическую сторону звукового референта (с точки зрения реципиента/перцептора/эксперимента). Термин «акусма» образован от греч. akousma, что означает «услышанное». По свидетельству [15], в психологической фонетике акусма – это представление звука как воспринятого на слух. Акустический аспект номинации звуков мы называем **«акустическим вектором языковой репрезентации»**, сокращённо **А-вектором**, а фонационный ракурс именования звуков можно обозначить термином **«фонационный вектор языковой репрезентации»**, сокращённо **Ф-вектор**. В частности, эти векторы лежат в основе смысловой соотносённости между членами следующих лексических пар: *speaker – hearer; talker – listener; oral – aural; lecture hall – auditorium; rendition – audition*; ср. рус. *говорящий – слушающий; лектор – слушатели; лекционный зал – аудитория; фоника – акустика и т.п.*

Замечено, что лингвистическое бытие А- и Ф-векторов проявляет себя не только в лексической системе языка, но и в архитектонике синтаксических моделей. Так, в частности, на смысловой корреляции этих векторов основана перцептивная дилемма, при которой глаголы движения/перемещения в пространстве при фонационном субъекте заменяются глаголами восприятия: Например: *С улицы доносился шум – Он услышал шум на улице* [16, с. 24]. В этом свете все английские предложения с фононимами можно разделить на три группы:

1. Ф-векторные («фонационные») предложения, где речь идёт о производстве звуков. Например (имена каузаторов звука подчеркнуты):

- (1) *The crowd applauded* (Brown).
- (2) *The train roared by* (Bombeck).
- (3) *There was a yell of rage from Michael* (Barrie).

2. А-векторные («акустические») предложения, где позицию подлежащего занимает не продуцент, а эксперимент звука. Например:

- (4) *She heard the cat's surprised yowl* (Bang).
- (5) *They soon heard strange noises in the depths of the forest* (Baum).

(6) *I heard the creak in the footboards above and realized Cary was in his attic workshop* (Andrews).

3. Смешанные предложения, в которых присутствуют как экспоненты фонации, так и акустики, например:

(7) *I clung hungrily to every word about the church that came from the guide's lips* (Bombeck).

(8) *"Hear! Hear!" cried Jo, clashing the lid of the warming pan like a cymbal* (Alcott).

(9) *The birds were creating a disturbance heard for nearly a block* (Cussler).

Иначе говоря, для языковой объективации звуковых концептов говорящий располагает двумя способами вербализации – фонационным и акустическим (перцептуальным). Эти способы используются в речи и тексте **попеременно**: для профилирования того или иного аспекта звуковых объектов.

Анализ нашего собственного эмпирического материала из 127 произведений художественной литературы, классификаций и дефиниций из лексикографических источников, знакомство с лингвистическими работами других исследователей свидетельствуют о том, что в основе вербализации звуков лежит **фонационный** когнитивный вектор языковой репрезентации (Ф-вектор), как профилирующий акт продуцирования (производства) звуков. Что же касается **акустического** когнитивного вектора (А-вектора), актуализирующего акт аудиальной перцепции, то он играет в процессе вербализации звуков вспомогательную роль. И хотя весь процесс лексикализации физических звуков в современном английском языке происходит как бы в двух альтернативных векторах – **фонации** и **акустики** – но профилированы эти языковые репрезентации не одинаково, так как язык описывает звуковые события чаще всего и по преимуществу с точки зрения *производства* звуков, а не их *восприятия*. Иначе говоря, при языковом кодировании звуков господствует Ф-вектор, т.е. фонационный вектор их языковой репрезентации.

Слуховое восприятие является одним из способов *косвенной* репрезентации звуковой материи в языке наряду с другими непрямыми номинациями звука, например, метафорические средства, аксиологическая лексика, перифрастика и импликация. Объективация концептов «звукослушание» или «аудиоперцепция» осуществляется в языке при непосредственном участии категории перцептивности. Вслед за И.Ю. Колесовым [17, с. 159], мы считаем, что перцептивность как категория семантики конкретного языка связана с отражением в сознании говорящих на данном языке ситуации восприятия некоторым субъектом какого-либо объекта (или объектов) реального мира при помощи его сенсорной системы. Содержание результатов познания и осмысления человеком данного фрагмента его деятельности – проявления слуховой способности – отражается в номинации самих процессов восприятия, участников и обстоятельств данных событий в формах лексикализованных концептов, например: *ear, hearing, listen, eavesdrop, mishear, deaf* и т.п. Лексика различных частеречных классов в данном аспекте группируется в семантическое поле слухового восприятия. Все лексические единицы и фразеологизмы, вербализирующие аудиальную перцепцию, компоненты этой деятельности, самих перцептивных событий и участников типичной фоноакустической ситуации (ФАС), мы именует **акустивами**. Приведем несколько примеров лексических и фразеологических акустивов из нашей выборки (более 10 000 контекстов из романов современных английских и американских авторов).

Существительные акустивы: *acoustics, audience, audio carrier, audio filter, audio pads, audiovisuals, audio door buzzer, auditorium, ear, earplugs, ear trumpet, earmuffs, ear-range, ear wiggling switch, audition, auditorium, bugging device, deaf-aid, detectaphone, ear witness, film soundtrack, eavesdropper, gossip, headphones, hearer, hearing, hearing aid, hearing loss, hearsay, lip, listener, listening device, microphone perception, phone-tapping device, recipient, recording device, rumor, sonogram, sound carrier, sound proof door, sound sensor, voice-print* и т.п.

Глагольные акустивы: *absorb, audition, be lost (on smb's ears), be subjected (to a noise), bug (a wall, etc.), capture (a sound, etc.), catch/capture catch smb's attention, catch up, detect (noises, etc.), diminish (the volume), distinguish (sounds), draw smb's attention, drum, earwig, eavesdrop, fall (on smb's ears), go: So how'd the hearing ~? Так как же прошло слушание?; half-listen, hark, harken/hearken, have: "Let's ~ it," Joey said, cutting to the chase; hear, hear out, listen for, listen in, listen to, localize (a sound), make out, mishear, miss (a sound, etc.), overhear, pick up, reach, shut off (a voice, etc.), soak up, strain, strike (smb's ear); take in, tune out* и т.п.

Адъективные акустивы: *acute, attentive (about ears), audible, auditory, aural, binocular, cloth-eared, deaf, earless, keen (hearing), muffled, never-before-heard-of, quick (ears), sharp-eared, stone-deaf, tone-deaf, trained, unheard-of, unintelligible (about voice)* и т.п.

Адвербиальные акустивы: *almost, barely, carefully, clearly, contentedly, faintly, half (listening), hard (to listen, etc.), incoherently, intently, ostentatiously, secondhand* и т.п..

К фразеологическим акустивам относятся **устойчивые словосочетания с семантикой слухового восприятия**. Например: *absorb every sound, be all ears, be deaf (to a challenge/an appeal), bend a willing ear, chew off an ear: Did she chew you ~ off? (D. Steel); cling to every word, cloth ears, cock an ear, cup one's ear (with one hand); Do you hear? deaf as a stone; fall upon smb's ears; gather every sound; get a sympathetic ear; get an earful from smb;*

get within speaking distance of smb; give an ear-bashing; give ear; give smb a hearing, go deaf, go in one ear and out the other; hang on every word; hang on smb's lips; have a good ear; have a listen; have an ear for music/languages; have no ear for music; have ears (fig.); "Hear, hear!"; hear voices; hearing distance; keep one's ears open; lend one's ear (to smb); listen with half an ear; meet smb's ears; not to believe one's ears; out of earshot; outside the ear-range; prick up one's ears; reach one's ears; split smb's ears; strain one's ears; strike smb's ears и т.п.

Ценностное отношение человека к звуковой реальности выражается в активной вербальной реакции на окружающий мир звуков. Во время слухового восприятия звуковые объекты сопоставляются между собой с учётом имеющегося опыта субъекта оценки. Идёт ментальный процесс присвоения звуковым объектам определённых признаков – так формируется оценка слуховых впечатлений.

Человек может быть склонен к объективному анализу явлений и событий, но обычно придерживаются вполне определённой системы ценностей, убеждён в её непреложности и твёрдо делит всё то, что так или иначе его затрагивает на хорошее и плохое, добро и зло, истину и ложь и так далее [6, с. 5].

В вышеприведённом иллюстративном перечне английских акустивов наряду с *оценочными* словами фигурируют и *дескриптивные* номинации, лишённые оценочных коннотаций. Для экспликации оценочных характеристик в семантике акустивов вновь обратимся к помощи их дефиниций в толковых словарях, так как «все оценки можно разделить на *явные*, выраженные эксплицитно в языке, и *неявные*, неосознанные или только подразумеваемые» [6, с. 166].

Начнём с пейоративных акустивов, имеющие, как известно, оценочную сему отрицательного признака в своём лексическом значении. Способов оценки по разным аспектам слухового восприятия чрезвычайно много. Аспектами оценки со знаком « – » могут выступать:

1) плохая акустика помещения: *terrible acoustics; unintelligible sounds; incoherently, faintly;*

2) плохая слышимость: *barely audible, poor hearing; muffled;*

3) глухота как физический недуг: *deaf people, deaf and dumb, loss of hearing, cloth-eared; to be dull of hearing, earless (лишённый музыкального слуха); stone-deaf = deaf as a stone; tone-deaf (неразличающий оттенки); a deaf git/jerk/prat; not to hear the Kingdom coming; to go deaf; to hear voices (иметь слуховые галлюцинации); to play smb false (Perhaps her ears had played her false) (Huxley);*

4) подслушивание: *eavesdropping, eavesdropper, detectaphone, to bug an office/a wall, bugging device, phone-tapping (listening secretly to other people's conversations by means of special electronic equipment) [11]; to listen in; Walls have ears (a proverb); there could be ears everywhere (J. Grisham);*

5) распространение слухов: *gossiping, gossip (a conversation or report about the details of other people's behavior and private lives, often including information that is actually true) [11]; hearsay (things which are said rather than proved); rumor (unofficial news or information, perhaps untrue, which is spread from person to person) [11];*

6) наушничество: *ear wiggling, to earwig – наговаривать (на кого-либо);*

7) плохой слушатель: *to half-listen, to listen with half an ear, to mishear, to miss a sound, to overhear (слышать краем уха); to tune smb out (непестать слушать говорящего) [12]; to hear smth secondhand; to go in one ear and out the other;*

8) шумовая атака: *His ears were assailed by a wild clamor from below (J. Fitzgerald); The shrill voice battered at his ears (I. Shaw); to shut off a voice (with hands, a door, etc.); his ears twitched at the sound of a football on the landing (Lodge); like-a-drill-through-the-eardrum; I can't hear myself think (Kinsella); his ears were splitting (J. Grisham); to hammer on the eardrums;*

9) лицемерное внимание (со стороны босса, чиновника и т.п.): *to be lost on smb's ears; to remain deaf (to); ostentatiously; to fall on deaf/unbelieving ears; to hear with open ears (безвольно внимать);*

10) нечто неприятное для слуха (т.е. **репеллентные** звуки: от лат. repellentis – отталкивающий, отгоняющий): *For an hour or more we were subjected to a monotonous gabbling of prayers (Bainbridge); the phrase is drumming upon my hapless ears; to fall on smb's ears; to chew smb's ear off; Rosa has just given him an ear-bashing about the article (Lewis); to get an earful from smb;*

There was little sound to be heard but the clang of weapons and an occasional screech or splash (Barrie).

Мелиоративных акустивов в количественном отношении оказалось в нашей выборке значительно меньше. Они обслуживают следующие аспекты оценки:

1) хороший слух: *to capture/to catch a sound/a whisper, quick ears, a remarkably acute sense of hearing, keen hearing, if you have an ear for music or language, you are able to hear its sounds accurately and to interpret them or reproduce them well* [13]; *sharp-eared; trained ear*;

2) хорошая слышимость: *to make out, to discern clearly*;

3) хорошая шумоизоляция: *earplugs, audio plugs, earmuffs; soundproof door*;

4) улучшение слышимости: *to make use of a deaf-aid/ear-trumpet/hearing aid/ear trumpet; to cup one's ear (with one hand); to cock an ear; to prick up one's ears* (навести уши, напрячь слух);

5) хорошая акустика помещения: *The acoustics of the theatre are very good* [11]; *to distinguish sounds, to discern speech accurately, to pick up the sound of sighs and movement*;

6) хороший слушатель: *to be a good listener (to listen patiently and sympathetically to what you want to say)* [11], *to be a sounding board (if you use someone as a sounding board, you discuss your ideas with them while you working them out)* [13], *to absorb/gather every sound; his ear was attentive to the smallest sound in his wife's room; a distant sound caught her attention; to hear out; to soak up smb's words; to strain to hear every word; to take in every whispering, to listen carefully/hard/intently; to cling to every word; to be all ears; not to miss a sound; true ears; to hang on every word; to hang on smb's lips; to have a good ear; to have an ear for music/languages; to hear with both ears* (слушать во все уши);

7) нечто приятное на слух, так называемые **аттрактивные** звуки (от лат. *attrahere* – притягивать > англ. *attractive* –

манящий, привлекательный, притягательный): *pleasant to hear; listenable (the music is quite listenable to)* [11]; *to bend a willing ear; Hear, hear!; By and by there was to be heard a sound at once the most musical and the most melancholy in the world* (Barrie).

Изложенное, как представляется, даёт основания для следующих выводов:

1. Модально-маркированные фононимы и акустивы обозначают не только онтологические признаки, присущие звуковым событиям, но и дают оценку этих событий со стороны оценивающего субъекта. Иначе говоря, звуковые номинации способны синтезировать в своей семантической структуре значение звучания и модального отношения продуцента к звуковому действию.

2. Исследование показало, что средства выражения оценки в современной английской фононимии многочисленны и разнообразны. Аксиология создаёт в сознании носителей языка ценностную картину мира. Путём наложения ценностной картины мира на акустическую картину мира исследователь получает эвристическую возможность провести дополнительную категоризацию языковых средств, репрезентирующих домены «звукопроизводства» и «звуковосприятия». В частности, на этом основании мы можем выделить в ряду английских звукообозначений **мелиоративные** фононимы и акустивы, именующие звуковые объекты **аттрактивного** звучания, а также **пейоративные** фононимы и акустивы для наречения звуковых объектов **репеллентного** свойства.

3. Изучение аксиологической маркированности английских фононимов и акустивов помогло обнаружить в их семантике нравственные, прагматические и экспрессивные элементы оценки звуковых концептов. Это, в свою очередь, позволяет исследователю английской лингвосонологии глубже познать лингвистический функционал каждой языковой единицы английской ЛСГ звуковых номинаций.

Библиографический список

- Максимов, В.Д. Способы вербализации и категоризации звуковой материи в современном английском языке: монография. – Барнаул, 2013.
- Колесов, И.Ю. Языковая репрезентация визуальной и аудиальной модальностей восприятия: монография / И.Ю. Колесов, В.Д. Максимов. – Барнаул, 2013.
- Шапошникова, И.В. История английского языка: учеб. пособие. – Новосибирск, 2009.
- Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. – М., 1988.
- Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки. – М., 2006.
- Ивин, А.А. Основы теории аргументации. – М., 1997.
- Трунова, О.В. О категоризации, категориях и категориальном значении // Коммуникативно-парадигматические аспекты исследования языковых единиц: сборник статей к юбилею проф. М.Я. Блоха. – Барнаул, 2004. – Ч. I.
- Коваленко, Е.В. Языковая актуализация пейоративной оценки (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2006.
- Шаховский, В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания. – Волгоград, 1983.
- Карасик, В.И. Иная ментальность / В.И. Карасик, О.Г. Прохвачева, Я.В. Зубкова, Э.В. Грабарова. – М., 2005.
- Longman Dictionary of Contemporary English: в 2 т. – М., 1992.
- Новый Большой англо-русский словарь: в 3 т. / под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. – М., 1994.
- Collins Cobuild English Language Dictionary. London: HarperCollins Publishers, 1993. – 1703 p.
- Крысин, Л.П. Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов. – М., 2008.
- Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 2004.
- Теория функциональной грамматики: локативность, бытийность, посессивность, обусловленность. – СПб., 1996.
- Колесов, И.Ю. Проблемы концептуализации и языковой репрезентации зрительного восприятия (на материале английского и русского языков): монография. – Барнаул, 2008.

Bibliography

- Maksimov, V.D. Sposobih verbalizacii i kategorizacii zvukovoy materii v sovremennom angliyskom yazihke: monografiya. – Barnaul, 2013.
- Kolesov, I.Yu. Yazhikovaya reprezentaciya vizual'noy i audial'noy modal'nostey vospriyatiya: monografiya / I.Yu. Kolesov, V.D. Maksimov. – Barnaul, 2013.
- Shaposhnikova, I.V. Istoriya angliyskogo yazihka: ucheb. posobie. – Novosibirsk, 2009.
- Arutyunova, N.D. Tipih yazhkovikh znacheniy. Ocenka. Sobit'ie. Fakt. – M., 1988.
- Volf, E.M. Funkcional'naya semantika ocenki. – M., 2006.
- Ivin, A.A. Osnovih teorii argumentacii. – M., 1997.
- Trunova, O.V. O kategorizacii, kategoriyakh i kategorial'nom znachenii // Kommunikativno-paradigmaticheskie aspektih issledovaniya yazhkovikh edinic: sbornik statey k yubileyu prof. M.Ya. Blokha. – Barnaul, 2004. – Ch. I.
- Kovalenko, E.V. Yazhikovaya aktualizaciya peyorativnoy ocenki (na materiale angliyskogo yazihka): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Barnaul, 2006.
- Shakhovskiy, V.I. Ehmotivniy komponent znacheniya i metodih ego opisaniya. – Volgograd, 1983.
- Karasik, V.I. Inaya mental'nost' / V.I. Karasik, O.G. Prokhvacheva, Ya.V. Zubkova, Eh.V. Grabarova. – M., 2005.
- Longman Dictionary of Contemporary English: v 2 t. – M., 1992.
- Noviy Bol'shoy anglo-russkiy slovar': v 3 t. / pod obsh. ruk. Yu.D. Apresyana. – M., 1994.
- Collins Cobuild English Language Dictionary. London: HarperCollins Publishers, 1993. – 1703 p.
- Krihsin, L.P. Illyustrirovanniy tolkoviy slovar' inostrannikh slov. – M., 2008.
- Akhmanova, O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. – M., 2004.
- Teoriya funkcional'noy grammatiki: lokativnost', biht'ynost', posessivnost', obuslovlennost'. – SPb., 1996.
- Kolesov, I.Yu. Problemih konceptualizacii i yazhkovoy reprezentacii zritel'nogo vospriyatiya (na materiale angliyskogo i russkogo yazhkov): monografiya. – Barnaul, 2008.

Статья поступила в редакцию 26.03.14

УДК 82:81-26; 82:81'38

Pogrebnyak Yu.V. INTERIOR DISCOURSE AS A STYLISTIC MEANS. An interior discourse presents a model of the inner speech of a character, created by an author of a literary work. In this article the interior discourse is considered as a stylistic device.

Key words: interior discourse, stylistic device, work of fiction, character, sense interaction.

Ю.В. Погребняк, д-р филол. наук, проф. каф. русского языка как иностранного Волгоградского гос. социально-педагогического университета, г. Волгоград, E-mail: pyuta@yandex.ru

ИНТЕРИОРИЗОВАННЫЙ ДИСКУРС КАК СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО

Интерioriризованный дискурс представляет собой модель внутренней речи героя, создаваемую автором художественного произведения. В предлагаемой статье интерioriризованный дискурс рассматривается как стилистическое средство.

Ключевые слова: интерioriризованный дискурс, стилистическое средство, художественное произведение, персонаж, взаимодействие смыслов.

Под интерioriризованным дискурсом мы понимаем отражение автором художественного произведения невербализованных персонажем мыслей и чувств. Автор выражает эти мысли и чувства от лица самого персонажа.

В научной литературе подвергались анализу некоторые особенности рассматриваемого нами типа дискурса [1-4], однако комплексного исследования этого явления проведено не было. Интерioriризованный дискурс используется очень часто в современной художественной литературе, и изучение его специфики крайне необходимо.

Интерioriризованный дискурс является средством непрямои характеристики героя произведения, которое призвано реализовать авторский замысел, не давая читателю готовых оценок личности того или иного персонажа, а предоставляя возможность читателю самому делать выводы и давать оценки.

Наиболее четко особенности интерioriризованного дискурса как стилистического средства проявляются в характере его взаимодействия с экстерioriризованным (т. е. вербализованным) дискурсом персонажа (персонажей) и автора произведения.

Можно выделить три типа взаимодействия смыслов интерioriризованного дискурса и внешнего диалога персонажа.

1. Внешний диалог и интерioriризованный дискурс связаны друг с другом по смыслу:

а) внешний диалог и интерioriризованный дискурс взаимодополняют друг друга.

Например, в приведенном ниже отрывке бедный молодой человек Стивен, когда речь заходит о деньгах в диалоге с мистером Дизи, вспоминает и мысленно перечисляет свои долги – *Маллигану девять фунтов, три пары носков, пару обуви, галстуки. Каррэнну десять гиней. Макканну гинею. Фреду Райну два шиллинга. Темплу за два обеда. Расселу гинею, Казинсу десять шиллингов, Бобу Рейнольдсу полгинеи, Ке-леру три гинеи, миссис Маккернан за комнату, пять недель. Малая моя толика бессильна.*

И в результате внутренней мыслительной работы в голове Стивена зреет очередная реплика диалога – *В данный момент нет, – ответил Стивен.*

Стивен не может гордиться тем, что никому не должен.

He tapped his savingsbox against his thumbnail.

– I will tell you, he said solemnly, what is his proudest boast. I paid my way.

Good man, good man.

– I paid my way. I never borrowed a shilling in my life. Can you feel that? I owe nothing. Can you?

интериориризованный дискурс – *For the moment, no, Stephen answered* [5].

Он постукал своей копилкой о ноготь большого пальца.

– Я вам скажу, – объявил он торжественно, – чем он больше всего хвастает и гордится: «Я никому не должен».

Надо же, какой молодец.

– «Я никому не должен. Я за всю жизнь не занял ни у кого ни шиллинга». Вам понятно такое чувство? «У меня нет долгов». Понятно?

Маллигану девять фунтов, три пары носков, пару обуви, галстуки. Каррэнну десять гиней. Макканну гинею. Фреду Райну два шиллинга. Темплу за два обеда. Расселу гинею, Казин-

су десять шиллингов, Бобу Рейнольдсу полгинеи, Ке-леру три гинеи, миссис Маккернан за комнату, пять недель. Малая моя толика бессильна.

– В данный момент нет, – ответил Стивен [6, с. 34].

б) внешний диалог и интерioriризованный дискурс контрастируют друг с другом; Сюда можно отнести те случаи, когда тема интерioriризованного дискурса и внешнего диалога персонажей совпадает, но их смысловая оценка различна. Попросту говоря, персонажи, или персонаж высказывает суждения, оценочно противоположные его истинному мнению. Это также очень сильно характеризует героя произведения.

Приведенный ниже отрывок представляет собой спор собравшихся разводиться мужа и жены. Жена привыкла делать все, как она хочет, не принимая возражений мужа. В этот раз она пригласила экстрасенса, чтобы «очистить» их квартиру. Мужу, профессору Астраханцеву, человеку неконфликтному, эта идея не нравится, но он не озвучивает те высказывания – возражения, которые зреют в его голове (*«Нужно было просто любить меня», «Наверняка какая-нибудь шарлатанка. С кучей тараканов в голове. Поклонница Стивена Кинга, окончившая ускоренные курсы НЛП»*), дабы не провоцировать свою жену на конфликт.

– Ты просто злишься. Несколько лет я искренне пыталась спасти наш брак. Не знаю, что нужно было сделать, чтобы ты стал нормальным мужем!

«Нужно было просто любить меня», – подумал Астраханцев, а вслух сказал:

– Давай не будем кричать, хорошо? А то твоему специалисту придется разгребать тут целую кучу всего. – Он знал, что если его жена приняла решение, изменить ничего не удастся. Придется идти на компромисс. – Значит, он придет завтра, верно?

– Да. И это не он, а она, – ответила Амалия, облизав губы. Гнев ее быстро угас, как всегда бывает с поддельными страстями. – Ее зовут Люда. Она подруга моей подруги из Питера.

«Наверняка какая-нибудь шарлатанка, – решил Астраханцев. – С кучей тараканов в голове. Поклонница Стивена Кинга, окончившая ускоренные курсы НЛП» [7, с. 111].

2. Внешний диалог и интерioriризованный дискурс не связаны друг с другом по смыслу. Однако какая-то ассоциативная связь может присутствовать.

В приведенном ниже отрывке главный герой романа Валера, будучи влюбленным в свою начальницу – владелицу ночного клуба Арину, желая знать все о ее личной жизни, очень сильно озадачен временным исчезновением этой женщины. Он очень жаждет получить хоть какую-то информацию о местонахождении своей начальницы у ее ближайшего помощника Виктора, он даже уже обращается к нему по имени (*– Вить... – позвал он слугу Рындина.*), но вовремя понимает, что не имеет права задавать такие вопросы, являясь всего лишь одним из работников ночного клуба. Вместо желаемого, уже внутренне сформированного вопроса *«А где Арина, скажи?»*, который однако может показаться странным Виктору, Валера быстро придумывает вполне безобидный вопрос – *Вить, а ты был уже в симуляторе боя?* – и озвучивает его. В этом случае интерioriризованный дискурс

и внешний диалог персонажей идут как бы параллельно, не прикасаясь по смыслу. Однако все смысловое пространство художественного произведения является связующим механизмом для них, способствуя реализации замысла автора. Не связывая по смыслу интериоризованный дискурс персонажа Валеры и его внешний диалог с Виктором, автор показывает, насколько главный персонаж любит владелицу ночного клуба, насколько чувствует себя ниже ее во всех аспектах, боясь вызвать хоть какие-то подозрения о своих чувствах к ней у других.

– Вить... – позвал он спину Рындина.

«А где Арина, скажи?» – хотел спросить Валера. Хотел. «А тебе зачем?» – резонно поинтересовался бы Вить. И действительно, зачем она нужна охраннику? Арина Леонидовна ведь даже зарплату сама не выдает.

– Чего? – Вить развернулся и был уже возле Валеры.

Вить, а ты был уже в симуляторе боя? – спросил вдруг Валера. – Или тебе спортзала хватает тряхнуть адреналином?

Валера говорил – и смотрел, смотрел, изучал. Вообще все это время – эти самые январь и начало февраля – Вить был молчалив и спокоен. Как всегда. Ну, может, чуть более молчалив, еще сильнее спокоен. В общем, держался супер. А Валере очень хотелось знать, как переживают тоску такие великие мужчины. Или нет тоски – и переживать нечего? И ни на каком Арина Леонидовна не на курорте с Быковым... [8, с. 110].

Причем, смысловые отношения очень сложны. Между выделенными нами крайними состояниями связанности и не связанности по смыслу интериоризованного дискурса и внешнего диалога героев имеется большое количество промежуточных состояний, где степень ассоциативно-смысловой связи представлена в различной степени: от буквально прямой связи (что говорит, то и думает) до полного отсутствия видимой связи (говорит совершенно не то, что думает). Однако, в последнем случае проходит большая цепочка ассоциаций, которые порой сложно проследить.

В пределах первой выделенной нами группы смысловых связей между интериоризованным дискурсом и внешним диалогом героев, то есть в том случае, когда такая связь прослеживается достаточно четко, также можно выделить ряд промежуточных состояний по степени смысловой контрастивности интериоризованного дискурса и внешнего диалога.

Также можно выделить два типа смыслового взаимодействия слов автора и интериоризованного дискурса персонажа:

1. Слова автора и интериоризованный дискурс связаны друг с другом по смыслу и взаимодополняют друг друга.

В приведенном ниже отрывке из рассказа С. Хилл «Попеть и потанцевать» описывается жизнь немолодой женщины Эсми после смерти ее матери. Женщина была эмоционально очень зависима от своей матери, и после своей смерти, мать постоянно присутствует в сознании главной героини. Узнав, что по завещанию ей переходит £6, 000, Эсми строит планы на будущее, что выражено в ее интериоризованном дискурсе – *she would buy a car and learn to drive, buy a washing machine and a television set, she would have a holiday abroad and get properly fitting underwear and eat out in a restaurant now and again, she would...* – она купит машину и научится водить, купит стиральную машину и телевизор, поедет отдыхать за границу и подберет подходящее нижнее белье и будет ходить в ресторан сейчас и потом, она будет..., который внезапно обрывается и начинается другой интериоризованный дискурс Эсми, которая думает уже как ее мать – *But she was over fifty, she should be putting money on one side herself now, saving for her own old age. Но ей больше пятидесяти, теперь ей одной придется откладывать деньги на старость.*

Таким образом, автор, противопоставляя два типа интериоризованного дискурса героини – ее собственный интериоризованный дискурс и ее же интериоризованный дискурс, окрашенный влиянием матери, показывает, как в сознании героини борются два начала – ее собственное «Я», стремящееся жить самостоятельной жизнью и «Я», привыкшее постоянно прислушиваться к мнению своей матери.

And now here was £6, 000. For a moment or two it had gone to her head, she had been quite giddy with plans, she would buy a car and learn to drive, buy a washing machine and a television set, she would have a holiday abroad and get properly fitting underwear and eat out in a restaurant now and again, she would...

But she was over fifty, she should be putting money on one side herself now, saving for her own old age, and besides, even the idea of spending made her feel guilty, as though her mother could hear, now, what was going on inside her head, just as, in life, she had known her thoughts from the expression on her face [9, с. 196 – 197].

И вот у нее было £6, 000. Секунду или две, как она это осознала, у нее закружилась голова от планов, она купит машину и научится водить, купит стиральную машину и телевизор, поедет отдыхать за границу и подберет подходящее нижнее белье и будет ходить в ресторан сейчас и потом, она будет...

Но ей больше пятидесяти, теперь ей одной придется откладывать деньги на старость, и, кроме того, даже сама идея траты денег заставила ее почувствовать себя виноватой, как будто ее мать могла слышать, теперь, что происходит в ее голове, точно так же, как при жизни она знала ее мысли по выражению лица (Перевод наш – Ю.В. Погребняк).

В то же время в представленном выше отрывке слова автора прямо связаны по смыслу с интериоризованным дискурсом героини. Автор четко указывает, где интериоризованный дискурс самой Эсми – *For a moment or two it had gone to her head, she had been quite giddy with plans, – Секунду или две, как она это осознала, у нее закружилась голова от планов*, а где интериоризованный дискурс той же Эсми, но находящейся под влиянием своей матери – *даже сама идея траты денег заставила ее почувствовать себя виноватой, как будто ее мать могла слышать, теперь, что происходит в ее голове, точно так же, как при жизни она знала ее мысли по выражению лица.*

В данном контексте автор не считает нужным заставлять читателя разгадывать, когда Эсми находится под влиянием своей умершей матери, а когда она думает самостоятельно, очевидно, делая акцент на самом интериоризованном дискурсе героини, в котором контрастно противопоставлена борьба двух личностей – Эсми, думающей самостоятельно и Эсми, думающей как ее мать. Весь рассказ построен на контрасте этих двух типов интериоризованного дискурса. В конце рассказа Эсми освобождается от влияния своей матери. В этом рассказе интериоризованный дискурс является ведущим стилистическим приемом.

Интересно отметить, что случаи, когда интериоризованный дискурс и слова автора контрастируют друг с другом отсутствуют, по всей вероятности, потому что такое их взаимодействие полностью нарушало бы основы построения художественной композиции.

2. Слова автора и интериоризованный дискурс не связаны друг с другом по смыслу.

В приведенном ниже отрывке главный герой рассказа Г. Бейтса «Как тщетно обольщаются мужчины», молодой парень Франклин, вступает в любовную связь с миссис Пэлгрейв во время пляжного отдыха. Одновременно он влюбляется в юную няню детей миссис Пэлгрейв Хайди и приглашает ее на ужин в то время, когда миссис Пэлгрейв ненадолго уезжает по своим делам. Вернувшись, миссис Пэлгрейв узнает об отношениях молодых людей и отправляет Хайди на ее Родину в Германию. Франклин сильно переживает, что навсегда потерял Хайди, к которой у него возникли чувства.

Слова автора о том, как Франклин поздоровался с мистером и миссис Пэлгрейв и о том, как он шел вдоль пляжа, которые предшествуют внутреннему монологу Франклина, на первый взгляд не связаны с интериоризованным дискурсом Франклина. Однако читатель, ознакомившись с содержанием рассказа, выстраивает ассоциативную цепочку смысловых связей между интериоризованным дискурсом персонажа и словами автора – Франклин и миссис Пэлгрейв ненавидят друг друга после этого инцидента, поэтому они сухо здороваются ради приличия.

В отрывке «Несколькими минутами позже он шагнул вдоль пляжа, скрываясь от палящего солнечного света в тени сосен и опять попадая под жгучее солнце» читатель может усмотреть ассоциацию с сильными чувствами, которые, подобно палящим лучам солнца, волнами накрывали молодого человека. Хотя такие ассоциации можно назвать индивидуальными.

И в других словах автора «Его беззвучный голос был сух от отчаяния. Белая полоска песка перед ним была такая же сухая и безжизненная, как соляные залежи, которые он видел в лучах заката» представлено уже более прямое указание на эмоциональное состояние Франклина. Его душа иссыхает без

любви, жаждет встречи с Хайди, но не может найти ее, так как молодой человек не знает адреса этой девушки.

В этом отрывке можно видеть взаимное усиление влияния интериоризованного дискурса и слов автора. Франклин повторяет про себя имя любимой девушки. Слова автора о встрече молодого человека с миссис Пэлгрейв используются для усиления выражения отчаяния Франклина. Описание автором иссушенного солнцем пляжа также наводит читателя на мысль о любви Франклина, которая была жестоко выжжена миссис Пэлгрейв.

Таким образом происходит усиление эмоционального накала этого эпизода.

Franklin, as Mr. And Mrs. Palgrave passed him, stiffened himself to say "Good afternoon" but in the moment of passing she turned with equal stiffness and stared at the sea.

A few minutes later he was striding along the beach, out of the hot bristling sunlight into the shadow of the pines and then out into the heat of the sun again.

"Heidi," he kept saying to himself. "Heidi," His echoless voice was arid with despair. The white stretch of sand in front of him was as flat and lifeless as the salt flats he had seen in the evening sun. "Heidi – Heidi – Oh! God, Heidi, where can I find you?" [9, с. 78].

Франклин, когда мистер и миссис Пэлгрейв прошли мимо него, напрягся, чтобы сказать «Добрый день», и, когда они поровнялись, она также напряженно ответила и стала пристально смотреть на море.

Несколькими минутами позже он шагнул вдоль пляжа, скрываясь от палящего солнечного света в тени сосен и опять попадая под жгучее солнце.

Библиографический список

1. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1986.
2. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек. Текст – Семиясфера – История. – М., 1996.
3. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.
4. Шаховский, В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография. – Волгоград, 2008.
5. Joyce, J. Ulysses [Э/р]. – Р/д: <http://www.james-joyce.ru/ulysses/ulysses-text-eng.htm>
6. Джойс, Дж. Улисс / пер. с англ. В. Хинкиса, С. Хоружего. – СПб., 2006.
7. Куликова, Г. Нежный фрукт: роман. – М., 2010.
8. Нестерина, Е. Разноцветные педали. – М., 2008.
9. Современная английская новелла / сост. сборника, авторского предисловия и критико-биографических справок о писателях А. Николыкин; автор комментария Л. Головинская и И. Токмаков. – М., 1963.

Bibliography

1. Bakhtin, M.M. Eshetika slovesnogo tvorchestva. – M., 1986.
2. Lotman, Yu.M. Vnutri mihslyathikh mirov. Chelovek. Tekst – Semiosfera – Istoriya. – M., 1996.
3. Karaulov, Yu.N. Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost. – M., 1987.
4. Shakhovskiy, V.I. Lingvisticheskaya teoriya ehmcij: monografiya. – Volgograd, 2008.
5. Joyce, J. Ulysses [Eh/r]. – R/d: <http://www.james-joyce.ru/ulysses/ulysses-text-eng.htm>
6. Dzhoyjs, Dzh. Uliss / per. s angl. V. Khinkisa, S. Khoruzhego. – SPb., 2006.
7. Kulikova, G. Nezhniy frukt: roman. – M., 2010.
8. Nesterina, E. Raznocvetnihe pedali. – M., 2008.
9. Sovremennaya angliyskaya novella / sost. sbornika, avtorskogo predisloviya i kritiko-biograficheskikh spravok o pisatelyakh A. Nikolyukin; avtor kommentariya L. Golovchinskaya i I. Tokmakov. – M., 1963.

Статья поступила в редакцию 26.03.14

УДК 821.161.1

Rasulova R.M. THE WORD ORDER IN A SENTENCE IN THE DARGIN LANGUAGE. This article analyses the issue of the word order in a sentence in Dargin. The word order does not only have syntactic functions. The researcher identifies structural and morphological features of a predicative basis in sentences.

Key words: syntax, Dargin language, sentence, phrase, predicative basis of a sentence.

Р.М. Расулова, канд. филол. наук, доц. каф. романо-германских и восточных языков,
Дагестанский гос. педагогический университет, г. Махачкала, E-mail: uzlipat066@mail.ru

ПОРЯДОК СЛОВ В ПРЕДЛОЖЕНИИ ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА

В данной статье анализируются вопросы порядка слов в даргинском предложении, т.к. порядок слов выполняет не только синтаксические функции. Это дало возможность определить структурные и морфологические признаки предикативной основы предложения.

Ключевые слова: синтаксическая конструкция, даргинский язык, предложение, словосочетание, предикативная основа предложения.

Актуальность темы исследования обусловлено тем, что даргинский язык, как и родственные ему дагестанские языки, в синтаксическом плане исследован недостаточно. Порядок слов

в даргинском предложении в принципе является свободным. В литературном даргинском языке выработался стабильный порядок: подлежащее, объект и сказуемое. Изменение их последова-

тельности не вызывает нарушения семантических связей и синтаксических отношений между его членами. Как правило, изменение их последовательности в предложении не вызывает нарушения семантических связей и синтаксических отношений между членами предложения. Тем не менее, в даргинском литературном языке уже выработался наиболее стабильный порядок слов, при котором главные члены предложения занимают место на двух полюсах: подлежащее – в начале, а сказуемое – в конце предложения; второстепенные члены располагаются между ними, начиная от косвенного объекта, к объекту прямому и к обстоятельству. Слово, на которое падает логическое ударение и которое требует своего выделения, может быть расположено ближе к глаголу-сказуемому или переместиться в начало предложения. При введении в предложение определительных слов, относительных или качественных, они размещаются перед определяемым словом, будь то главный или второстепенный член предложения. Если в предложении наличествуют оба определения, то относительное определение предшествует качественному. Например: *Дудешли уршилс шагъарлизрад асилс сагати чакма хиб* «Отец купил в городе и привез сыну новые сапоги». Данное предложение характеризуется тем, что в нем сохранен обычный для даргинского языка прямой (*гъарси*) порядок слов, и ни один из его членов интонационно не выделяется и не получает особой, отличающийся от других компонентов предложения смысловой нагрузки. При необходимости или при особом желании логически выделить какой-либо один из членов предложения это достигается, с одной стороны, усилением интонационного подчеркивания, с другой – изменением порядка слов, причем выделяемое слово ставится или в начале предложения или непосредственно перед глаголом-сказуемым: *Дудешли уршилс сагати чакма хиб* «Отец сыну привез новые сапоги». *Дудешли уршилс сагати чакма хиб* «Отец сыну привез новые сапоги».

В нескольких случаях порядок слов в даргинском предложении несет функцию выражения синтаксических отношений и не может быть изменен без нарушения семантической связи между его членами. Это имеет место в словосочетаниях со своим установившимся твердым порядком слов. Так, в словосочетаниях с качественным и относительным определением при одном и том же определяемом, например, в сочетании *узила сагаси машина* «брата новая машина» изменение мест определения придает сочетанию новый смысл: *сагаси узила машина* «нового брата машина». В данном же случае и вообще недопустима такая замена – в сочетании получается несочетаемое: понятие *брат* не может в прямом смысле сочетаться с понятием *новый*. Получается аналогичное сочетание. Не допускает изменения порядка слов и предложение с второстепенными членами, выраженными отглагольными формами, которые могут иметь при себе прямой объект, стоящий в одном падеже с подлежащим. Перестановка этих двух членов может повлечь за собой резкое изменение смысла предложения. Например: *Урши живарес дудеш дурахъун* «Сына позвать отец вышел»; *Дудеш живарес урши дурахъун* «Отца позвать сын вышел». Нельзя менять местами главный и второстепенный члены предложения, потому что, как мы видим на этом примере, меняется полностью семантика предложения, хотя грамматическая структура его при этом может оставаться без каких-либо изменений.

Даргинский язык и его многочисленные диалекты, за незначительными исключениями, очень близки друг к другу. В некоторых диалектах, как и в литературном даргинском языке, обычная постановка атрибута перед своим определяемым приводит очень часто даже к созданию последовательных цепей взаимосвязанных атрибутивных цепных комплексов, в которых каждое предшествующее имя является атрибутом для следующего за ним слова. Фразовый пример из литературного языка, который структурно не меняется при переложении на диалекты. Например: *Дила сагаси унрала дурхъаси машинала гъалабси шиша дила вишт1асигъуна уршила г1айибличибли бячун* -букв. «Моего нового соседа дорогой машины переднее стекло по вине моего младшего сына разбитым оказалось». В этом предложении представлена цепь последовательных атрибутивных синтагм. Из нее вычленяется большое количество атрибутивных синтагм, в зависимости от того, как их извлекать из этого предложения. Каждый раз, убирая одно замыкающее цепь определяемое слово, можно получить целый ряд самостоятельных атрибутивных синтагм: 1. *Дила сагаси унрала дурхъаси машинала гъалабси шиша дила вишт1асигъуна* – букв. «Моего нового соседа дорогой машины переднее стекло моего младшего». 2. *Дила сагаси унрала дурхъаси машинала гъалабси шиша дила*

– букв. «Моего нового соседа дорогой машины переднее стекло моего» и т.д. Из этой последовательной цепи можно извлекать и отдельные звенья по схеме «атрибут + определяемое слово», т.е. каждое предыдущее слово-атрибут совместно с последующим словом-определяемым [1].

Характерны факты даргинского литературного языка и даргинских диалектов, когда в них изменения обычного порядка расположения слов в конкретном предложении приводит не к новым оттенкам основной мысли, а к новому содержанию. Например, если в одной синтаксической конструкции даргинского литературного языка последовательно располагаются два качественно разных определения – согласованное и несогласованное, то изменение их места расположения действительно приводит к новому содержанию. Примеры: *Дудешла халаси х1яка* «отца большая шуба» («большая шуба, принадлежащая отцу»). *Халал узила машина* «старшего брата машина» («машина, принадлежащая старшему брату»). Как видим, порядок слов может выражать и узко синтаксические отношения. Если не все компоненты относятся к одному грамматическому классу, то такая свободная смена позиций членов конструкции невозможна. В иных случаях такая перестановка компонентов невозможна просто семантически: не каждое определение может стоять перед каждым существительным.

Данный постулат можно проверить на следующем примере: *Узила сага-си хъунул* «брата новая жена» («женщина, которая является новой женой брата»). Позиционная перестановка компонентов в данном выражении практически представляется невозможной, так как при этом окажутся несочетаемыми между собой такие понятия, как *новый* и *брат*, так как определяемое существительное *узи* «брат» не допустит перед собой определение, выступающее выразителем непостоянного признака. Брат – понятие постоянное временного, нового, прежнего или будущего брата быть не может. Выражение *сагаси узила хъунул* «нового брата жена» является, естественно, абсурдным сочетанием, семантической аномалией. Эти и другие примеры позволяют прийти к выводу, что изменение обычного порядка расположения слов в простом предложении литературного языка представляет собой всего лишь стилистический прием или инверсию.

В редких случаях порядок слов выполняет только синтаксические функции, обосновывая собой семантику предложения с определенными синтаксическими взаимоотношениями между его членами, обусловленными этими функциями. Синтаксическая позиция, занимаемая атрибутом в составе атрибутивного комплекса в даргинском литературном языке, часто зависит от выражаемого им значения. При наличии определения со значением постоянного признака носитель переменного признака занимает непосредственно крайне- маргинальную позицию, т.е. «чем больше в определении содержание постоянного признака, тем теснее сближается оно с определяемым и тем ближе становится словосочетание к лексической единице».

По мнению З.Г. Абдуллаева, «определение относится к словам не как к членам предложения, а как к частям речи. Поэтому, когда речь идет о месте определения, имеется в виду, не вообще его место в предложении, а лишь его место по отношению к определяемому им слову» [2]. Потому что синтаксическая роль прилагательных определяется в зависимости от их позиции. Кроме того, перемещение слов зачастую более свободно в даргинском предложении, чем в словосочетании. Словосочетания, состоящие из зависимых слов – прилагательного, местоимения и числительного в сочетании с существительным – не могут свободно варьировать местоположение компонентов. По своей синтаксической функции и причастию, как и прилагательное, представляет собой выразитель атрибутивных отношений между собою и своим определяемым именем. Позиционно преимущественно причастие также располагается перед своим определяемым именем. Однако прилагательное и причастие не отождествляются во всем – между ними имеются существенные грамматические различия. Причастие, как отглагольное образование, в отличие от прилагательного, в своей основе соотносится с понятиями вида и времени, доставшимися ему от своей глагольной основы. И признак определяемого предмета причастие может показывать через характер его действия или состояния во времени, а прилагательное не обладает такими характеристиками.

Таким образом, порядок слов в даргинском языке при относительной своей свободе в определенных случаях остается неизменным и фиксированным, что является результатом ограниченности в языке морфологических средств согласования между членами предложения.

Библиографический список

1. Исаев, М.-Ш. А. Словосочетания даргинского языка. – Махачкала, 1982.
2. Абдуллаев, З.Г. Даргинский язык. – М., 1993. – Т. 3.

Bibliography

1. Isaev, M.-Sh. A. Slovosochetaniya darginskogo yazihka. – Makhachkala, 1982.
2. Abdullaev, Z.G. Darginskiy yazihk. – M., 1993. – T. 3.

Статья поступила в редакцию 01.04.14

УДК 81'373.43

Rets I.V. CATEGORIZING SOCIO-CULTURAL SPACE USING NEOLOGISMS OF ENGLISH AND DUTCH LANGUAGES. The aim of the article is to analyze the notion of "socio-cultural space" and show the research results, which elicit the major semantic fields of concentration of neologisms. The research is topical due to the necessity to study neologisms, for they reflect the changes that are taking place in modern society under the influence of social factors.

Key words: neologism, semantic field, socio-cultural space, culturally-marked information, political correctness.

И.В. Рец, ассистент каф. английской филологии, аспирант Волгоградского гос. университета, г. Волгоград, E-mail: irina_rets@bk.ru

КАТЕГОРИЗАЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА НА МАТЕРИАЛЕ НЕОЛОГИЗМОВ АНГЛИЙСКОГО И НИДЕРЛАНДСКОГО ЯЗЫКОВ

В статье анализируется понятие «социокультурное пространство» и приводятся результаты исследования, в рамках которого были установлены основные лексико-семантические поля с наибольшим сосредоточением неологизмов. Актуальность обращения к данной проблеме продиктована необходимостью изучения новой лексики как средства отражения изменений, происходящих в современном обществе под влиянием социально значимых факторов.

Ключевые слова: неологизм, лексико-семантическое поле, социокультурное пространство, культурно-значимая информация, политическая корректность.

Человеческий язык зарождается, развивается и существует в качестве общественного явления. Вследствие того, что язык используется определенной этнолингвистической группой, он находится в тесной зависимости от условий существования этой общности, уровня ее развития, а также мировоззрения людей, говорящих на нем, то есть от социокультурной среды. В этой связи Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров делают вывод о том, что понятие социальности языка следует рассматривать как диалектическое единство языка и культуры, языка и общества. Любой синхронный срез в истории развития культуры подтверждает, что обслуживающий данную культуру язык отражает ее полностью и адекватно. Таким образом, движущей силой развития, любых перемен в языке является общество, коллектив членов национально-культурной и языковой общности. Однако в то же время допустимо говорить и об определенном влиянии языка на развитие культуры, как, например, в области фольклора и художественной литературы [1, с. 14].

Как отмечает Н.Л. Шамне, в последнее время в науке набирают силу концепции «пространства языка», которые отображают всю сложность организации и устройства языкового пространства [2, с. 19]. Ю.С. Степанов говорит о языке как о трехмерном пространстве и описывает три семиотических измерения языка [3, с. 7]. Однако в трудах по филологии нет четкой дефиниции категории «социокультурное пространство». В отечественной и зарубежной литературе чаще употребляется понятие социолингвистическое пространство, которое мы вслед за Н.Л. Шамне определяем как «ареал проживания некоторого языкового сообщества» [4, с. 66]. Понятие пространства вообще тесно связано с такими параметрами как территория, граница, предел. На наш взгляд, социокультурное пространство, в отличие от социолингвистического, определяется не только через границы языковых социумов, но также через разницу в нормах, ценностях, историческом опыте, которые разделяют члены этих социумов и которые отражены в языках, на которых они говорят. Социокультурное пространство проявляется уже в том, как индивидуумы, принадлежащие к различным этнолингвистическим группам, по-разному посредством языка фиксируют и категоризируют в своем сознании объекты окружающей их социальной действительности.

Язык постоянно развивается, подвергается трансформациям. Лексика представляет собой самый подвижный пласт языка, который формируется в первую очередь под влиянием экстралингвистических факторов. Каждое поколение дает жизнь новым словам, производным от современной действительности. После «электронной революции» в Западной Европе во второй половине XX в. ускорился процесс научно-технического прогресса, что не могло не отразиться в языке, каждый год лексикографы регистрируют сотни неологизмов. По подсчетам онлайн-службы Global Language Monitor, в английском языке каждые 98 минут возникает новое слово [5, с. 34].

Разделяя точку зрения Т.А. Гуральник о критериях выделения лингвокультурного компонента неологизмов, мы считаем, что в содержании новых слов культурно-значимой можно считать информацию, отражающую как внешние, так и внутренние языковые пространственные параметры, в рамках которых функционирует слово. Национально-культурная маркированность языковых инноваций выявляется в ходе анализа системы значений новых слов и их объединений в лексико-семантические парадигмы [6, с. 9]. Это позволит сделать процесс постижения иностранного языка более интересным и эффективным, т.к. ознакомление с культурой страны изучаемого языка проводится через изучение языковых единиц с национально-культурной семантикой.

Одной из задач нашего исследования является установление ключевых предметных областей с наибольшим количеством неологизмов в нидерландском и английском языках. Доминирование той или иной неологичной сферы иллюстрирует, на наш взгляд, тот факт, что номинация новых реалий и порождение новых смыслов происходит с учетом ценностных установок языкового коллектива и является следствием взаимодействия языковой и культурной картин мира.

Ряд американских исследователей (Г. Форг, Р. Гоцци, С. Рот) предпринимали попытки классифицировать неологизмы с учетом сфер их функционирования в словарном составе американского варианта английского языка по принципу распределения неологических единиц по лексико-семантическим полям (ЛСП). Особенно существенным в методологическом плане представ-

ляется нам заключение Р. Гоцци о том, что поток неологизмов, поступающих в систему языка и образующих ЛСП, является показателем жизнестойкости и ценности этого поля для данного культурного социума [7, с. 129].

Для установления предметных областей, в которых происходит концентрация неологизмов и анализа характера взаимодействия языка и культуры мы проанализировали корпус неологизмов английского и нидерландского языков последних трех десятилетий в количестве 3000 единиц. Материалом исследования послужили словари неологизмов ODNW, De Taal van het Jaar, ежегодные списки новых слов, зарегистрированных в общелитературных толковых словарях ODE и Van Dale Woordenboek, а также «слова года» в английском и нидерландском языках.

Следует оговорить, что мы не выделяем отдельно инновации национальных вариантов английского языка (американский, австралийский, британский, канадский английский и т.д.). На наш взгляд, вариативность существенно не влияет на семантику новых слов английского языка в силу его международного статуса, а также процессов глобализации.

В английском и нидерландском языках понятийные сферы, в которых на основе анализируемого материала было выявлено наибольшее сосредоточение неологизмов, представлены следующим образом:

Кроме того, концептуальный анализ фактического материала позволяет сделать вывод о том, что социальное явление «политической корректности» также стало фактором порождения новых слов. В корпусе неологизмов, отобранных в рамках исследования, было выявлено 22% эвфемизмов в английском и 7% эвфемизмов в нидерландском языке соответственно. Языковым оформлением «политической корректности» является поиск новых способов языкового выражения взамен тех, которые ущемляют чувства и достоинства индивидуума. По мнению С.Г. Тер-Минасовой, данное явление позволяет избежать «привычной языковой бестактности и/или прямолинейности в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида человека и т.п.» [8, с. 216].

Столь заметная разница в количестве эвфемизмов в двух исследуемых языках обусловлена, на наш взгляд, экстралингвистическими факторами. Само явление «политической корректности» зародилось и получило мощное развитие именно в англоязычном мире, когда более 30 лет назад афроамериканцы начали борьбу за свои гражданские права в США и потребовали дерасилизации (*deracilization*) английского языка. Так, единица *negro* 'негр', имеющая расистские коннотации, была заменена на единицу *coloured* 'цветной', затем на *black* 'черный', и, наконец, на *Afro-American* 'афроамериканец'.

Таблица 1

Понятийные сферы английского и нидерландского языков с наибольшим количеством неологизмов

	Английский язык	Нидерландский язык
1	общество и человек (41% неологизмов)	социальная политика (37%)
2	человек и культура (29%)	компьютерные технологии и Интернет (33%)
3	техника и сфера науки (21%)	экономика (19%)
4	экономика и бизнес (9%)	экология и окружающая среда (11%)

И в нидерландском и в английском языках на первое место по количеству неологизмов вышла *социальная сфера*, что свидетельствует о многочисленных изменениях в общественной жизни социумов, которые используют данные языки в качестве средства общения. На материале языковых инноваций английского языка, принадлежащих к данной сфере, заметнее проявляется растущая роль антропоцентризма. Новые слова характеризуют человека с точки зрения его *социальной* и *этнической принадлежности* (англ. *millionerd* 'богатый человек, построивший состояние в компьютерной индустрии', *chicano* 'американец мексиканского происхождения', *профессиональной деятельности* (англ. *open collar* 'человек, работающий из дома'), *свойств характера* (англ. *phrasemonger* 'человек, часто использующий в своей речи цитаты'). Неологизм *selfie* 'фотография самого себя, как правило, сделанная при помощи телефона и размещенная в социальных сетях', выбранный составителями словаря ODE в качестве слова 2013 года, тоже относится к ЛСП «*наименования человека*». Наличие большого количества неологизмов в рамках такого научного направления, как *психология* также подтверждает тенденцию к усилению антропоцентрического мировоззрения: англ. *busy brain* 'психическое состояние, характеризующееся неспособностью сконцентрироваться'; *emotional correctness* 'эмоциональная корректность или выражение эмоций в социально приемлемой форме'. В нидерландском языке тенденция к усилению антропоцентризма менее заметна, подобные неологизмы концентрируются в основном в сфере «*работа*», что вызвано объективными причинами, т.к. с развитием общества на рынке труда появляются новые специальности и профессии: нидерл. *overgangsconsulente* 'консультант для женщин среднего возраста'; *dierenagent* 'агент по защите животных' (Нидерланды являются первой страной в мире, в парламенте которой есть политическая партия защиты животных *Partij voor de Dieren* 'букв., Партия за Животных').

Сфера *экономики* обогатилась новыми словами, номинирующими инновационные идеи и достижения. Если в английском языке в данном аспекте неологизмы относятся больше к описанию *корпоративной культуры* и *экономического курса отдельного политика* (англ. *outsourcing* 'передача выполнения функций сторонней организации'; *Reaganomics* 'Рейганомика / экономическая политика Рональда Рейгана в 80-е гг.) то в нидерландском языке – к сфере *сельского хозяйства* (нидерл. *melkrobot Lely* 'роботизированная доительная система, осно-

ванная на технологии естественного доения'), что связано с историческим развитием страны. Проанализированный фактический материал показал, что в обоих исследуемых языках за последнее десятилетие появились языковые новообразования, выражающие *экономический кризис* (англ. *austerians* 'экономисты, проповедующие строгую экономию, доходщую до аскетизма'; нидерл. *bankendominio* 'серия банкротств банков', «слово года» 2008), но в нидерландском языке их количество меньше, по сравнению с английским.

Насыщенность неологизмами понятийной сферы «*окружающая среда и экология*» в нидерландском языке выше, чем в английском, что говорит о высоком уровне экосознания, популярности и важности экологической категории для голландского социума. Отношение голландцев к окружающей среде проявляется в таких неологизмах, как нидерл. *boomarts* (от *boom* 'дерево' *arts* 'врач') 'специалист по лечению деревьев / дендролог'; *bomenstichting* 'организация по защите деревьев'. Для более полного понимания значения данных неологизмов необходима экстралингвистическая справка относительно того, что бюджет каждой провинции Нидерландов предусматривает расходы на уход за деревьями. Все деревья страны в городской черте занесены в реестр, пронумерованы и находятся под постоянным контролем, а их состояние регулярно проверяется специальной экологической службой.

Сфера *науки и технологий* также является одной из наиболее неологичных в анализируемых языках. Однако как показывает наш фактический материал, в нидерландском языке новые слова, относящиеся к данной категории, представляют собой в основном интернационализмы и заимствования: нидерл. *computer* 'компьютер'; *e-mailen* 'отправлять письмо по электронной почте' (слово образовано от англ. *e-mail* и глагольного суффикса *en* нидерландского языка). Данная тенденция связана с тем, что англоязычные страны занимают лидирующую позицию в сфере развития цифровых и компьютерных технологий. Неологизмы, характеризующие аспекты научно-технического прогресса, были обнаружены во всех проанализированных категориях от *бытовой сферы* (англ. *password fatigue* 'усталость, вызванная необходимостью помнить слишком много паролей'), до *религиозной* (англ. *godcasting* 'скачивание аудио записи с религиозным содержанием'). На наш взгляд, данная тенденция является свидетельством глобального влияния компьютеризации на обновление языка.

Языковым отражением феминистских движений стали замены единиц английского языка, содержащих морфемы, указывающие на половую принадлежность, на слова, определяющие человека безотносительно к полу: *chairman* 'председатель' (и другие слова с морфемой *-man*, обозначающей 'мужчина, человек') – *chairperson* 'председатель' (мужчина или женщина); *stewardess* 'стюардесса' – *flight attendant* 'бортпроводник'.

По мнению ряда голландских лингвистов (Я. Фрис, М. Валь, Ф. Звартс и др.), нидерландский язык менее насыщен эвфемизмами, а явление политической корректности не получило в нем столь широкое развитие, как, скажем, в английском языке. Данная тенденция, а также исторические факты породили культурные стереотипы о прямолинейности и грубости голландцев в представлении представителей других народов [9, с. 1001].

Нидерландский лингвист, специалист в области социолингвистики, Т. А. ван Дейк заметил, что «если в нидерландской культуре ценится прямота и откровенность, в американской на первый план выходят соображения вежливости, которые заставляют говорящих прибегать к иносказаниям, уклончивым оборотам, разного рода смягчениям» [10, с. 124].

Например, в нидерландском языке отсутствует эвфемизм 'афроамериканец', вместо него используется единица *zwart* 'черный' или *neger* 'негр', которая является стилистически нейтральной. Интересна семантика глагола *negeren* 'игнорировать, не признавать', который имеет общую морфему со словом *neger* 'негр'. Единица *zwart* 'черный' присутствует даже в названии широко известного рождественского героя *Zwarte Piet* 'Чёрный Пит', который, согласно легендам Нидерландов и Фландрии, является экзотическим слугой и помощником Санта-Клауса и доставляет подарки хорошим детям. Актёр, изображающий Пита, всегда по традиции красит лицо в чёрный цвет и надевает курчавый парик. Но в последние годы все больше голландцев считают образ чёрного Пита расистским и предлагают исключить этого традиционного персонажа из рождественского праздника.

В целом за последние три десятилетия набор основных понятий, с помощью которых человек воспринимает окружающую его реальность, не изменился кардинально. Однако некоторые из этих понятий расширились или изменились, как, например, понятие времени и пространства. На материале неологизмов, характеризующих образ и стиль жизни члена англоязычного социума, можно проследить тенденцию к «сжатию», компрессии времени параллельно категории пространства: англ. *hurry sickness* 'болезненное ощущение нехватки времени'; *sightjogging* 'посещение достопримечательностей на бегу'.

Семантика ряда неологизмов, входящих в корпус исследования, отражает разрушение границ между отдыхом и работой, публичным и частным в жизни человека при использовании передовых технологий. Благодаря мобильному телефону, интернету, человеку достижим на отдыхе и дома: англ. *junk sleep* 'сон, прерываемый звонком по сотовому телефону, работой компьютера или телевизора', *fake-ation* 'отпуск, в течение которого приходится отвечать на служебные письма по электронной почте'; нидерл. *gameboyruig* 'спина, деформированная от постоянного сидения за компьютерными видео играми'.

Проанализированные предметные области, в которых обнаружено большое количество новых слов, служат своеобразными категориями культуры, которые мы понимаем как «набор основополагающих для данной культуры понятий» [11, с. 562]. Они образуют в своей совокупности модели реальности, характерные для данной конкретно-исторической эпохи и данного языкового социума. Содержание категорий культуры определяется данными предметными областями и отражает специфику господствующей системы ценностей, передает культурную картину мира, социального поведения, а также потенциальные направления их развития в конкретном социуме.

Понимание контекста, социокультурного пространства, в котором появляются и функционируют новые слова чрезвычайно важно для изучающих иностранные языки, а также для участников межкультурной коммуникации.

Библиографический список

1. Верещагин, Е.М. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М., 1990.
2. Шамне, Н.Л. Семантика немецких глаголов движения и их русских эквивалентов в лингвокультурологическом освещении. – Волгоград, 2000.
3. Степанов, Ю.С. Изменчивый образ языка в науке XX века // Язык и наука 20 века. – М., 1995.
4. Шамне, Н.Л. Социолингвистическое пространство региона и проблемы глобализации // Сборник материалов Международной научно-теоретической конф. «Язык и глобализация». – Алматы, 2013.
5. Payack, J.J. P. Conversation With The WordMan. iUniverse, 2004.
6. Гуральник, Т.А. Лингвистические маркеры социокультурного пространства в сфере неонимации: на материале американского варианта английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2006.
7. Gozzi, R. Jr. New Words and a Changing American Culture/Raymond Gozzi, Jr. // University of South Carolina Press. – 1990.
8. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М., 2000.
9. Stowe, L.A., Haverkort, M., & Zwarts, Rethinking the neurological basis of language, 2005.
10. Dijk van, T.A. Discourse and power. Houndsmills, UK: Palgrave, 2008.
11. Грицанов, А.А. Новейший философский словарь. – Минск, 2003.

Словари

ODE – Oxford Dictionary of English. OUP Oxford, 2010. – 2112 p.
 ODNW – The Oxford Dictionary of New Words / ed. by S. Tulloch. – Oxford University Press, 1999. – 899 p.
 De taal van het jaar / ed. by E. Sanders. – Amsterdam: Prometheus, 2004. 129 p.
 Groot woordenboek der Nederlandse taal. – Utrecht-Antwerpen: Van Dale lexicografie, 1995. – 468 p.

Bibliography

1. Verethagin, E.M. Yazhik i kul'tura. Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazhika kak inostrannogo / E.M. Verethagin, V.G. Kostomarov. – M., 1990.
2. Shamne, N.L. Semantika nemeckikh glagolov dvizheniya i ikh russkikh ehkvivalentov v lingvokul'turologicheskom osvethenii. – Volgograd, 2000.
3. Stepanov, Yu.S. Izmenchiviy obraz yazhika v nauke XX veka // Yazhik i nauka 20 veka. – M., 1995.
4. Shamne, N.L. Sociolingvisticheskoe prostranstvo regiona i problemih globalizacii // Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konf. «Yazhik i globalizaciya». – Almatih, 2013.
5. Payack, J.J. P. Conversation With The WordMan. iUniverse, 2004.
6. Guralnik, T.A. Lingvisticheskie markeri sociokul'turnogo prostranstva v sfere neonimacii: na materiale amerikanskogo varianta angliyskogo yazhika: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Samara, 2006.
7. Gozzi, R. Jr. New Words and a Changing American Culture/Raymond Gozzi, Jr. // University of South Carolina Press. – 1990.
8. Ter-Minasova, S.G. Yazhik i mezhkul'turnaya kommunikaciya. – M., 2000.
9. Stowe, L.A., Haverkort, M., & Zwarts, Rethinking the neurological basis of language, 2005.
10. Dijk van, T.A. Discourse and power. Houndsmills, UK: Palgrave, 2008.
11. Gricanov, A.A. Noveyshiyy filosofskiy slovarj. – Minsk, 2003.

Статья поступила в редакцию 01.04.14

УДК 82-1

Sipkina N.Ya. A LYRIC PUBLICISTIC POEM "TWO HUNDRED TEN STEPS" BY R. I. ROZHDESTVENSKY: IDEOLOGICAL AND AESTHETIC ORIGINALITY. This article studies the ideological, aesthetic and genre-related originality in the poem "Two Hundred and Ten Steps" by R. I. Rozhdestvensky in the context of a literary process of the 1970s. The scientific novelty of the test material is determined by the first attempt in the Russian literary study to analyze one of the most important poems of R. I. Rozhdestvensky. The author's research proves that R. I. Rozhdestvensky has created a new modification of a journalistic lyric poem, which possesses features of the traditions of the Russian literature.

Key words: R. I. Rozhdestvesky, poem, "Two Hundred and Ten Steps", ideological and aesthetic originality, variety of genres, structure, style, images, trails, lyricism, declarative, journalistic.

Н.Я. Сипкина, канд. филол. наук, сотрудник каф. литературы Института филологии и межкультурной коммуникации Хакасского гос. университета им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, E-mail: sipkina.nina@yandex.ru

ЛИРИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ПОЭМА «ДВЕСТИ ДЕСЯТЬ ШАГОВ» Р.И. РОЖДЕСТВЕНСКОГО: ИДЕЙНО-ЭСТЕТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ

В статье рассматриваются идейно-эстетическое и жанровое своеобразие поэмы «Двести десять шагов» Р.И. Рождественского в контексте литературного процесса 1970-х гг. Научная новизна исследуемого материала состоит в том, что впервые в отечественном литературоведении изучается одна из наиболее значимых поэм в творчестве Р.И. Рождественского. На основе проведенного исследования доказывается, что Р.И. Рождественским была создана новая модификация лирико-публицистической поэмы, которая несёт в себе черты традиций русской литературы.

Ключевые слова: Р.И. Рождественский, поэма, «Двести десять шагов», идейно-эстетическое своеобразие, жанровое разнообразие, структура, стиль, образы-тропы, лиризм, декларативность, публицистичность.

Поэма «Двести десять шагов» (1978) сложно и неоднородно выразила идейную и художественную эволюцию Р.И. Рождественского конца 1970-х годов. Вслед за Я.В. Смеляковым, А.Т. Твардовским, В.А. Луговским, вместе Е.А. Евтушенко и другими поэтами-шестидесятниками, Р.И. Рождественский, охватывая события с точки зрения исторической объективности, передал свое понимание событий, произошедших в нашей стране.

Поэма «Двести десять шагов» вместила в себя многие жанровые особенности русской поэмы середины XX века. Сам Р.И. Рождественский так характеризовал этот вид поэтического творчества: «Жанр поэмы существует, с этим приходится считаться. Жанр очень свободный, подвижный, меняющийся и в то же время не изменяющий своим основным законам. Видоизменяется этот жанр, видимо, будет и дальше, вместе со временем, с людьми, с уровнем их размышлений, уровнем задач, которые ставит перед художником действительность, столь же подвижная и не стоящая на месте» [1, с. 19-23].

Поэма состоит из нескольких глав «под названием «Шаги», в центре которых – чеканный шаг солдат, несущих вахту у Мавзолея; из повествовательных глав – «Имена», «Труд», «Война», «Мир», «Пуля»; а также из нескольких «отступлений» – «лирического», «нелирического», «исторического», «утреннего» [2, с. 157-161].

Основную идейную нагрузку поэмы несут главы «Шаги» (5 глав).

Сам Р.И. Рождественский определил структуру «глав-шагов» в поэме следующим образом: «Главы о шагах – это как бы мостики, проложенные между отдельными главами поэмы. Этот приём позволил мне совмещать, сталкивать различные, подчас далекие друг от друга времена – войны, мира, зарождения у человека мечты о полете, объединил лирические, балладные отступления» [3, с. 3].

В другой статье Р. Рождественским также выделяет значимость главок «Шаги» в идейном содержании поэмы: «Шаги» – не просто связи между другими главами, это стержень (так, во всяком случае, мне хотелось), на котором держится все произведение. Потому каждая такая глава, начинаясь одинаково, имеет свою тему, свою направленность» [4, с. 3].

В главах «Шаги» отразились мировоззренческие особенности Р.И. Рождественского – одного из представителей «эстрадной» поэзии, которые «укрепляли в общественном сознании миф о Ленине как о самом «человечном человеке», настойчиво внедряли его как в своем, так и в читательском сознании («начинаемся с Ленина мы» – у Р.И. Рождественского, «Ленин – мой

самый интимный друг» – у Е.А. Евтушенко, «Уберите Ленина с денег» – у А.А. Вознесенского), поэты тем самым, максимально приближались к мифологическому образу Ильича. Очищение от наслоений сталинского времени изначально «гуманных» идеологов революции оборачивалось созданием целого ряда попутных мифологических образов: «комиссары в пыльных шлемах» (Б.Ш. Окуджава), «коммунисты», которые шли только вперед» всех – навстречу реальным опасностям (А.П. Межиров), «коммунизм – самая высшая поэзия» (Р.И. Рождественский), «коммунары не будут рабами» (Е.А. Евтушенко)» [5, с. 35].

В главах «Шаги» поэт торжественно «клянётся» в верности своим идеям-«идолам»: «Но / останется жить / наша правда!», «Но / от имени / нас / будет / Ленин! / Но / от имени / нас / будут эти / двести десять шагов / по планете!» [6, с. 191]. «Молитвой» звучит обращение к Красной площади, как к святыне, определённому божеству «атеиста» Р. Рождественского: «Дай мне / уверенности твоей, Красная площадь! / И помоги мне себя отыскать – завтрашнего... / Главная площадь, ты поддержи, выслушай, выведи...» [6, с. 147]. В «Шагах» звучит мысль, похожая на «самогипноз», о глобальном значении символического образа – «двести десяти шагов», повторяющегося в 5-ти главах «Шаги» множество раз: «Двести десять шагов, / двести десять шагов... / Через всё, что мы вынесли, превозмогли, – / двести десять шагов / непростого пути... / вся история / нашей живучей / земли – предисловие / к этим двумстам десяти!.. / Двести десять шагов, / двести десять шагов...» [6, с. 158-159].

Р. Рождественский – оратор, «неизлечимый» поэт «оттепели», представитель «громкой поэзии» – «эстрадной поэзии». Так, в главе «Имена» используется ораторский приём – «клятва в верности» погибшим «сыновьям» за Революцию и «вечной» Памяти о них: «И, задохнувшись, / я говорю: / отныне – / и каждый день – по этому / каменному / букварю / я бы учил / детей! / Нет, не по буквам, / не по складам, / а по этим жизням / учил! / Я бы им / главное передал. / Вечное / поручил...» [6, с. 151-152].

Глава «Имена» по своему жанру тяготеет к повествованию. По утверждению А. Мальгина, «...все образы и сюжетные ходы поэмы берут свой исток именно на Красной площади» [2, с. 157-161].

Образы-тропы вводят нас в сложную и не однозначную по своему содержанию главу «Имена». Поэт доказывает, что выбитые на Кремлёвской стене имена выдающихся людей по алфавиту «от «А» до «Я» – «Азбука / яростного бытия, / Азбука Октября...». С помощью метафор: «Когда Москва / бросается

в сны – / вчерашний день воскрешать», «А ветер / над общей судьбою / гудел. / На длинной стене / имена высекал» [6, с. 149], **сравнений**: «Начинает светиться, / будто заря, / алфавит / от «А» до «Я». / Азбука / яростного бытия. / Азбука октября...», «На груди стены / имена / полыхают, / как орден-на!» [6, с. 149] и **олицетворений-эпитетов**: «на траурных плитах / кремлёвской стены / начинают / буквы мерцать» [6, с. 152] утверждается правильность выбора образа «гранитного букваря». Поэтом перечисляются легендарные личности, имена которых достойны памяти, их истории жизни должны изучаться, помниться, а их героические поступки достойны подражания: «Каждое имя / в ночи горит / своим, / особым огнём... / Дзержинский. / Гагарин. / Куйбышев. / Рид. / Чкалов. / Жуков. / Артём...» Поставленный синтаксический знак препинания – точка – после каждого имени-легенды предполагает паузу-воспоминание о подвигах перечисленных героев.

Поэт использует приемлемые в этом случае **риторические вопросы, обращения и восклицания**: «Кто пулю искал?», «Но если бы, / если бы только здесь! Если бы / только они! / А то – / повсюду!... Не помню об этом – / нельзя!...», «... твои, / Революция, / сыновья – / любимые дети твои» [6, с. 149-152].

В главе явно слышны «отголоски» рождественской поэмы «Реквием» (1960). В «Реквиеме» мы читаем такие строки: «Разве погибнуть ты нам завещала, / Родина?...» [6, с. 30], в «210 шагах»: «Кто смерти / хотел?» [6, с. 149] В «Реквиеме»: «Продолжается жизнь. / Приближается время дождей. / Нарастающий ветер / колыхает / большие хлеба. / ... так же птицы / поют на земле / без нас (погибших воинов). / И светлеет река. / И летят облака / над нами. / Без нас...» [6, с. 38], тот же самый мотив в «210 шагах»: «Последнюю зависть к живым затая, / лежат / ... Там, / где тоскуют перепела, / там, / где почти на весу / лёгкая, / утренняя пчела / пьёт из цветка / росу. / Где клёны / околицу сторожат / у кукушка / пророчит своё... / солдаты лежат, / изнутри, / согревая / её...» [6, с. 150-151].

Тематика главы «Имена» схожа и с 4 главой поэмы «Письмо в ХХХ век» (1963) Р.Рождественского, где поколение людей ХХ века становится первоначалом для будущего поколения ХХХ века: «Мы – / основа. / Фундаменты / ваших плотин» [6, с. 55], в «210 шагах» звучат следующие подобные слова: «Они (отдавшие жизнь) – / фундамент. / Начало начал... / держат они / на своих плечах / эту стену / и эту страну» [6, с. 151].

В тематике поэмы «210 шагов» слышны переклички и с поэмой «Братская ГЭС» Е. Евтушенко. Так рождественское выражение: «Азбука Октября» [6, с. 149] синонимична названию одной из глав поэмы Е. Евтушенко «Азбука Революции» [7, с. 486]. Схожи мотивы и о павших воинах. В «Братской ГЭС» мы читаем: «Лежат, / убитые, / среди / чебреца / и тот, / из Пугачёва, / и тот, / из Ельца, / и тот, / из Барабы ...» [7, с. 488], и как продолжение евтушенковской мысли в поэме «210 шагов» Р.Рождественского звучат слова: «Всех их / не перечтёшь. / Их много. / Куда не взгляни... / Но если бы только здесь! Если бы / только они! / А то – / повсюду!» [6, с. 150].

Закачивается глава афоризмом: «Мы мало живём. / Но живём / не зря!...» [6, с. 152]. Автор доказывает своё умозаключение: жизнь дана человеку не зря, в жизни есть место и для подвига. И как утверждение данной мысли ставится финальная точка-сравнение: «Веет ветер / с Москвы-реки. / Перед лицом / гранитного букваря / караул / чеканит / шаги» [6, с. 152].

В последующей главе «Шаги» [6, с. 146 – 149] чувства тоски пребывания поэта в «центре истории нашей страны» – Красной площади – помогают раскрыть образы-тропы и специфические художественные приёмы, которые характерны для творчества Р.И. Рождественского.

Поэт использует следующие **образы-тропы**: **сравнение**: «Крутые зубцы на кремлёвской стене – будто шлемы / витязей. / И Спасская башня – / правофланговым / в этом строю», «стрелки курантов / сойдутся, / как лезвия ножиц», «как молотом по наковальне. / Хлестко и гулко / вдруг зазвучали / шаги», «Квадратных плечей разворот», «Я глядел в глубину / огромной стены. / Будто в тёмное море / без берегов», «Вбивая в гранит / каблук» [6, с. 146 – 149].

Время, неотступное, как сама жизнь, определяется поэтом с помощью **метафор**, отличающихся лиризмом: «и безвозвратно прожитый мной / час отстригнут. / Прожитый час / жизни моей / Час без названия. / Бывшее время, / в котором осталась / моё «Помоги!...», «Каждый час... / начинается / прямо от Спасских ворот», «И остаток века / над миром / шёл...», «что

соединится должны / время жизни моей / и время / шагов!...» [6, с. 146 – 149].

Используя **гротеск**: «Грохот сердец», «По планете... / двести десять / весомых, / державных шагов!», «огромной стены» и др. поэт выражает значимость шагов военного караула.

Эпитеты-олицетворения раскрывают восторженное состояние души поэта, «соединяющегося» с историческим пространством: «холодной дымкой / плывущей с реки», «знакомых дверей», «опалённого славой (поста караула)», «молчаливого входа», «торжественной дрожью».

Р. Рождественский – поэт-ритор, поэтому в этой главе «Шаги» используется **риторическое обращение**: «Дай, мне / уверенности твоей, / Красная площадь!».

Излюбленный прием поэта-«оттепели» – использование **контраста**: «неожиданной тишины», «грома внезапнейшего»; «перед глазами друзей и врагов», «Грохот сердца. / И высохших губ немота».

С точки зрения рифмы, исследуемая глава «Шаги» отличается богатством данного стихового элемента. Автор использует следующие виды рифм:

1. **Корневая-предударная**: **внезапнейшего – завтрашнего, напрокорчить – площадь, вывези – витязей; названья – наковальне, шёл-оглушён, размножась – ножиц**;

2. **Конечная**: **стою – строю, помоги – шаги, секунд-отстригут, минут-секунд, разворот – ворот, врагов-шагов, жал-подсчитал, сюда-загада, сне – мне, стены – должны, берегов – шагов, немота – поста, дверей – Мавзолей, реки – каблук, штыков – шагов**;

3. **Ассоциативная**: **выслушай-вывези, кремлёвской – шлемы, на башне – домашних, скрупулёзно – курантов, грохот-разворот, прямо-памятные, ответа – остаток**;

4. **Тавтологическая**: «**А тогда в ночи** (стоял – оглушён)» – «**А тогда в ночи** (я ответа ждал)», «**Это я потом / шаги подсчитал... – Это я потом /шаги подсчитал**», «**что-то (заранее) – «что-то (самое)**»; «**время (жизни)- время (шагов)**».

А вторая половина главы организуется с помощью **тавтологической рифмы – рефрена – «шагов»** и «**Двести десять шагов**» (повторяются 4 раза). Это повторы, словно пульс в движении содержания главки.

Следующая глава «Шаги» [6, с. 158–160] написана **ораторским стихом** и отличается патетичностью. «Двести десять шагов» «превращаются» здесь в **образ-символ «Пути»** истории страны. В этой главе присутствует и ещё один **символический образ – «Памяти»**, которая из категории абстрактного понятия превращается в существенное – звучат многочисленные риторические обращения к ней («Память, память / за собою / позови... / ты друзей моих ушедших / оживи, / а друзьям живущим / молодость верни», «Память, Память, / ты же можешь! Ты должна», «Дай мне воли / до конца тебя / нести. / Дай мне силы / ничего не забыть») [6, с. 158-160].

Интонационная особенность содержания главы – разговорная манера изложения поэтического текста. Данная мысль доказывается наличием в повествовании **экспрессивных оборотов речи и интонационных жестов**. Например, стихотворное предложение «Вся история / нашей живучей / Земли – / предисловие / к этим / деуустам десяти!...» по своему значению обладает афористическими оттенками, утверждению авторской идеи хода исторических событий всемирного масштаба. В данном предложении используется и **стилистическая фигура – эллипсис**, с помощью неожиданной паузы увеличивается значение «двухсот десяти шагов». Автор использует неравные стиховые предложения: «Скоро полночь» и «Отражаясь от каменных стен и веков, / эхо памяти / медленно плещет во мне...» и переносы, неупорядоченность пауз и строф: «Я хочу не просто вспомнить / имена. / Я хочу своим друзьям / в глаза взглянуть. / Посмотреть в глаза / и глаз не отвести». **Эмфатические паузы** вносят элемент недосказанности. Автор предлагает читателю самому додумать масштабность исторических событий нашей страны, которую символизируют «двести десять шагов»: «Грохочут шаги в тишине...», «двести десять шагов / непростого пути...», «и большую усталость / последней войны...», «Уставать, / шагать / и снова уставать...».

Следующая глава «Шаги» [6, с. 167–169] – сверхмонументальная. Это Предисловие к главе «Война» – «Парад Памяти», «магическое» действо: Р.Рождественский «призывает» погибших воинов отдать последнюю честь своим прославленным коман-

дoram, имена которых выбиты на Кремлёвской стене. Интонационный строй стиха главы отличается высокой патетичностью ораторской речи. Соответственна и торжественная, возвышенная лексика: «парадных», «парад», «озарённые», «суровый», «тревожно», «скорби», «государственный», «слова команды... парят», «марши», «команда», «Командармы» и др.

Из использованных художественных средств выражения выделяются **символ, аллегория, фантастика**: с помощью символических образов погибших воинов, якобы призванных на предполагаемый Парад Победы, шагающих торжественным маршем по ночной Красной площади и отдающих честь «Командорам / далёких дней, / чашу / выпившие до дна». Р. Рождественский доносит до читателей мысль, что жизнь прославленных командиров, отданная за самое святое – за Родину, во имя Победы – пожертвована не напрасно.

Для достижения монументальности Р. Рождественский также использует расширенные **сравнительные обороты**: «Двести десять / парадных / шагов! / Слово это и впрямь – парад». **Метафоры**: «Небо тёмное / без берегов», «На стене имена горят», «...луной, / продирающейся / сквозь облака...», «(гром) перекачивается под полком!..», «Ветер скорби / хлещет в ушах», «...марши / парят», «(командоры) Застывают / возле камней, там, где выбиты / их имена...» придают торжественность воображаемого действия.

«Революционный романтизм» поэта-шестидесятника выражают **эпитеты и олицетворения**: «парадных шагов», «(парад) Необъявленный, / странный, / ночной!..», «круглой луной», «...в суровой строю – / сведный полк / Неизвестных солдат!..», «В потрясавшей / тишине / государственный / слышан / шаг!», «грустные марши, «далёких дней», «бесшабашные трубащи», «Невесомые / руки их – / у невидимых / козырьков».

Масштабность присутствия воинов-защитников выражается с помощью **метонимии**: «Все / пришли в эту ночь / сюда / отовсюду, / где шла война: / с ноздреватого / неевского льда, / из-под Бреста / и Бородин! / С Даугавы, / с Дона, / С Днепра», «Снова чуют / цокот / подков...» и **контраста**: «И безмолвным громом / «ура-а!».

Экспрессивное выражение: «(командоры) чашу / выпившие до дна» видится нам как неизбежность судьбы выдающихся командиров-предводителей – погибнуть, отдать свою жизнь Родине.

В следующей главе «Шаги» «Двести десять шагов» выступают уже **символами Памяти и Славы**. Глава начинается и заканчивается **афоризмом-зачином и афоризмом-выводом**: «Для сердца / любая окраина – / близко» и «Есть память, / которой не будет забвенья. / И слава, / которой не будет конца».

Символичны образы Обелиска, Спасской башни, Пятиконечной Звезды доносятся до читателя с помощью расширенных сравнительных оборотов: «Но в каждом селенье / сто-

ят / обелиски, / похожие чем-то / на башни / Кремля... / Стоят обелиски / над памятью вечной, / над вдовьей тоской / с такой же звездой / пятиконечной, / с такой же / спокойной и светлой / звездой, / с такой же, которая так же алеет, / которую так же / боятся враги...» [6, с. 184].

В содержании главы происходит иллюзия **исчезновения пространства**, автор как бы из космоса обозревает нашу землю. Точка отсчета, концентрации – Красная площадь и расстояние в 210 шагов: «Я вижу: / под гроздьями облаков, / летящих над миром, / до каждой / могилы / от Спасских ворот – / двести десять шагов! / До каждой!» [6, с. 184].

Таким образом, жанровая система поэмы «Двести десять шагов» сложная (повествования, философские размышления, диалогическая и монологическая речь, беседы, фантастические сюжеты и др.); центральная идея произведения решается на контрастном материале связывающимися между собой при помощи главок «Шаги» (субъективизм – патриотизм, «революционная романтика» – исторические события, «жизнь и смерть»). Автор поэмы (он же и лирический герой) поднимает актуальные, сложные вопросы современной поэту действительности.

В поэме осваивается форма монолога, диалога, беседы, разговора, спора, где она имеет функцию временного и смыслового скрепления исторических и современных событий: в главах – «Имена», «Шаги» автору удалось раскрыть волнующие его темы: преклонение перед подвигами героев Отечества, чьи имена выбиты на Кремлёвской стене, философско-этические вопросы о смысле жизни, в котором есть место для подвига.

Сама личность автора является структурно-сюжетным фактором в поэме и содержание лирического сюжета можно определить как философско-ассоциативное.

Поэма «Двести десять шагов» отличается многообразием в использовании **художественных приёмов** выражения поэтического слога:

1. Образы-тропы – метафоры, сравнения, сравнительные обороты, эпитеты-олицетворения, метонимия, символ; 2. Афоризм; 3. Рефрен; 4. Контраст; 5. Стилизованные фигуры – перечисление, градация и др.; 6. Риторические фигуры – риторические обращения, риторические восклицания, риторические вопросы; 7. Стилизованные приемы – клятвы, молитвы, самовнушения, риторичность и др.; 8. Поэтический синтаксис – интонационные паузы, эмфатические паузы, эллипсис, инверсия; 9. Рифма – корневая-предударная, конечная, внутренняя, ассоциативная, тавтологическая и др.

Таким образом, Р.И. Рождественским была создана новая модификация лирико-публицистической поэмы в результате сочетания лиризма – патетики, сомнения – восторженности, монументальности – «революционного романтизма» – патриотизма, риторичности – искренности, острой субъективности – отстранённой объективности.

Библиографический список

1. Мальгин, А.В. Беседы о поэме (Интервью критика с Е. Евтушенко. Р. Рождественским. Л. Озеровым, Е. Исаевым, И. Шкляровским, А. Вознесенским). – М., 1990.
2. Мальгин, А. Р. Рождественский. Очерк творчества. – М., 1990.
3. Жегис, В. Что-то нужно досказать: беседа с Р. Рождественским // Литературная газета. – 1980. – 2 мая.
4. Рождественский, Р. Шаги истории: за строкой поэмы // Литературная газета. – 1978. – 20 декабря.
5. Прищепа, В.П. Шестидесятичество: споры, суждения, оценки // Гуманитарные науки в Сибири. Российская академия наук. Сибирское отделение. – 2000. – № 2. – Сер. Филология.
6. Рождественский, Р.И. Семь поэм. – М., 1982.
7. Евтушенко, Е. Собрание сочинений: в 3 т. / предисл. Е. Сидорова. – М., 1983. – Т. 1. Стихотворения и поэмы. 1952 – 1964.

Bibliography

1. Maljgin, A.V. Besedih o poehme (Intervju kritika s E. Evtushenko. R. Rozhdestvenskim. L. Ozerovim, E. Isaevim, I. Shklyarovskim, A. Voznesenskim). – M., 1990.
2. Maljgin, A. R. Rozhdestvenskiy. Ocherk tvorchestva. – M., 1990.
3. Zhegis, V. Chto-to nuzhno doskazatj: beseda s R. Rozhdestvenskim // Literaturnaya gazeta. – 1980. – 2 maya.
4. Rozhdestvenskiy, R. Shagi istorii: za strokoy poehmih // Literaturnaya gazeta. – 1978. – 20 dekabrya.
5. Prithpa, V.P. Shestidesyatichestvo: sporih, suzheniya, ocenki // Gumanitarniye nauki v Sibiri. Rossiyskaya akademiya nauk. Sibirskoe otdeleniye. – 2000. – № 2. – Ser. Filologiya.
6. Rozhdestvenskiy, R.I. Semj poehm. – M., 1982.
7. Evtushenko, E. Sbranie sochinenij: v 3 t. / predisl. E. Sidorova. – M., 1983. – T. 1. Stikhotvoreniya i poehmih. 1952 – 1964.

Статья поступила в редакцию 01.04.14

УДК 81.1: 81.246.2

Timoshenko Ye.I. THEORETICAL ANALYSIS OF APPROACHES TO THE BILINGUALISM CLASSIFICATION IN THE SCOPE OF CROSS-CULTURAL INTERACTION. This article discusses different approaches to the classification of bilingualism from the multiple points of view in the field of bilinguals' cross-cultural interaction.

Key words: bilingualism, bilingualism types, bilingualism classification, bilingual, language, cross-cultural interaction.

*Е.И. Тимошенко, аспирант, Северо-Кавказский Федеральный Университет, г. Ставрополь,
E-mail: Masbueno1@yandex.ru*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К ТИПОЛОГИЗАЦИИ ДВУЯЗЫЧИЯ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В статье рассматриваются подходы к классификации билингвизма по различным основаниям в рамках межкультурного взаимодействия билингвов.

Ключевые слова: билингвизм, типы билингвизма, классификация билингвизма, билингв, язык, межкультурное взаимодействие.

Билингвизм как сложное социально-лингвистическое явление имеет множество типов и разновидностей выделенных по различным основаниям. Билингвальная личность поражает множеством параметров и точек зрения с которых ее можно исследовать. Наиболее подробную и, в целом, исчерпывающую на сегодняшний день классификацию типов билингвизма проводит М.М. Михайлов. В основу выделения типов двуязычия им положены следующие параметры: 1) характер компонентов двуязычия; 2) степень владения им; 3) характер связи двуязычия с мышлением; 4) степень распространенности; 5) метод распространения; 6) характер распространенности; 7) время владения; 8) способ владения и 9) форма функционирования двуязычия [1, с. 6].

Попытку разработать всеобъемлющую классификацию типов билингвизма предпринял Н. Baetens Beardsmore, который выделил более 30 типов билингвизма, а именно: приобретенный, сопутствующий, прогрессирующий, приписываемый, асимметричный, и другие [2].

С. Манина предлагает рассматривать билингвизм с точки зрения его распространенности в обществе и характера возникновения. Так, существует массовый и индивидуальный билингвизм, каждый из которых может быть, в свою очередь, естественным или приобретенным [3, с. 82-85]. Бертагаев Т.А. выделяет индивидуальный, групповой, массовый и сплошной билингвизм в зависимости от степени охвата людей, владеющих родным и иностранным языками [4, с. 82-88]. В.Д. Бондалетов предлагает различать индивидуальный билингвизм как знание двух языков отдельными членами социума и массовый билингвизм как знание двух языков большим контингентом говорящих [5, с. 83].

Сьюзен Эрвин-Трипп, предложила свою модель двух типов двуязычия. По ее модели, выделяется совмещенное и соотносительное, или координативное двуязычие. В первом случае носитель языка смешивает элементы двух языков, а во втором случае производство текстов на каждом из языков происходит самостоятельно, их содержание лишь координировано, соотносимо на двух языках [6]. При этом две системы языков у билингва находятся во взаимодействии.

Среди типов билингвизма по характеру связи языка с мышлением традиционно выделяют чистый и смешанный. Так, Л.В. Щерба говорит: «...Всякое изучение второго языка ведет к двуязычию, которое бывает двух типов – чистое и смешанное. Чистым оно бывает, когда между языками не устанавливается никаких параллелей, когда перевод с одного языка на другой в сущности невозможен. Двуязычие будет смешанным в тех случаях, когда второй язык усваивается через первый» [7, с. 6–8]. С позиции разграничения чистого и смешанного билингвизма к рассмотрению данного понятия подходит также и У. Вайнрайх. При смешанном билингвизме, который противопоставлен чистому, языки свободно заменяют друг друга, а между двумя речевыми механизмами, относящимися к порождению разноязычной речи, возникает связь [8].

Также в данном аспекте можно выделить комбинированный и соотносительный типы билингвизма. Разграничение этих типов билингвизма основано на характере совмещения в сознании

билингва двух лингвистических систем, относящихся к двум разным языкам. В своих работах академик Л.В. Щерба отождествлял комбинированный тип билингвизма с чистым двуязычием (по материалам [9, с. 43]).

Для характеристики комбинированного и соотносительного типов билингвизма можно встретить употребление другой пары терминов – координативное и субординативное двуязычие. Координативный билингвизм, в ситуации которого, по мнению Верещагина, существуют параллельные группы концептуально-словесных пар, а информация, приобретенная на одном языке, доступна в другом языке только посредством перевода. Субординативный билингвизм, при котором система второго языка выстраивается на основе первого, увязанного с существующей концептуальной структурой [10, с. 1973]. Аналогичные идеи были выдвинуты также У. Вайнрайхом, который предложил классификацию двуязычия по трем типам, основанную на том, как усваиваются языки: составной билингвизм, когда для каждого понятия есть два способа реализации, координативный, когда каждая реализация связана со своей отдельной системой понятий, и субординативный, когда система второго языка полностью выстроена на системе первого [11, с. 25-60]. Протасова Е.Ю. критикует выше названную классификацию и говорит о том, что это различение типов двуязычия отражает лишь тип изучения второго языка и отражает вариант нейрофизиологической реализации. Она также отмечает, что в последнее время стали различать билингвизм элитарный и билингвизм слоев населения с низким социально-экономическим статусом [12].

А.А. Залевская и И.Л. Медведева различают понятия естественного (бытового) и искусственного (учебного) двуязычия. При естественном билингвизме подразумевается, что второй язык «схватывается» с помощью окружения и благодаря обильной речевой практике без осознания языковых явлений как таковых, а при искусственном иностранный язык «выучивается» при посредстве волевых усилий и с использованием специальных методов и приемов [13, с. 7].

Билингвизм различается по времени овладения вторым языком. К примеру, Ж.Ф. Хамерс и М. Бланк выделяют ранний или синхронный (когда оба языка являются родными), последовательный (второй язык усвоен в возрасте до 10 лет), подростковый и взрослый билингвизм [14, с. 27].

Проблемы детского билингвизма широко освещены в работах Г.Н. Чиршевой. Она определяет детский билингвизм как овладение ребенком двумя языками в такой степени, которая обеспечивает успешность коммуникации [15].

По коммуникативной активности Е.М. Верещагин выделил три типа билингвизма – продуктивный, репродуктивный и рецептивный. Продуктивный билингвизм – способность индивидуума воспроизводить полноценную коммуникативную активность, т.е. воспринимать и воспроизводить речь на двух языках равноценно. Репродуктивный билингвизм – способность не только понимать два языка, но и говорить на них. Рецептивный билингвизм проявляется в способности человека к восприятию и пониманию двух языков.

По форме функционирования билингвизма различаются типы: 1) устный, 2) письменный, 3) двуединный. Билингв может пользоваться активно обоими языками. Однако существует особый вид билингвизма – пассивный, или рецептивный, т.е. билингв владеет языком на уровне понимания, но сам его порождать не может. Продуктом пассивного билингвизма может быть двусторонний пассивный билингвизм, который называется дуалингвизмом: каждый из участников коммуникации говорит на своем языке, но понимает язык другого [16]. Существует также дифференциация билингвизма по способу связи речи на каждом из языков с мышлением. Эту классификацию предложил В.Б. Беляев, который считает, что язык «выражает мысль» и является «действительностью мысли». Владение вторым языком представляет собой «бессознательно-интуитивное практическое владение». Этот тип билингвизма именуется непосредственным билингвизмом. Выделяется также опосредствованный билингвизм, при котором второй язык рассматривается как кодовая система для обозначения выразительных возможностей первичного языка [17]. Л.В. Щерба отмечает «нужно остановиться на том факте, что знание языка может быть сознательным и бессознательным. На родном языке мы говорим обыкновенно совершенно бессознательно. Однако уже когда мы употребляем собственный литературный язык, мы вынуждены думать об

этом орудии, выбирая наиболее подходящие слова и обороты для выражения наших мыслей. Когда же мы обучаемся этому литературному языку, то сознательность совершенно необходима...» [18, с. 313].

М.М. Михайлов в то же время выделял близкородственное и неблизкородственное двуязычие. Близкородственное двуязычие предполагает владение двумя языками, относящимися к одной языковой семье, что приводит к развитию смешанной речи и высокой степени интерференции. При неблизкородственном двуязычии такой ситуации, как правило, не наблюдается.

Проанализировав выше изложенные данные можно сделать вывод, что некоторые типы билингвизма по различным классификациям могут пересекаться. Например, «чистый» тип Л.В. Щербы близок по определению к «естественному» типу А.А. Залевской и И.Л. Медведевой, «совмещенный» тип С. Эрвин-Трипп может быть аналогичен «составному» типу У. Вайнрайха, продуктивный и рецептивный типы Е.М. Верещагина могут соотноситься с активным и пассивным В.И. Беликова и Л.П. Крысина. Тем самым рассмотрение билингва с какой-либо одной точки зрения не может быть полным. Чтобы определить особенности конкретной билингвальной языковой личности необходимо обращение к различным подходам.

Библиографический список

1. Михайлов, М.М. О разновидности двуязычия // Двуязычие и контрастная грамматика: сборник научных трудов. – Чебоксары, 1987.
2. Hugo Baetens Beardsmore Bilingualism: Basic Principles Multilingual Matters 1, -2nd ed., Multilingual Matters Ltd., 1986. 205 p.
3. Манина, С.И. Билингвизм в межкультурном пространстве // Культурная жизнь Юга России. – 2007. – № 6.
4. Бертагаев, Т.А. Билингвизм и его разновидности в системе употребления // Проблемы двуязычия и многоязычия. – М., 1972.
5. Бондалетов, В.Д. Социальная лингвистика. – М., 1987.
6. Эрвин-Трипп, С.М. Язык. Тема. Слушатель. Анализ взаимодействия. // Новое в лингвистике. – М., 1975. – Вып. VII. Социолингвистика.
7. Щерба, Л.В. Очередные проблемы языковедения // Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. – Л., 1958.
8. Вайнрайх, У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования. – Благовещенск, 2000.
9. Михайлов, М.М. Двуязычие (принципы и проблемы). – Чебоксары, 1969.
10. Верещагин, Г.М. Психологическая и методологическая характеристика двуязычия (билингвизма). – М., 1973.
11. Вайнрайх, У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. – М., 1972. – Вып. 6. Языковые контакты.
12. Протасова, Е.Ю. Дети и языки. – М., 1998.
13. Залевская, А.А. Психолингвистические проблемы учебного двуязычия: учеб. пособие / А.А. Залевская, И.Л. Медведева. – Тверь, 2002.
14. Hamers, J.F., Blanc M. Bilingualité et bilinguisme. Belgique. Bruxelles, 1983. 498 p.
15. Чиршева, Г.Н. Моноэтнический детский билингвизм // Филологический класс. – 2013. – № 2(32).
16. Беликов, В.И. Социолингвистика / В.И. Беликов, Л.П. Крысин. – М., 2001.
17. Беляев, В.Б. Очерки по психологии обучения иностранным языкам. – М., 1965.
18. Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – М., 1974.

Bibliography

1. Mikhaylov, M.M. O raznovidnostyakh dvuyazichiya // Dvuyazichie i kontrastivnaya grammatika: sbornik nauchnykh trudov. – Cheboksari, 1987.
2. Hugo Baetens Beardsmore Bilingualism: Basic Principles Multilingual Matters 1, -2nd ed., Multilingual Matters Ltd., 1986. 205 p.
3. Manina, S.I. Bilingvizm v mezhkul'turnom prostranstve // Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii. – 2007. – № 6.
4. Bertagaev, T.A. Bilingvizm i ego raznovidnosti v sisteme upotrebleniya // Problemih dvuyazichiya i mnogoyazichiya. – M., 1972.
5. Bondaletov, V.D. Social'naya lingvistika. – M., 1987.
6. Ehrvin-Tripp, S.M. Yazikh. Tema. Slushatel'. Analiz vzaimodeystviya. // Novoe v lingvistike. – M., 1975. – Vihp. VII. Sociolingvistika.
7. Therba, L.V. Ocheredniye problemih yazhkovedeniya // Therba L.V. Izbranniye rabotih po yazhkovoznaniyu i fonetike. – L., 1958.
8. Vaynraykh, U. Yazhkovoye kontaktih: sostoyaniye i problemih issledovaniya. – Blagovethensk, 2000.
9. Mikhaylov, M.M. Dvuyazichie (principih i problemih). – Cheboksari, 1969.
10. Verethagin, G.M. Psikhologicheskaya i metodologicheskaya kharakteristika dvuyazichiya (bilingvizma). – M., 1973.
11. Vaynraykh, U. Odnoyazichie i mnogoyazichie // Novoe v lingvistike. – M., 1972. – Vihp. 6. Yazhkovoye kontaktih.
12. Protasova, E.Yu. Deti i yazhki. – M., 1998.
13. Zalevskaya, A.A. Psikholingvisticheskiye problemih uchebnogo dvuyazichiya: ucheb. posobie / A.A. Zalevskaya, I.L. Medvedeva. – Tverj, 2002.
14. Hamers, J.F., Blanc M. Bilingualite et bilinguisme. Belgique. Bruxelles, 1983. 498 p.
15. Chirsheva, G.N. Monoehtnicheskij detskiy bilingvizm // Filologicheskij klass. – 2013. – № 2(32).
16. Belikov, V.I. Sociolingvistika / V.I. Belikov, L.P. Krihsin. – M., 2001.
17. Belyaev, V.B. Ocherki po psikhologii obucheniya inostrannim yazhkom. – M., 1965.
18. Therba, L.V. Yazhkovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'. – M., 1974.

Статья поступила в редакцию 02.04.14

УДК 820

Zhatkin D.N., Ryabova A.A. G.M. KOZINTSEV TALKING ABOUT CHRISTOPHER MARLOWE: IN THE SEARCH FOR A DRAMA CHARACTER. The article presents considerations about Ch. Marlowe, who talks on the work of G. M. Kozintsev, a director, who is famous for staging and screening Shakespeare's plays. Following the views of many Russian researchers, Kozintsev presented the English dramatist and poet of the XVI century as a person of "the dawn" of the capitalism, when romantics had not been changed by pragmatism yet. He points out that Marlowe's characters gain features of superpeople due to their indomitable will, feelings, wishes and passions. The director marks Barabbas out of all other Marlowe's characters and characterizes him as a complex personality, to whom the author was very sympathetic.

Key words: G.M. Kozintsev, Ch. Marlowe, drama, Russian-English literary relations, reception, intercultural communication.

Д.Н. Жаткин, д-р филол. наук, проф., зав. каф. перевода и переводоведения Пензенского гос. технологического университета, г. Пенза, E-mail: ivb40@yandex.ru; **А.А. Рябова**, канд. филол. наук, доц. каф. перевода и переводоведения Пензенского гос. технологического университета, г. Пенза, E-mail: asnowflake@yandex.ru

Г.М. КОЗИНЦЕВ О КРИСТОФЕРЕ МАРЛО: В ПОИСКАХ ДРАМАТИЧЕСКОГО ГЕРОЯ*

В статье представлены размышления о К. Марло режиссера Г.М. Козинцева, прославившегося постановками пьес Шекспира в театре и их экранизациями в кино. Г.М. Козинцев, вслед за многими отечественными исследователями, проводил мысль об английском драматурге и поэте XVI в. К. Марло как человеке периода «зари» капитализма, когда романтика еще не сменилась прагматизмом. Он указывал, что герои К. Марло, благодаря неукротимой воле, чувствам, желаниям и страстям, обретают черты сверхлюдей. Режиссер выделял из марловских героев Варавву из пьесы «Мальтийский еврей» и характеризовал его как многоплановую личность, пользовавшуюся симпатией автора.

Ключевые слова: Г.М. Козинцев, К. Марло, драматургия, русско-английские литературные связи, рецепция, межкультурная коммуникация.

Режиссер Г.М. Козинцев, прославившийся постановками пьес Шекспира в театре и их экранизациями в кино, оставил интересные наблюдения о Марло и его творчестве в цикле публицистических заметок «Отелло» [1, с. 147 – 174], опубликованном в «Шекспировском сборнике» 1947 г., выпущенном Всесоюзным театральным обществом. Он воспринимал творчество Марло как своеобразный символ «буйной молодости» новой исторической эпохи, того времени, когда люди могли себе позволить давать «слишком много воли своему уму»: «Языческий восторг перед возможностями человека сменялся интересом к ценам на мировом рынке. Человека начали мерить количеством принадлежащих ему голов скота, штук сукна, десятин земли. <...> Кончался век поэзии. Наступал век прозы» [1, с. 152]. Именно поэтому гибель Марло закономерна и своевременна, он не должен был пережить тот срок, что был отведен для «молодости» века, для «богохульного пира на могиле средневековья»: «Герой Возрождения должен был погибнуть в этом веке. Он был последним поэтом, пытающимся продолжать жить в мире прозы» [1, с. 152].

В качестве главных добродетелей марловских героев Г.М. Козинцев называл «изобилие чувств и неукротимость мыслей», в качестве основных черт, определяющих их величие, – «буйство желаний и неистовство их удовлетворения», «страсть, превышающую действительность, и волю, не знающую преград» [1, с. 151]. Г.М. Козинцев так характеризовал титанизм трагических героев Марло на примере Тамерлана: «Он появлялся перед потрясенной толпой, громяхая богохульными проклятиями, по мановению его руки сжигали города, лились реки крови, рушились царства, и он, новый языческий бог, вызывал на поединок смерть» [1, с. 151]. Каждый поступок Тамерлана выдавал в нем сверхчеловека, который ничего не боится и которого не способны остановить никакие преграды и трудности: «Пленные цари, напряженные в колесницу, везли его по объятых пламенем земле. Когда умерла его возлюбленная, он хотел прорубить мечом землю и прыгнуть в преисподнюю. Он велит насыпать валы выше облаков, поставить на них пушки и стрелять по сияющему дворцу солнца» [1, с. 161]. Таков же и Фауст, для которого не существует ни границ дозволенного, ни морально-этических норм, ни «потолка достигаемого», поскольку «все может завоевать человек», «все принадлежит его неукротимой смелости» [1, с. 151].

В датированной 27 ноября 1943 г. режиссерской экспозиции спектакля Академического театра драмы им. А.С. Пушкина по пьесе Шекспира «Отелло», текст которой увидел свет в 1982 г., Г.М. Козинцев характеризовал нового возрожденческого героя «с неистовством чувств, с буйством плоти», не знающего преград в осуществлении своих желаний, и акцентировал, что «новый герой появился впервые у Марло» [2, с. 452], – это был его Тамерлан, запрягавший в колесницу царей.

В рабочих тетрадях, которые Г.М. Козинцев вел в 1940–1973 гг., сохранилась интересная запись от 27 апреля 1955 г., сделанная под впечатлением от «Мальтийского еврея» Марло, представившего образы двух «злодеев» – Вараввы и его слуги: «Если слуга насковзь условен и отрицателен, то в Варавве уже

вся новая поэтика. Слуга – театральная фигура злодея. <...> Варавва – целиком поэзия» [3, с. 212]. Отмечая, что Варавва «не более корыстолюбив, чем Яго – честолюбив», Г.М. Козинцев усматривал основу его поступков не в стремлении к достижению практической цели, а в отрицании, пафосном и прекрасном нарушении «всех человеческих и божеских законов» [3, с. 212], приводившем к своеобразному «переходу через черту» [3, с. 213], действию по принципу *один против всех*. Причем страсть Вараввы к «всеобладающему богатству» ставится в один ряд со стремлением Тамерлана к власти, а Фауста – к знаниям, не соотносясь «с обычной в этом типе скупостью» [3, с. 213]. Золото необходимо Варавве лишь как возможность осуществления иного стремления – «к нарушению законов и морали» [3, с. 213]. Акцентировка еврейской национальности Вараввы необходима, по мнению Г.М. Козинцева, «вовсе не для психологических или социальных мыслей, но для отрешенности героя от недвижимой социальной системы – это герой-одиночка, всем своим положением стоящий вне общества» [3, с. 213]. В отличие от «Тимона Афинского» Шекспира, золото в «Мальтийском еврее» становится не проклятием, а кумиром – «возможностью борьбы с системой», обнаружения «выхода из обреченности в этой системы» [3, с. 213], наконец, преодоления божественного предопределения: «Ни на любовь к дочери, ни на ненависть к христианам не потрачено ни малейшего поэтического усилия. Только на золото и власть» [3, с. 213].

В заметках «О С.М. Эйзенштейне», впервые опубликованных в 1980 г. в журнале «Искусство кино» Г.М. Козинцев отмечал, что подлинное величие Марло обуславливается «вовсе не изобретением пиястопного нерифмованного ямба, а утверждением новой идеи, нового героя» [4, с. 412].

Марло неоднократно упомянут и в одной из наиболее известных книг Г.М. Козинцева – «Наш современник Вильям Шекспир», работа над которой активно велась на рубеже 1950–1960-х гг. Г.М. Козинцев называл Марло «сыном лондонского подмастерья» [5, с. 194], со смертью которого «кончилась эпоха людей, дававших слишком много воли своему уму» [5, с. 342], осмысливал шекспировского Ричарда III, обладавшего «великой силой отрицания», как «политического деятеля стиля героев Марло», отличавшегося макиавеллизмом убеждений и представленного «в масштабе исторических явлений» [5, с. 272; близкие трактовки в работах предшественников см.: 6, с. 226–234; 7, с. 79–87].

В современном искусствоведении пристальный интерес Г.М. Козинцева к марловскому творчеству объясняется «постоянным учетом диалектических взаимодействий жизненного и художественного процесса», в котором «ренессансный максимализм и богохулие» Марло предшествовали созданию наиболее притягательных для русского режиссера шекспировских образов – Гамлета, Отелло, короля Лира, отображавших «муки тяжких переживаний, страданий, поражающих мир чувства и мысли, взрывавших понятия чести, долга и совести, дружеские и семейные связи», открывая миру не только личные несчастья, но и «трагедию ренессансного гуманизма» (А.В. Караганов) [8, с. 155].

Как видим, Г.М. Козинцев, вслед за многими отечественными исследователями, проводил мысль о Марло как человеке периода «зари» капитализма, когда романтика еще не сменялась расчетом и прагматизмом. Его герои, благодаря неукротимой воле, чувствам, желаниям и страстям, обретают черты сверхлюдей, которым подвластно все вокруг и которые способны вершить судьбы вселенной («...стоит захотеть – можно поднять руку и сорвать звезду с неба» [1, с. 152]). Выделяя Варавву из общего числа марловских героев, Г.М. Козинцев характеризу-

вал его как многоплановую личность, героя-одиночку, пользовавшегося несомненной симпатией самого автора в виду ориентированности на борьбу с устоями, необходимость преодоления их закостенелого влияния.

** Статья подготовлена в рамках реализации проекта по гранту Президента РФ МД-2112.2013.6 «Текстология и поэтика русского художественного перевода XIX – начала XXI века: рецепция поэзии английского романтизма в синхронии и диахронии».*

Библиографический список

1. Козинцев, Г.М. «Отелло» // Шекспировский сборник. 1947 / Редколл. Г.Н. Бояджиев, М.Б. Загорский, М.М. Морозов. – М., 1947.
2. Козинцев, Г.М. Режиссерская экспозиция спектакля «Отелло» (1943) // Г.М. Козинцев. Собрание сочинений: в 5 т. – Л., 1982. – Т. 1. Глубокий экран. О своей работе в кино и театре.
3. Козинцев, Г.М. «Тут начинается уже не хронология, но эпоха...»: [Из рабочих тетрадей] // Г.М. Козинцев. Время трагедий. – М., 2004.
4. Козинцев, Г.М. О С.М. Эйзенштейне // Г.М. Козинцев. Собрание сочинений: в 5 т. – Л., 1983. – Т. 2. Критико-публицистические статьи и выступления. Заметки об искусстве и людях искусства.
5. Козинцев, Г.М. Наш современник Вильям Шекспир // Г.М. Козинцев. Собрание сочинений: в 5 т. – Л., 1983. – Т. 2. О режиссуре. О комическом, эксцентрическом и гротескном искусстве. Наш современник Вильям Шекспир.
6. Жаткин, Д.Н. Восприятие творчества Кристофера Марло в России на рубеже XIX – XX вв. (К.Д. Бальмонт, М.А. Волошин, С.С. Розанов, В.К. Мюллер) / Д.Н. Жаткин, А.А. Рябова // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2013. – № 3(41).
7. Жаткин, Д.Н. Творчество Кристофера Марло в литературоведческих трудах Н.И. Стороженко / Д.Н. Жаткин, А.А. Рябова // Гуманитарные исследования. – 2013. – № 4(48).
8. Караганов, А.В. Григорий Козинцев: От «Царя Максимилиана» до «Короля Лира». – М., 2003.

Bibliography

1. Kozincev, G.M. «Otello» // Shkspirovskiy sbornik. 1947 / Redkoll. G.N. Boyadzhiev, M.B. Zagorskiy, M.M. Morozov. – M., 1947.
2. Kozincev, G.M. Rezhisserskaya ehkspozitsiya spektaklya «Otello» (1943) // G.M. Kozincev. Sbranie sochineniy: v 5 t. – L., 1982. – T. 1. Glubokiy ekran. O svoey rabote v kino i teatre.
3. Kozincev, G.M. «Tut nachinaetsya uzhe ne khronologiya, no ehpokha...»: [Iz rabochikh tetradey] // G.M. Kozincev. Vremya tragediy. – M., 2004.
4. Kozincev, G.M. O S.M. Ehyzenshteyne // G.M. Kozincev. Sbranie sochineniy: v 5 t. – L., 1983. – T. 2. Kritiko-publicisticheskie statji i vkhstupleniya. Zametki ob iskusstve i lyudyakh iskusstva.
5. Kozincev, G.M. Nash sovremennik Vilijam Shekspir // G.M. Kozincev. Sbranie sochineniy: v 5 t. – L., 1983. – T. 2. O rezhissure. O komicheskom, ehksentricheskom i grotesknom iskusstve. Nash sovremennik Vilijam Shekspir.
6. Zhatkin, D.N. Vospriyatie tvorchestva Kristofera Marlo v Rossii na rubezhe XIX – XX vv. (K.D. Baljmont, M.A. Voloshin, S.S. Rozanov, V.K. Myuller) / D.N. Zhatkin, A.A. Ryabova // Problemih istorii, filologii, kul'turh. – 2013. – № 3(41).
7. Zhatkin, D.N. Tvorchestvo Kristofera Marlo v literaturovedcheskikh trudakh N.I. Storozhenko / D.N. Zhatkin, A.A. Ryabova // Gumanitarihne issledovaniya. – 2013. – № 4(48).
8. Karaganov, A.V. Grigoriy Kozincev: Ot «Carya Maksimiliana» do «Korolya Lira». – M., 2003.

Статья поступила в редакцию 15.04.14

УДК 811.512.141'36:811.111'36

Krasnikova L.V. CONCERNING LINGUOPOETIC INVESTIGATIONS OF LITERARY TEXTS. The article focuses on the history and the theoretical foundations of linguopoetics as a philological discipline studying the aesthetic impact of texts of verbal art, depending on the role and function of stylistically marked units, which are used in these texts. In this article one also finds a description of the methods of linguopoetic investigations as presented in the works by Russian philologists (V.V. Vinogradov, O.S. Akhmanova, V.Y. Zadornova, A.A. Lipgart and others): 3-level analysis, linguopoetic confrontation, linguopoetics of artistic device, linguopoetics of narrative types of texts.

Key words: linguopoetics, imaginative writing, 3-level analysis, linguopoetic confrontation, linguopoetics of artistic device, linguopoetic stratification, narrative types of texts.

Л.В. Красникова, аспирант каф. английского языкознания Московского гос. университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва, E-mail: Lara.philol@mail.ru

О СПЕЦИФИКЕ ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

В статье рассматривается история лингвопоэтических исследований и основные теоретические положения лингвопоэтики как филологической дисциплины, направленной на изучение эстетического воздействия художественных текстов в связи с ролью и функцией употребленных в них стилистически маркированных языковых единиц. В статье также описываются методы лингвопоэтических исследований (трехуровневый анализ, лингвопоэтика художественного приема, лингвопоэтическая стратификация, лингвопоэтическое сопоставление, лингвопоэтика повествовательных типов текста), представленные в трудах отечественных филологов (В.В. Виноградов, О.С. Ахманова, В.Я. Задорнова, А.А. Липгарт и др.).

Ключевые слова: лингвопоэтика, словесно-художественное творчество, трехуровневый анализ, лингвопоэтическое сопоставление, лингвопоэтика художественного приёма, лингвопоэтическая стратификация, повествовательные типы текстов.

Цель настоящего исследования заключается в описании сущности лингвопоэтики, основных этапов развития этой филологической дисциплины и ее современного состояния.

Лингвопоэтическое исследование художественного текста направлено на выявление сравнительной значимости и функций стилистически маркированных языковых единиц в переда-

че идейно-художественного содержания текста и создании эстетического эффекта [1, с. 18-19].

Лингвопоэтика по сути своей является междисциплинарным направлением исследований, осуществляющим анализ произведений словесно-художественного творчества и применяющим при этом свой собственный специфический понятийный аппарат, который не совпадает с понятиями и категориями смежных филологических дисциплин.

Лингвопоэтика отличается от литературоведения тем, что последнее сосредотачивается преимущественно на содержательных и композиционных особенностях художественных произведений и в значительно меньшей мере рассматривает собственно языковые характеристики текста. Лингвопоэтика занимается рассмотрением всех обозначенных сторон, обращая внимание, в первую очередь, на языковые характеристики текстов, но не замыкаясь исключительно на них.

Отличие лингвопоэтики от стилистики определяется тем, что стилистическое исследование в основном направлено на создание перечня стилистических приемов, которые могут потенциально использоваться в любых текстах, не только в произведениях словесно-художественного творчества, и на последующее выявление данных характеристик в том или ином тексте. Стилистическое исследование в конечном итоге ограничивается либо констатацией противопоставления языковых единиц по наличию или отсутствию у них ингерентных коннотаций, либо изучением их употребления в речи, когда потенциально нейтральная единица становится адгерентно коннотативной; такого рода исследование в любом случае будет сводиться к воссозданию списка тропов и фигур речи, известных еще со времен античности. Лингвопоэтика, безусловно, учитывает данные стилистического анализа, однако в рамках лингвопоэтического исследования происходит последующая интерпретация этих данных в связи с содержательными особенностями текста, чего стилистический анализ в принципе дать не может.

Лингвопоэтические исследования имеют свои ограничения. Существует мнение, что любое произведение словесно-художественного творчества в принципе может обсуждаться лингвопоэтикой. Здесь наблюдается некоторое смешение двух категорий: собственно лингвопоэтический анализ не тождествен обсуждению эстетической значимости текста, которая создается не только за счет стилистически маркированного употребления языковых единиц, но также с помощью содержательной и композиционной сторон текста. Поэтому художественный текст, практически нейтральный в стилистическом плане, тем не менее, может подлежать обсуждению с точки зрения его эстетики, если его содержание так или иначе касается эстетически значимых моментов или если его композиция не сводится к последовательному описанию некоторых фактов и событий; однако лингвопоэтический анализ текста в данном случае невозможен. При корректном употреблении терминов становится очевидным, что лингвопоэтический анализ возможен и продуктивен только в том случае, когда текст содержит достаточное количество стилистически маркированных единиц. Детективный роман, например, который по эстетической значимости, безусловно, будет бесконечно далек от шекспировского «Гамлета», но который, тем не менее, производит некоторое эстетическое воздействие на читателя, собственно лингвопоэтическому анализу будет подлежать только в том случае, если в нем встречается достаточное количество маркированных единиц. Если же эти единицы отсутствуют, лингвопоэтический разбор такого романа невозможен, в то время как обсуждение эстетических характеристик данного текста все-таки допустимо.

Продуктивность и значимость лингвопоэтического анализа напрямую связаны не только с количеством употребленных стилистически маркированных единиц в тексте, но и с качеством их употребления. Если способы использования языковых единиц в достаточной мере очевидны, лингвопоэтический анализ просто констатирует наличие этих способов и особой сложностью не отличается. Подлинный интерес лингвопоэтическое исследование художественного текста представляет в том случае, если сам текст является достаточно сложным как в содержательном, так и в языковом плане.

Поскольку изначально в основе лингвопоэтического анализа лежало стремление ученых объяснить непосредственное впечатление от конкретного поэтического текста, методы лингвопоэтического исследования начали разрабатываться на материале отдельных поэтических и ярких стилистически марки-

рованных прозаических произведений, конкретных отрывков, а не текстов в целом. В работах ученых кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова О.С. Ахмановой и В.Я. Задорновой был предложен так называемый метод трехуровневого анализа художественных текстов, опиравшийся на восхождение от частного к общему, поскольку было понятно, что общий эстетический эффект литературных произведений обусловлен помимо содержательных и композиционных характеристик употреблением стилистически маркированных языковых единиц; был поставлен вопрос о способах понимания художественного текста и обсуждения его эстетической значимости в связи с конкретными языковыми единицами [2].

Трехуровневый анализ состоит из семантического, метасемантического и метаметасемантического описания художественного произведения. При анализе текста на семантическом уровне обсуждаются значения конкретных слов, потому что без понимания составляющих текст единиц невозможно обсуждение его более сложных коннотативных свойств. Помимо лексики могут обсуждаться определенные факты морфологического или синтаксического уровня, если они обращают на себя внимание и требуют особого комментария. Далее происходит переход к уровню метасемантическому, когда исследователь обсуждает не отдельные единицы, а способы их сочетания в рамках словосочетания и предложений или в рамках целого текста в связи с теми коннотациями, которые влечет за собой употребление этих языковых единиц. В книге «What is the English We Use?» О.С. Ахмановой и Р.Ф. Идзелиса проводилось именно такое описание нескольких стихотворений русских поэтов и была показана сложность обсуждения метасемантических свойств стихотворения Уолтера Де Ла Мара, в котором были употреблены слова, не имеющие смысла в английском языке, изобретенные самим поэтом [3, с. 47-48].

При отсутствии четкого понимания семантического уровня анализ метасемантического уровня возможен, но не приведет к однозначным результатам. Возникающие ассоциативные ряды могут различаться у разных читателей в зависимости от того, как они трактуют смысл не существующих в языке слов, поскольку именно это составляет основу для дальнейшего рассуждения о метасемантических свойствах языковых единиц. Далее в ходе трехуровневого анализа после обсуждения смысла единиц и их коннотативных свойств подводится общий итог и говорится о том, что в целом означает стихотворение, и это является уровнем метаметасемантическим. Общая линия рассуждений понятна, но анализ такого рода просто констатировал непосредственный смысл стихотворения и наличие в нем коннотативных единиц.

Такого рода анализ является словесной расшифровкой смысла коннотативных словосочетаний и не ставит вопроса об эстетической значимости художественного текста. Содержание стихотворения, в котором наличествует метафора, вполне очевидно, непонятно, является ли оно ценным в художественном смысле или, наоборот, будет вызывать у читателя негативные эмоции. Сам факт употребления метафоры и расшифровка смысла метафоры не объясняют реальной роли стилистически маркированных языковых единиц и их функционирования в связи с общей передачей идейно-художественного содержания. Трехуровневый анализ, таким образом, явился первым этапом осознания того, что конкретно составляет специфику художественного текста, что непосредственным содержанием художественный текст не ограничивается, что в нем наличествует коннотативность и что это можно пытаться анализировать в систематическом плане. Однако в силу ограниченности применяемого метода и отсутствия внимания к способам и степени реализации семантических и метасемантических свойств единиц, использованных в том или ином художественном тексте, результат такого анализа оказывается ограниченным.

Следующим методом анализа художественного текста, предложенным в работах О.С. Ахмановой и В.Я. Задорновой, было сопоставление художественного текста и его переводов на другие языки [4; 13]. Вопрос здесь был поставлен достаточно четко: если мы читаем оригинальный художественный текст и испытываем определенные положительные эмоции, которые связаны не только с содержанием, но и с употреблением языковых единиц, а затем, когда мы читаем перевод, мы эти впечатления не испытываем, возможно ли объяснить эту специфику впечатления от оригинального текста через отсутствие этого впечатления от перевода? Далее на семантическом и метасемантическом уровне проводится сплошное сопоставление перевода

и оригинала, рассматриваются все уровни языковой организации от фонетического, акустического, просодического до морфологического, лексического и синтаксического, и после составления списка соответствий и несоответствий делается вывод о том, что, возможно, именно несоответствиями объясняется снижение общего впечатления от переводного текста, в то время как наличие опущенных в переводе языковых единиц в тексте оригинала объясняет его эстетическую значимость.

В этих рассуждениях присутствует определенная логика, но появляется некое стремление к рассмотрению текста с математической точностью, из-за которого, к сожалению, опускаются многие значимые характеристики художественного произведения. Если представить себе применение этого метода в математическом виде, то получается, что оригинальный художественный текст, например, обладает пятью значимыми признаками, стилистически маркированными характеристиками, тогда как в переводе воспроизведены всего три; оригинальный художественный текст производит положительное впечатление, переводной художественный текст не производит положительного впечатления, значит, отсутствие положительного впечатления от перевода объясняется тем, что в оригинале были те две характеристики, которые были опущены в переводе. На самом деле объяснение может быть намного более сложным: при наличии прямых языковых параллелей в переводе и в оригинале перевод может несколько коряво звучать на родном языке читателя просто потому, что переводчиком не соблюдена характерная для языка перевода сочетаемость слов, допущены неаккуратные акустически неблагозвучные сочетания. Таким образом, в перевод вводятся дополнительные характеристики, отсутствующие в оригинале, и даже при прямом соответствии и воспроизведении всех имеющихся в оригинале черт перевод все равно окажется неудачным, а опущенные две из пяти характеристик, на самом деле, могут и не иметь особой значимости, и вовсе не ими будет объясняться эстетическая ценность оригинала.

Такого рода исследование имеет несколько механистическую природу и, к большому сожалению, далеко не всегда объясняет специфику как перевода, так и оригинала. Вместе с тем мы, безусловно, должны отметить значимость данных исследований, потому что в них, по крайней мере, была сформулирована мысль о том, что специфику художественного текста составляет своеобразное сочетание семантически значимых характеристик и метасемантических проявлений свойств языковых единиц. Однако вопрос о том, какие из них являются чисто орнаментальными и могут быть устранены из текста без потери его общей художественной ценности и какие из них являются реально значимыми, в работах О.С. Ахмановой и В.Я. Задорновой не ставился.

Кроме того, в работах ученых кафедры английского языкознания были предложены методы стратификации художественного текста. Идея заключалась в том, что некоторые художественные тексты могут не просто передавать некое содержание, некую тему или совокупность тем с помощью единого списка стилистически маркированных языковых единиц, но в этих произведениях определенным набор языковых единиц будет задействован для передачи определенной темы, в то время как другая тема будет развиваться с помощью другого набора языковых единиц. В принципе это просто констатация языковой специфики текста и потенциальной его языковой сложности, но вместе с тем понятно, что эта конструктивная сложность для внимательного читателя послужит сигналом того, что он должен обратить внимание на смену этих тем, на их языковое и семантически содержательное противопоставление. Это будет свидетельствовать об объективной сложности текста и о попытке его автора каким-то образом привнести разнообразие в текст и сообщить ему дополнительную сложность по сравнению с передачей непосредственного содержания с помощью фиксированного списка языковых единиц.

Практический пример применения этого метода обнаруживается в работах академика В.В. Виноградова, например, когда он рассуждает о специфике организации пушкинской «Пиковой дамы» [5, с. 585-617]. Далее этот же принцип был использован в работе Л.В. Полубиченко, посвященной стратификации «Алисы в Стране Чудес» [6, с. 111-115]. В данной работе Л.В. Полубиченко с большой убедительностью, яркостью и филологическим талантом продемонстрировала специфику этого чрезвычайно популярного произведения английской литературы. Однако в других случаях, например, в работах В.Я. Задорновой [7,

с. 249-260] и Т.Б. Назаровой [8, с. 137-152] – применение метода стратификации уже не было связано с тематическим членением текста в связи с его стилистическим разнообразием и скорее имело чисто содержательную основу или же сосредотачивалось на композиционных особенностях. В результате метод в теоретическом плане ярко и убедительно обоснованный на практике получил ограниченное применение и даже стал использоваться для обозначения разных по своей содержательной специфике линий исследования.

Последним из методов лингвопоэтического исследования, развивавшихся на кафедре английского языкознания в 70-80-ые годы 20 века, был метод, связанный с рассмотрением лингвопоэтики художественного приема. Художественный прием понимался также предельно широко, от достаточно емкой языковой единицы, наподобие метафоры, до целых отрывков, посвященных, например, описанию внешности персонажей. При всем внимании к отдельным наблюдениям применительно к этим работам сложно говорить о формировании какого-либо общего метода в силу разнородности исследуемого материала.

Все перечисленные методы лингвопоэтического анализа, безусловно, являлись плодотворными и нуждались лишь в некоторой систематизации в последовательно лингвистическом плане, что и было сделано в трудах профессора А.А. Липгарта [9; 10; 11]. Начать следовало с уточнения самого определения лингвопоэтики, в котором по сравнению с предыдущими вариантами толкования данного термина подчеркивалась бы языковая составляющая лингвопоэтического анализа. В результате в работах А.А. Липгарта определение лингвопоэтики приобрело следующий вид: «лингвопоэтика – это раздел филологии, в рамках которого стилистически маркированные языковые единицы, используемые в художественном тексте, рассматриваются в связи с вопросом об их функциях и сравнительной значимости для передачи определенного идейно-художественного содержания и создания эстетического эффекта» [11, с. 18-19].

В данном определении делается упор на роль и функцию стилистически маркированных языковых единиц, создание эстетического эффекта. Дело в том, что, в зависимости от смысловой связи стилистически маркированных единиц с общей тематикой текста эти единицы могут выступать в роли простых усилителей (и тогда, если использовать терминологию Пражского лингвистического кружка [12], их речепотребление подвергается «автоматизации»), они могут реализовывать весь спектр своего значения (и тогда их речепотребление можно назвать лингвопоэтически полноценным) или же развивать дополнительные свойства и сообщить тексту метафорический ассоциативный план (такой вариант использования стилистически маркированных единиц приводит к актуализации их потенциальных свойств).

Функции стилистически маркированных языковых единиц соотносятся с их ролью, и для трех перечисленных выше вариантов предлагаются следующие соответствия: для автоматизации – экспрессивная функция, для лингвопоэтически полноценного употребления – гномическая функция, для случаев актуализации – ассоциативная функция.

Предложенный понятийный аппарат позволяет уточнить методы исследования лингвопоэтики художественного приема; кроме того благодаря уточнению онтологии лингвопоэтики оказывается возможным внести большую ясность в сравнительное исследование текстов. В лингвопоэтическом плане сопоставление текстов будет продуктивным, если эти тексты характеризуются тематическим и стилистическим сходством, в противном случае центральный для лингвопоэтики вопрос о связи формы и содержания текста решать невозможно. Материал для сопоставления может быть различным: от самостоятельных художественных текстов, написанных одним или несколькими авторами в один и тот же период («лингвопоэтическое сопоставление в синхронии») или в разные эпохи («лингвопоэтическое сопоставление в диахронии») до сопоставления текстов с их переводами на другие языки, с их адаптациями или с пародиями на них («лингвопоэтическое сопоставление вторичных и первичных текстов»). В этом последнем случае при сопоставлении первичных и вторичных текстов [13] лингвопоэтическому исследованию свойственны некоторые ограничения, и оно дает менее яркие результаты, чем сопоставление самостоятельных текстов.

Уточнение определения лингвопоэтики позволяет более четко сформулировать специфику метода лингвопоэтической стратификации, который для сохранения своих онтологических характеристик должен базироваться на двойном, тематико-сти-

листическом критерии разграничения «стратумов» внутри текста, а не только на констатации различия некоторых частей текста по содержанию.

Лингвопоэтика художественного приема направлена на изучение конкретных стилистически маркированных единиц. Лингвопоэтическое сопоставление, лингвопоэтическая стратификация применяются к исследованию всего художественного текста, и в аналогичном плане используется еще один метод, предложенный в работах А.А. Липгарта и связанный с изучением лингвопоэтики повествовательных типов текста. Известное еще со времен античности противопоставление текстов по их базовой

модальности («описание» / «рассуждение» / «волеизъявление») находит регулярное отражение на языковом уровне (тенденция к снижению коннотативности в первом случае, к использованию сложных метафорических рядов — во втором и к применению ингерентно-коннотативных единиц — в третьем) и изучение данного явления позволяет лучше понять лингвопоэтическую специфику любого текста.

Рассмотренные в настоящей статье теоретические проблемы позволяют понять специфику лингвопоэтического анализа, границы его применения и те результаты, которые может дать такого рода анализ при исследовании художественных текстов.

Библиографический список

1. Липгарт, А.А. Основы лингвопоэтики. — М., 2009.
2. Akhmanova, O. Cross-Cultural Communicational Translation of World Classics / O. Akhmanova, V. Zadornova // Literature in Translation. — New Delhi, 1988.
3. Akhmanova, O. What is the English We Use? (A Course in Practical Stylistics) / O. Akhmanova, R.F. Idzelis. — М., 1978.
4. Задорнова, В.Я. Восприятие и интерпретация художественного текста. — М., 1984.
5. Виноградов, В.В. Стиль Пушкина. — М., 1941.
6. Полубиченко, Л.В. Топология смысла при переводе художественной литературы // Смысл и значение на лексическом и синтаксическом уровнях. — Калининград, 1986.
7. Задорнова, В.Я. Словесно-художественное произведение на разных языках как предмет лингвопоэтического исследования: дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1992.
8. Назарова, Т.Б. Филология и семиотика. Современный английский язык. — М., 1994.
9. Липгарт, А.А. Лингвопоэтическое исследование художественного текста: теория и практика: дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1996.
10. Липгарт, А.А. Методы лингвопоэтического исследования. — М., 1997.
11. Липгарт, А.А. Основы лингвопоэтики. — М., 2009.
12. A Prague School Reader in Linguistics // Compiled by J.Vachek. Bloomington, 1984.
13. Вербицкая, М.В. К обоснованию теории «вторичных текстов» // Филол. науки. — 1989. — № 1.

Bibliography

1. Lipgart, A.A. Osnovih lingvopoehtiki. — М., 2009.
2. Akhmanova, O. Cross-Cultural Communicational Translation of World Classics / O. Akhmanova, V. Zadornova // Literature in Translation. — New Delhi, 1988.
3. Akhmanova, O. What is the English We Use? (A Course in Practical Stylistics) / O. Akhmanova, R.F. Idzelis. — М., 1978.
4. Zadornova, V.Ya. Vospriyatie i interpretaciya khudozhestvennogo teksta. — М., 1984.
5. Vinogradov, V.V. Stil Pushkina. — М., 1941.
6. Polubichenko, L.V. Topologiya smisla pri perevode khudozhestvennoy literatury // Smysl i znachenie na leksicheskom i sintaksicheskom urovnyakh. — Kaliningrad, 1986.
7. Zadornova, V.Ya. Slovesno-khudozhestvennoe proizvedenie na raznykh yazykhakh kak predmet lingvopoehticheskogo issledovaniya: dis. ... d-ra filol. nauk. — М., 1992.
8. Nazarova, T.B. Filologiya i semiotika. Sovremenniy angliyskiy yazikh. — М., 1994.
9. Lipgart, A.A. Lingvopoehticheskoe issledovanie khudozhestvennogo teksta: teoriya i praktika: dis. ... d-ra filol. nauk. — М., 1996.
10. Lipgart, A.A. Metodih lingvopoehticheskogo issledovaniya. — М., 1997.
11. Lipgart, A.A. Osnovih lingvopoehtiki. — М., 2009.
12. A Prague School Reader in Linguistics // Compiled by J.Vachek. Bloomington, 1984.
13. Verbickaya, M.V. K obosnovaniyu teorii «vtorichnykh tekstov» // Filol. nauki. — 1989. — № 1.

Статья поступила в редакцию 29.04.14

УДК 811.161.1

Romanova O.I. METHODS OF SEMANTIZATION OF DIALECTAL LEXEMES IN B. YEKIMOV'S WORKS. The article analyzes dialectal substantives in B. Yekimov's works that are united into one thematic group of *nature*. It also considers direct and indirect methods of semantization of dialectal lexemes.

Key words: linguistic identity, idiosyncrasy, dialect substantives, semantization methods.

О.И. Романова, аспирант каф. русского языка и документалистики Волгоградского гос. университета, г. Волгоград, E-mail: romanova.ola-volsu@yandex.ru

СПОСОБЫ СЕМАНТИЗАЦИИ ДИАЛЕКТНЫХ ЛЕКСЕМ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Б. ЕКИМОВА

В статье анализируются диалектные субстантивы в произведениях Бориса Екимова, объединенные в тематическую группу «Природа». Рассматриваются прямые и опосредованные способы семантизации диалектных лексем.

Ключевые слова: языковая личность, идиостиль, диалектные субстантивы, способы семантизации.

Важной особенностью произведений Б. Екимова является глубокое понимание писателем неразторжимого единства природы и человека. Жизнь екимовских героев оказывается естественным образом вписанной в извечный круговорот природы, изображение которой становится важнейшей частью художественного мира писателя, и это определяет своеобразие его прозы [1, с. 52]. Природа донского края, с которой Б. Екимов прекрасно знаком, находит отражение в лексико-фразеологической системе его произведений через диалектную субстантивную лексику. Диалектные лексемы, описывающие мир природы, ста-

новятся приметой идиостиля Б. Екимова, служат средством выявления приоритетов языковой картины мира и определяют функциональную значимость наименований явлений природы в организации художественного повествования [2]. В текстах Б. Екимова репрезентируются особенности языковой картины мира писателя, в которой гармонично сочетаются черты русской языковой и диалектной личности [3].

В настоящей работе предпринята попытка анализа различных способов семантизации диалектных субстантивов тематической группы «Природа», извлеченных из произведений

Б. Екимова [4; 5; 6]. Весь массив фактов обработан с помощью диалектных лексикографических источников, а также специальных словарей, отражающих лексику донских казачьих говоров [7; 8].

В тематической группе «Природа» нами были выделены следующие тематические подгруппы:

Наименование особенностей ландшафта: *балка* (овраг), *бруны* (песчаные холмы), *вилюжина* (извилины, изгиб), *кучугур* (песчаный бугор), *угор* (возвышенность, холм), *мочажина* (низкое сырое место, иногда болотистое или с родниками), *музга* (небольшое заболоченное озеро, образующееся в пойменных лугах после половодья, разлива реки), *теклина* (мокрая низина, впадина), *изволока* (возвышенность, некрутой подъем, пологий склон) и др.: *Снег да снег... Да по загревкам песчаных кучугуров жесткая ость травы-резанки, желтая на белом снегу* (РД); *Старые дома лежали пониже, поуютней, но-вые козым стадом лезли на угор* (РД).

Наименование метеорологических явлений: *сипуга* (сильный ветер со снегом; выюга, метель), *чичер* (холодная погода с пронизывающим ветром, дождем, мокрым снегом): *— Ты уж нынче, наверное, не ходи. Погода разорилась, не дай бог сипуга подует, залпугаешься* (РД).

Наименование диких животных и птиц, насекомых: *бзык* (овод), *бирюк* (хищное животное волк), *гуркун* (голубь), *клинтух* (дикий голубь): *Зелень садов, крыши среди зеленого половодья, журавцы над колодцами, стаи сизых гуркунов-голубей, столбы и провода* (РД); *Стонали в высоких тополях голуби-клинтухи* (РД).

Наименование домашних животных и птиц: *худоба* (домашний скот), *ягняк* (ягненок), *квохтуха* (курица-наседка), *кочет* (петух): *Овца кричит, и Алевтина шумит, меня зовет, — рассказывал Костя. — И ягняк от них не отстаёт* (РД).

Наименование дикорастущих растений: *дуля* (сорт груши), *дулина* (одно грушевое дерево), *желтяк* (растение с желтыми цветами (желтый имбирь?), *чабер*, *чаберок*, *чумбур* (чабрец, тимьян), *чакан* (рогоз широколистный), *гусиный лук* (растение семейства лилейных), *чистяк* (чистотел): *И потому пекли желудевые лепешки, не гребовали чаканом, терли из корней его муку, ракушек набирали из речки — словом, спасались как могли* (РД); *— Мёдом пахнет, — сказала Аня. — Чаберком, — отозвался Костя. — И мои пчелы на чабере стоят* (РД); *— Вблизи да поодаль вилюжины неглубоких балок с цепучим терном, яблоней-кислицей да дикой дулиной, кореженной да гнутой всеми ветрами* (РД); *— Теперь, в августе, в конце длинного лета, лишь голубой цикорий, желтяк да придорожный осот радовали глаз да цвел в последнюю пору пахучий чабер* (РД).

Наименования культурных растений: *зелец* (огурец, нежный плод): *Николай отыскал пупырчатый зелец, в охотку схрумкал его* (РД).

Привлекая диалектную лексику, Б. Екимов использует различные способы семантизации диалектных субстантивов.

1. Полное толкование значения диалектной лексической единицы: *На коне ли, пешком, в непогоду этот плащ был хорошей подмогой, укрывал от ветра, от дождя, от холодного чичера, когда сыплет осень ледяную морось и снег* (РД); *Тут-товое дерево растёт возле его двора, раскидистое, тенистое. По-нашему, просто тютюна* («Возле дерева»).

2. Актуализация семантического содержания диалектного слова с помощью литературных лексем, составляющих с диалектизмом единую тематическую группу: *— Теперь, в августе, в конце длинного лета, лишь голубой цикорий, желтяк да придорожный осот радовали глаз да цвел в последнюю пору пахучий чабер* (РД); *Вблизи да поодаль вилюжины неглубоких балок с цепучим терном, яблоней-кислицей да дикой дулиной, кореженной да гнутой всеми ветрами* (РД); *Знала она о том, как хорошо сын с невесткою вербами торговали, а еще лучше — лазоревыми цветами, тюльпанами, одобрала и пчел, которых Костя завел, и тех зверьков, какие в клетках жили* (РД); *Сиреневые головки клевера, золотые кисти медуницы и желтоглазый чистяк с оранжевым едким соком...* (РД); *Овца кричит, и Алевтина шумит, меня зовет, — рассказывал Костя. — И ягняк от них не отстаёт* (РД).

3. Семантизация лексемы с помощью литературного слова: *Стонали в высоких тополях голуби-клинтухи* (РД); *А прежде лакомилась тютюной, пасленом-бзником да грушами-«черномьясками»* («Возле дерева»). Рассмотренный способ семантизации применяется писателем также в случае многозначнос-

ти диалектной лексемы. Например, диалектизм *кислица* широко известен в донских говорах в двух значениях: 1. Колючий кустарник с кислыми ягодами, барбарис обыкновенный; 2. Дикая яблоня и ее плод [8]. Б. Екимов семантизирует диалектное *кислица* с помощью литературного слова *яблоня*, поскольку контекст допускает понимание диалектизма *кислица* и как кустарник барбариса: *Вблизи да поодаль вилюжины неглубоких балок с цепучим терном, яблоней-кислицей да дикой дулиной, кореженной да гнутой всеми ветрами* (РД).

Приведенные примеры демонстрируют мастерство писателя, виртуозно владеющего богатствами общенародного языка, его литературным и диалектным вариантами [9]. В некоторых случаях семантика диалектного специально не раскрывается, но смысл контекста от этого не затемняется, поскольку значение диалектных наименований частично восполняется семантикой зависимых или определяющих слов разных частей речи. Ниже рассмотрим такие опосредованные способы семантизации.

4. Указание на действия, совершаемые обычно с предметом, названным диалектным словом, или самим предметом: *С малых лет Маруся и в дому, и на базу была хозяйкой: помыть, постирать, обед сготовить, с худобой управиться, подоить ее да накормить, сено косить, картошку копать, хату мазать — ничем не гребовала* (РД); *Нехай тебя бирюки ложут, старая падала* (Дядя Федор); *И даже суетный петух уронит на плечо отягченную пудовым гребнем голову и задремлет под низкое, протяжное пенье какой-нибудь рано весну почуявшей квохтухи* (РД); *Ты уж нынче, наверное, не ходи. Погода разорилась, не дай бог сипуга подует, залпугаешься* (РД).

5. Актуализация характерного признака, качества, свойства предмета: *— Снег да снег... Да по загревкам песчаных кучугуров жесткая ость травы-резанки, желтая на белом снегу* (РД); *Николай отыскал пупырчатый зелец, в охотку схрумкал его* (РД); *Гудливые земляные пчелы не торопясь ищут сияющие цветы калужницы или звездочки гусиного лука — первый цвет* (ПЛ); *Но в займищном лесу начала пылить черная ольха, зацветает золотистыми звездочками гусиный лук* (Ранний приезд); *Глухой переулоч, невеликая усадьба с домом, летней кухней, высоким тенистым грушевым деревом да разве-систой тютюной со сладкими ягодами* (Человек в шляпе); *Песчаный бурун поднимается невысоко* (ПЛ).

Как показал анализ, Б. Екимов часто при вводе в текст диалектной лексемы использует несколько приемов семантизации одновременно, например:

включение в одну тематическую группу и указание на характерный признак предмета: *придорожный осот ... да пахучий чабер*;

включение в одну тематическую группу и использование литературного слова: *яблоня-кислица да дикая дулина*;

использование литературного слова и указание на признак предмета: *Зелень садов, крыши среди зеленого половодья, журавцы над колодцами, стаи сизых гуркунов-голубей, столбы и провода* (РД). При семантизации лексемы с помощью литературного слова в примерах *голуби-клинтухи*, *яблоня-кислица*, *паслен-бзника* диалектное слово выступает в роли приложения, стоящего после главного слова, являющегося литературным, но место приложения четко не зафиксировано, что подтверждает пример *гуркуны-голуби*, которым диалектное слово является главным, а литературное слово — поясняющим.

Подводя некоторые итоги, отметим, что в произведениях Б. Екимова способ семантизации диалектизма обусловлен стилистическим эффектом от его введения. Глубина семантизации диалектных лексем детерминируется их ролью в тексте и той смысловой нагрузкой, которую они выполняют, являясь единицей номинации, экспрессивно единицей или единицей, выполняющей характерологическую функцию. Глубина семантизации больше у лексических единиц, выполняющих номинативную функцию, меньше — у лексем, выполняющих экспрессивную и характерологическую функции.

Кроме того, установлено, что прямые способы семантизации используются Б. Екимовым, когда диалектизм выполняет номинативную функцию и способствует решению художественных задач, среди которых наиболее важной является локализация описываемой ситуации.

Опосредованные способы семантизации применяются автором при необходимости актуализировать экспрессивный потенциал диалектной лексемы и нейтрализовать при отсутствии содержательной (номинативной) наполненности.

Библиографический список

1. Великанова, И.В. Идеино-эстетические функции и поэтика пейзажа в прозе Б. Екимова // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2006. – Вып. 5. – Сер. 8: Литературоведение. Журналистика.
2. Крюков, Ю.Ю. Субстантивная диалектная лексика в произведениях И.А. Бунина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Орел, 2009.
3. Терентьева, Е.В. Речевой портрет современного носителя донских медведицких говоров Волгоградской области // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2012. – № 2(16). – Сер. 2: Языкознание.
4. Екимов, Б.П. Избранное: в 2 т. – Волгоград, 1998. – Т. 1.
5. Екимов, Б.П. Память лета: короткие рассказы // Новый мир. – 2000. – № 7 (ПЛ).
6. Екимов, Б. Родительский дом: роман. – М., 1988. (РД).
7. Большой толковый словарь донского казачества: ок. 18 000 слов и устойчивых сочетаний. – М., 2003.
8. Словарь донских говоров Волгоградской области / авт.-сост. Р.И. Кудряшова, Е.В. Брыкина, В.И. Супрун. – Волгоград, 2011.
9. Дьяченко, Ю.А. Фитонимическая лексика в художественной прозе Е.И. Носова / автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Курск, 2010.

Bibliography

1. Velikanova, I.V. Idejno-ehsteticheskie funkicii i poeetika peyjazha v proze B. Ekimova // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2006. – Vihp. 5. – Ser. 8: Literaturovedenie. Zhurnalistika.
2. Kryukov, Yu.Yu. Substantivnaya dialektnaya leksika v proizvedeniyakh I.A. Bunina: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Orel, 2009.
3. Terentjeva, E.V. Rechevoj portret sovremennogo nositelya donskikh medvedickikh govorov Volgogradskoj oblasti // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2012. – № 2(16). – Ser. 2: Yazihkoznanie.
4. Ekimov, B.P. Izbrannoe: v 2 t. – Volgograd, 1998. – T. 1.
5. Ekimov, B.P. Pamyatj leta: korotkie rasskazih // Novihyj mir. – 2000. – № 7 (PL).
6. Ekimov, B. Roditel'skijj dom: roman. – M., 1988. (RD).
7. Bol'shoyj tolkovihyj slovarj donskogo kazachestva: ok. 18 000 slov i ustojchivihkh sochetanij. – M., 2003.
8. Slovarj donskikh govorov Volgogradskoj oblasti / avt.-sost. R.I. Kudryashova, E.V. Brihsina, V.I. Suprun. – Volgograd, 2011.
9. Dijachenko, Yu.A. Fitonimicheskaya leksika v khudozhestvennoj proze E.I. Nosova / avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Kursk, 2010.

Статья поступила в редакцию 24.04.14

УДК 820

Ryabova A.A. L.YE. PINSKIY AS A RESEARCHER OF CHRISTOPHER MARLOWE'S CREATIVE WORK. The article presents understanding of the English dramatist and poet of the XVI century Ch. Marlowe's creative work by L. Ye. Pinskiy, a Russian outstanding researcher of Shakespeare. The scientist, in a way different from one generally accepted in literary criticism of the previous time, considered "The Tragical History of Doctor Faustus" interpreting images of Faustus and Mephistophilis as complementing each other and presenting the tragedy of the main character as the tragedy of the progressive views of the epoch, matched in many aspects with the very personality of Marlowe. The researcher's interpretation of the image of Edward II as a titan similar to Tamburlaine, Faustus, Barabbas, but striving not to the power, knowledge or wealth but unlimited pleasure seems to be unusual.

Key words: L. Ye. Pinskiy, Ch. Marlowe, drama, Russian-English literary relations, reception, intercultural communication.

А.А. Рябова, канд. филол. наук, доц. каф. перевода и переводоведения

Пензенского гос. технологического университета, г. Пенза, E-mail: asnowflake@yandex.ru

Л.Е. ПИНСКИЙ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ТВОРЧЕСТВА КРИСТОФЕРА МАРЛО*

В статье представлено восприятие творчества английского драматурга и поэта XVI в. К. Марло одним из значительнейших отечественных исследователей Шекспира Л.Е. Пинским. Ученый иначе, чем это было принято в литературоведении прежде, осмыслил «Трагическую историю доктора Фауста», восприняв образы Фауста и Мефистофеля как взаимодополняющие друг друга и представив трагедию главного героя как трагедию переходного сознания эпохи, во многом соотносимую с личностью самого К. Марло. Необычной представляется и трактовка исследователем образа Эдуарда II как титана, подобного Тамерлану, Фаусту и Варавве из ранних трагедий, но устремленного не к власти, знанию или богатству, а к безграничному наслаждению.

Ключевые слова: Л.Е. Пинский, К. Марло, драматургия, русско-английские литературные связи, рецепция, межкультурная коммуникация.

В 1940-е – 1980-е гг. увидели свет труды значительного исследователя шекспировского наследия – Л.Е. Пинского. В предисловии к публикации отдельной книгой «Трагической истории доктора Фауста» в переводе под редакцией Т. Кудрявцевой, увидевшем свет в 1949 г., Л.Е. Пинский называл Марло самой значительной фигурой среди драматургов-«елизаветинцев», предшественников Шекспира и утверждал, что тот был «на голову выше» всех современных молодых драматургов «по силе и идейной глубине таланта» [1, с. 3]. Ставя в центр своих произведений могучую и свободную личность, «бунтарски опрокидывавшую все авторитеты и властно осуществлявшую свою волю», Марло поэтизировал целеустремленность в достижении задуманного и неуклонную верность принципам: «И Тамерлан и Фауст бросают дерзкий вызов небесам, утверждая силу своего разума. Сжигая Коран в Вавилонском храме, Тамерлан заявляет, что пророк, который терпит, чтобы его писание уничтожали в огне, немногого стоит. Раз Магомет не в силах покарать его за кощун-

ство, значит даже он "страшится голоса Тамерлана"» [1, с. 4]. Сравнивая «Испанскую трагедию» Т. Кида и марловские произведения, Л.Е. Пинский указывал, что первая «вся состоит из ужаснейших преступлений, изображенных, однако, чисто внешне», тогда как у Марло «акцент впервые переносится с грубо кровавого зрелища на стихийность неумных желаний, пожирающих душу его титанических героев» [1, с. 4]. Исследователь вступал в полемику с суждениями об атеизме Марло, считая, что пафос произведений драматурга являлся скорее антицерковным, нежели атеистическим, в нем было заключено «революционно-бунтарское начало по отношению к обветшавшим догмам» [1, с. 5], позволявшее человеческому разуму ставить под сомнение то, что веками казалось незыблемым.

Осмысливая создание «Трагической истории доктора Фауста» в контексте ее первоисточника – немецкой народной книги, обработка которой увидела свет у франкфуртского книгопечатника Иоганна Шписа в 1587 г., Л.Е.Пинский признавал, что, не-

смотря на наивность драматической техники, проявившуюся в чисто хронологической последовательности эпизодов, растянутости действия, незначительности комических интермедий, введении аллегорических фигур, марловская трагедия «была самой любимой» [1, с. 10] у зрителей. Л.Е.Пинский видел достоинства творения Марло в освобождении сюжета народной легенды от благочестивой назидательности пастора, сознательном ослаблении роли «вульгарно чувственных мотивов в истории героя» и в предоставлении слова самому дерзкому магу, что стало возможным благодаря избранной драматической форме. Воссоздавая «страстную, проникнутую глубоким чувством» речь Фауста, окружая героя сочувствующими персонажами, Марло, по мнению Л.Е.Пинского, возрождает подлинную народную легенду о докторе Фаусте, сохраняя непосредственную цельность описания и свежесть образов: «Народное сознание, как показывают ярмарочные пьесы XVII в., вопреки пасторским назиданиям, восхищалось смелостью виттенбергского чернокнижника и его необычайными деяниями. Знаменательно, что именно текст Марло лег в основу кукольных постановок XVIII в., которые еще мог смотреть юный Гете» [1, с. 11].

Фаустовская тема у Марло обретает глубоко трагическое звучание, поскольку драматург наделяет Фауста, как и всех других своих героев, независимым характером, твердостью духа и неуклонным стремлением к цели, при этом Эдуард II в восприятии исследователя оказывается в одном ряду с Тамерланом, Фаустом, Вараввой, которые, будучи «родными братьями по свойственной Возрождению жажде полноты жизни», разнятся только по характерной для каждого из них страсти и по той цели, «которую каждый ставил перед собой: власть, знание, богатство, наслаждение» [1, с. 12]. Стремление к знанию у Фауста Марло – это путь к идеалу «универсальной личности», к стихийной полноте жизни, сочетающей в себе и власть, и деньги, и служение искусству и красоте, и практическую деятельность во благо общества, но при этом не путь философских исканий, характерный, например, для гетевского Фауста: «Чувственное и нравственное, наслаждение и слава, искусство и техника, личное и общественное – все это для цельной натуры Фауста эпохи Возрождения еще не существует раздельно. Богатство человеческих устремлений воспринимается им как единый аккорд, а не как последовательно расчлененная гамма» [1, с. 12]. Если И.-В.Гете представил кабинетного ученого, разочарованного в знании и обращающегося к магии в момент отчаяния при осознании своего бессилия, «одинокую личность зрелого буржуазного общества, порывающуюся к слиянию с “духом жизни”, мировым и общественным целым» [1, с. 12], то Марло, напротив, изобразил героя пирующим, гордящимся своим искусством врачевания, полным жизненных сил и веры в знание, проводящим свою жизнь не среди символов и аллегорий, но среди живых людей своей эпохи: «Фауст Марло еще близок к историческому Фаусту, полученому-полуфоксу, который странствовал по городам Европы и так поразил народное воображение. Но в мечтах героя Марло <...> уже сказывается развитие денежных отношений и усиленный рост буржуазии в момент победы над Испанией и колонизации Америки» [1, с. 13].

Фауст Марло – трагически одинокий бунтарь, «спутник Мефистофеля, сознательно отпавший от существующего миропорядка» [1, с. 13], переступивший существующее право и религию. По мнению Л.Е.Пинского, в «Трагической истории доктора Фауста» Марло отразил «личную трагедию», дав в рамках «благочестивого сюжета» крах передового мятежного сознания эпохи [см.: 1, с. 13]. Несмотря на множество комических сцен, принадлежность которых Марло сомнительна для Л.Е.Пинского, «подлинный интерес драмы сосредоточен на сценах дерзаний и сомнений», представляющих «живое пульсирование драмы» [1, с. 13], в которой «порыв к большой жизни и ее широким гори-

зонтам берет верх над косным благополучием уютного и тесного мира» [1, с. 13 – 14].

Л.Е.Пинский отмечал специфику марловского образа Мефистофеля, обретающего черты трагедийного персонажа, ничем не напоминающего ни коварного средневекового беса из народной книги, ни насмешливого и остроумного гетевского героя: «Мефистофель Марло это <...> alterego (второе “я”) Фауста <...>. Это Мефистофель обосновывает у Марло характерное для эпохи Возрождения положение, что человек “прекрасен” и “лучше всех небес”. Но в то же время это меланхолически-одинокий дух, отпавший в гордыне от бога и мира» [1, с. 14]. Мефистофель у Марло не только родственен Фаусту, но и в некотором смысле дополняет его, позволяя сочетать устремление к универсальному знанию, дарующему возможность полноты жизни, с «прометеевским богоборчеством одинокого творческого гения» [1, с. 14].

В монографии «Шекспир. Основные начала драматургии» (1971) Л.Е.Пинский, отмечая способность великого драматурга постичь «особую природу исторической драмы и вытекающую из специфического предмета ее поэтику», признавал мастерство использования им старых пьес или драматургических идей предшественников, «в особенности такого новатора, как К. Марло» [2, с. 11].

Рассматривая комедии Шекспира в книге «Магистральный сюжет», посмертно опубликованной в 1989 г., Л.Е.Пинский иллюстрировал представленное в них внезапное возникновение страсти цитатой из Марло в комедии «Как вам это понравится» («Тот не любил, кто сразу не влюбился») и объяснял появление подобных суждений восходящими к средним векам ренессансными представлениями о любви как свидетельстве прирожденного благородства натуры [см.: 3, с. 65; ср. с точкой зрения А.А.Аникста: 4, с. 359 – 362]. Также Л.Е.Пинский указывал на недооценку Марло буффонады, приводившую к тому, что он предоставлял другим драматургам возможность дописывать комические партии; у Шекспира же роль шута была не только важна, но и доведена до совершенства [3, с. 114]. В вошедшей в ту же книгу статье «Сюжет-фабула и сюжет-ситуация» Л.Е.Пинский рассматривал сюжет-фабулу на примерах пришедшего из античности, из творчества Эсхила, образа Прометея и подготовленных средними веками и введенных Марло в «Трагической истории доктора Фауста» и Тирсо де Молина в «Севильском озорнике» «вечных» образов Фауста и Дон-Жуана, – все последующие разработки их связаны с деталями, тогда как «фактическая» основа (похищение огня, вызов статуи мужа, договор с бесом) и «реальный» герой остаются неизменными [3, с. 324 – 325].

Таким образом, внимание Л.Е.Пинского привлекла, преимущественно, «Трагическая история доктора Фауста», которую он стремился осмыслить с нескольких иных позиций, нежели это было принято в литературоведении прежних лет. Он воспринял образы Фауста и Мефистофеля как взаимодополняющие друг друга, попытался представить трагедию главного героя как трагедию передового сознания эпохи, во многом соотносимую с личностью самого Марло. По мнению Л.Е.Пинского, трагедия Марло оказалась ближе к изначальным народным представлениям о Фаусте, нежели книга Иоганна Шписа. Необычной представляется и трактовка исследователем образа Эдуарда II как образа титана, подобного Тамерлану, Фаусту и Варавве, но устремленного не к власти, знанию или богатству, а к безграничному наслаждению.

* Статья подготовлена в рамках реализации проекта по гранту Президента РФ МД-2112.2013.6 «Текстология и поэтика русского художественного перевода XIX – начала XXI века: рецепция поэзии английского романтизма в синхронии и диахронии».

Библиографический список

1. Пинский, Л.Е. Предисловие // К. Марло. Трагическая история доктора Фауста / пер. с англ. под ред. Т. Кудрявцевой. – М., 1949.
2. Пинский, Л.Е. Шекспир. Основные начала драматургии. – М., 1971.
3. Пинский, Л.Е. Магистральный сюжет: Ф. Вийон, В. Шекспир, Б. Грасиан, В. Скотт. – М., 1989.
4. Жаткин, Д.Н. Осмысление творчества Кристофера Марло в литературоведческих и искусствоведческих трудах А.А. Аникста / Д.Н. Жаткин, А.А. Рябова // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 6(43).

Bibliography

1. Pinskiy, L.E. Predislovie // K. Marlo. Tragicheskaya istoriya doktora Fausta / per. s angl. pod red. T. Kudryavcevoy. – M., 1949.
2. Pinskiy, L.E. Shekspir. Osnovniye nachala dramaturgii. – M., 1971.

3. Pinskiy, L.E. Magistralniy syuzhet: F. Viyjon, V. Shekspir, B. Grasian, V. Skott. – M., 1989.
 4. Zhatkin, D.N. Osmihlenie tvorchestva Kristofera Marlo v literaturovedcheskikh i iskusstvovedcheskikh trudakh A.A. Aniksta / D.N. Zhatkin, A.A. Ryabova // Mir nauki, kul'turi, obrazovaniya. – 2013. – № 6(43).

Статья поступила в редакцию 15.04.14

УДК 398 (398.1, 398.61, 398.83, 398.91)

Soyan A.M. FEATURES OF FOLKLORE OF ERZINSKY KOZHUUN. The article examines the folklore Erzinsky kozhuun, located in the southeast of Tuva. The author reveals its features. The paper especially emphasized Tuvan and Mongolian folklore connection.

Key words: folklore, Erzinsky kozhuun, Tuvan and Mongolian folk communication, riddles, proverbs, legends, good wishes.

А.М. Соян, канд. филол. наук, ст. преп. каф. тувинской филологии и общего языкознания Тувинского гос. университета, г. Кызыл, E-mail: soyan-a@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ФОЛЬКЛОРА ЭРЗИНСКОГО КОЖУУНА

В статье анализируется фольклор Эрзинского кожууна, расположенного на юго-востоке Тувы. Автором выявлены его особенности. В работе подчеркнуты тувинско-монгольские фольклорные связи.

Ключевые слова: фольклор, Эрзинский кожуун, тувинско-монгольские фольклорные связи, загадки, пословицы и поговорки, предания, благопожелания.

Фольклор – драгоценная жемчужина, хранилище духовного богатства, зеркало культуры и быта разных народов.

По мнению известной ученой С.М. Орус-оол, «историю изучения тувинского фольклора следует условно разделить на четыре периода, с точки зрения временной последовательности и итогов изучения: I. Дореволюционный период (конец XIX – начало XX вв.); II. Досоветский (1930-е гг.); III. Советский (1940–1980 гг.); IV. Современный (1990-е гг. по настоящее время) [1, с. 261].

Вопрос сбора и изучения жанров устного народного творчества является актуальным в условиях культурной глобализации. С каждым годом все меньше и меньше становится число истинных знатоков фольклора, особенно сказителей. Остро стоит вопрос о воспитании подрастающего поколения через знание пословиц, поговорок, сказок и т.д.

Целью данной статьи является выявление особенностей фольклора Эрзинского кожууна на примере оригинальных, прежде неопубликованных материалов, собранных в ходе экспедиции 2013 г.

Эрзинский район расположен на юго-восточной части Тувы и состоит из следующих населенных пунктов: Нарын, Эрзин, Мөрен, Кызыл-Сылдыс, Сарыг-Булуң, Бай-Даг, Качык. Общее количество населения по переписи 2013 года составляет 9383 чел.

Поскольку его территория граничит с Монголией, жители указанной местности издавна тесно контактировали с монголами и хорошо знали монгольский язык. Данный факт подтверждается и исследованиями ученых. Так, фольклористом Г.Н. Курбатским отмечено, что «в XVI–XVII вв. Тува входила в состав монгольского государства Алтын-ханов, а с 1757 по 1912 г. находилась под властью маньчжурской (дайцинской) династии... Заимствования из китайского и монгольского фольклора шли, в основном, из китайских, монгольских и тибетских книг, которые читали ламы и ламские ученики-послушники – хуураки.

Длительным и устойчивым было фольклорное общение на тувино-монгольской границе. До сравнительно недавнего времени, еще в 60-е гг., для большинства населения Эрзина и Тес-Хема монгольский язык был родным. Наличие группового тувино-монгольского билингвизма привело к многочисленным заимствованиям из монгольского и тибетского языков, которые отчасти и воспроизводят произведения фольклора» [2, с. 373].

В 1977 и 1978 гг. Б. Сонамом сделаны поездки в с. Нарын, в результате которых записаны образцы фольклора местного населения. В 2011–2012 гг. научными сотрудниками Тувинского института гуманитарных исследований (ТИГИ) были организованы полевые экспедиции в Эрзинский кожуун. Собранные ими материалы хранятся в научном архиве вышеупомянутого института.

Преподаватели и студенты филологического факультета Тувинского государственного университета ежегодно выезжают

в разные кожууны Тувы для сбора, систематизации, архивной обработки фольклорных материалов. В июне 2013 г. канд. филол. наук, доц. каф. тувинской филологии и общего языкознания Е.Т. Чамзырын, канд. филол. наук, старший преподаватель названной кафедры А.М. Соян вместе со студентами 2 курса, обучающихся по специальности «Родной язык и литература», побывали в Эрзинском кожууне.

Основными задачами экспедиции стали сбор, запись, обработка, систематизация, классификация и изучение устного народного творчества жителей данного района. В течение нескольких суток была проведена работа с информантами, среди которых Мажаа Татьяна Төмүровна (1933 г.р.), Бавуу Хоома Балганович (1935 г.р.), Мангар Сагды Маажайович (1936 г.р.), Дупчур Суге Ажиевич (1938 г.р.), Самдан Балдирмаа Базыровна (1948 г.р.) и т.д.

Особенность устно-поэтического творчества жителей Эрзинского кожууна заключается в том, что в нем прослеживаются тувинско-монгольские фольклорные связи. Тексты материалов содержат тувинские и монгольские слова, выражения вперемежку. Некоторые образцы жанров озвучиваются информантами сначала на монгольском языке, а потом на тувинском.

Загадки. «Загадки развивали смекалку, творческое воображение и память, расширяли кругозор, учили наблюдать, думать, рассуждать, реально оценивать мир» [2, с. 335].

В Эрзинском кожууне нами записаны загадки разной тематики. Приведем примеры.

а) О внутренних органах животных:

(1) *Далан дакпыр* (саргыяк). (И-1)

‘Семидесятикратный’ (книжка, т.е. часть желудка у жвачных животных).

В ней встречается монгольское слово *далан*, которое в переводе означает 70 (семьдесят).

б) О птицах и животных.

У нескольких загадок имеются монгольские и тувинские параллели:

(2) монг. *Мяндар-мяндар гишгэлтэй,*
Мянга түмэн тавалтай. (И-1)

тув. *Муң-муң базымныг,*
Муң түмөн эдеришкилиг (сааскан). (И-1)

‘У неё тысяча-тысяча шагов,
У неё тысяча, множество спутников’ (сорока).

(3) монг. *Хон-хон дуутай,*
Хонулон дээрээ саадагтай. (И-1)

тув. *Хоң-хоң ыттыг,*
Ооргазында саадактыг (ыт). (И-1)

‘Издаёт звуки хоң-хоң,
на спине имеется колчан’ (собака).

(4) монг. *Талын саан*
Тали хептир. (И-1)

- тув. *Хову ындында*
даш орну (конгул). (И-1)
 'За степью имеется
 след от камня' (дупло).
 в) О частях тела:
 (5) монг. *Агийт алаг ямаа*. (И-1)
 тув. *Куй иштінде шокар өшкү* (карак). (И-1)
 'Внутри пещеры рябая (пятнистая) коза'
 (глаз).

тув. *Хову ындында*

Издавна «загадки помогали практически познавать и изучать окружающий мир. Загадка являлась также средством развития особой техники мышления, выработки критериев сравнения, сопоставления, отождествления, формой веселого досуга, испытания мудрости, тайной (условной, иносказательной) речи... Через загадку открывалось многообразие жизненно-предметных связей» [2, с. 334].

Пословицы и поговорки. «Пословицы и поговорки – краткие образные изречения – отражают историческое прошлое, житейский опыт, уклад жизни, мировоззрение, поэтическую ода-

Кижы кырыырга, уруг-дарыгның доогу болур,
Аскыр кырыырга, кулун-чавааның доогу болур. (И-2)

ренность, мудрость тувинского народа» [3, с. 3].

'Когда человек состарится, станет посмешищем детей,
 Когда жеребец состарится, станет посмешищем жеребёнка, стригунов'.

В данной пословице употребляется монгольское слово *доогу* 'посмешище, насмешка'. Основным способом организации строк выступает синтаксический параллелизм.

Пословицы и поговорки эрзинцев богаты тематикой. Приведем примеры.

а) об общественных явлениях:
Чаан-даа болза оруун эдерер,
Чазак-даа болза хоойлуун эдерер. (И-3)

'Даже слон будет идти по своему пути,
 Даже Правительство будет идти по своему закону'.

б) о нраве:
Ишкен чеми хоран болур,
Идегээн эжи дайзын болур. (И-4)
 'Съеденная пища становится ядом,
 Друг, на кого надеялся, станет врагом'.

в) о качествах человека:
Кижы сагындыр-даа болза, чугаалаваан шаанда сагынмас,
Саазын чуга-даа болза, шиштевээн шаанда окулбас. (И-3)
 'Даже если человек памятный, не вспомнит, пока не про-

говорит,
 Даже если бумага тонкая, не становится дырявой, пока не проткнут'.

г) о сплоченности:
Шупту чугаалажырга, чеме чок,
Булээн-биле чунарга, хир чок. (И-3)

'Когда все будут разговаривать друг с другом, не будет упрека,

Когда будут умываться теплой водой, не будет грязи'.

д) о дружбе
Эзер чокта, шыланчыг,
Эш чокта, чалгааранчыг. (И-5)

'Без седла утомительно,
 Без друга скучно'.

Таким образом, пословицы и поговорки жителей Эрзинско-го кожууна своеобразны по содержанию, мелодичны, богаты разными видами тропов.

Песни и частушки. «Вообще народные песни подразделяются тувинцами на две жанровые группы: ырлар – песни и кожамык – припевки. А.Н. Аксенов пояснял: «К жанру ырлар относятся медленные лирические песни с мелодиями распевного типа и поэтическими текстами преимущественно созерцательного характера (о родном крае, о скотоводстве, охоте, о любви и разлуке, жалобы на тяжелую долю в старое время), а также исторические песни (например, о восстании шестидесяти богатырей).

К жанру кожамык относятся быстрые лирические песни с мелодиями нераспевного типа, имеющие нередко припевы (кожамык) с импровизируемыми по преимуществу поэтическими текстами» [4, с. 63].

Во время экспедиции нами были записаны огромное количество частушек, у которых обширная тематика: жизнь, любовь, нравственность, труд и т.д. В них воспевались родные места коренного населения, такие, как Сөөлчер, Эрзин, Бай-Даг, Мөге-Мөрен, Тарлашкын, Качык, Алдыы-Суг, Устүү-Суг. Часто встречаются частушки, где исполнитель поет о том, что он относится роду соянов, иргитов и т.д.

Узун Сөөлчер унун чурттаан
Улуг иргит уруу боор мен.
Улуг иргит уруу болгаи,
Уян чаңныг убаң боор мен.

Тос-ла-Булак чуртун чурттаан
Доруун иргит уруу боор мен.
Доруун иргит уруу болгаи,
Дошкун чаңныг убаң боор мен. (И-6)

'Я – дочь великих иргитов,
 Проживающих вдоль длинной Сөөлчер.
 Из-за того, что я – старшая дочь великих иргитов,
 У меня нетвердый характер.

Я – дочь довольно хороших иргитов,
 Проживающих в своей родине Тос-Булак.
 Из-за того, что я – дочь довольно хороших иргитов,
 У меня суровый характер'.
 Большая часть частушек посвящена любовным чувствам.

Эзир куштун баскан изи
Эрик черге таңма болзун.
Эжим кыска ынакшылым
Эмчи тыппас аарыг болзун. (И-7)

'Пусть след птицы – орла
 Останется печатью на берегу.
 Пусть моя любовь к подруге
 Останется болезнью, которую не обнаружит врач'.

Таким образом, многочисленность частушек можно объяснить тем, что «если крупные эпические жанры тувинского фольклора уже не развиваются, не обновляются, то все стихотворные, сохраняя свой прежний строй, формы, обогащаются новыми идеями, темами» [5, с. 77].

Легенды и предания. В Эрзине в основном бытуют предания и легенды о происхождении названий мест: Бай-Дага, Тере-Холя, Нарына, Делгер-Мөрен, Баян-Чыргалаңды, Ортаа-Чыргалаңды, Устүү-Чыргалаңды, Көк-Молдурга, Кежеге даа, Төре-Хөл.

Интересны своим содержанием и предания о двух ворожеях по лопатке, о хане Элчиген-Кулактыг.

Благопожелания. «Благопожелания являются одним из наиболее широко распространенных и любимых жанров тувинского народа. Они придают семейно-бытовым и календарным обрядам торжественность и понимание значимости совершаемого ритуала.

Разнообразна и богата тематика благопожеланий. В них нашли отражение многие стороны народной жизни тувинцев: мировоззрение, нравственные принципы, идеалы, основы традиционной педагогики и т.д.» [6, с. 34]. От информантов в основном записаны свадебные благопожелания и благопожелания при стрижке волос ребенка на третьем году жизни.

Хараачалыг алдын ак өргээзинге
Кадын ышкаш, ноян ышкаш
Каас-чараш чурттаар болзун!
Кадак дег буянный,
Сүт дег ак,
Артыш дег чаагай
Мандып турар болзун! (И-4)

'Пусть проживут красиво,
 как царица, как нойон,
 в своем бело-золотом дворце,
 где наверху имеется обруч для закрепления жердей.
 Пусть будут благородными, как кадак,
 Белыми, как молоко,
 Пусть будут расцветать великолепно,
 Как можжевельник'.

Таким образом, собранный нами материал позволяет судить о том, что фольклор эрзинцев уникален. Следует отметить, что и в настоящее время местное население хорошо говорит на

монгольском языке. К примеру, мы обратили внимание на ситуацию в селе Нарын. Там почти все говорят на монгольском языке, даже некоторые считают его родным языком. Село Нарын находится в нескольких километрах от заставы Цаган-Тологой. Опираясь на имеющийся материал, можно прийти к выводу о том, что особенность устно-поэтического творчества Эрзинского кожуна заключается в сохранении следов тувинско-монгольских, монгольско-тувинских фольклорных связей.

Библиографический список

1. Орус-оол, С.М. О тувинской фольклористике: основные направления развития // Избранные научные труды: сб.ст. – Кызыл, 2011.
2. Курбатский, Г.Н. Тувинцы в своем фольклоре. – Кызыл, 2001.
3. Мудрость народа / сост. О.К. Саган-оол, М.А. Хадаханэ; пер. С.В. Козлова. – Кызыл, 2001.
4. Кыргыс, З.К. Песенная культура тувинского народа. – Кызыл, 1992.
5. Куулар, Д.С. Жанры устно-поэтического творчества тувинского народа // История и современность: сб.ст. – Кызыл, 2002.
6. Юша, Ж.М. Обрядовая поэзия тувинцев. – Новосибирск, 2009.

Bibliography

1. Orus-ool, S.M. O tuvinskoyj foljkloristike: osnovnihe napravleniya razvitiya // Izbrannihe nauchnihe trudi: sb.st. – Kihzihl, 2011.
2. Kurbatskiy, G.N. Tuvincih v svoem foljklоре. – Kihzihl, 2001.
3. Mudrostj naroda / sost. O.K. Sagan-ool, M.A. Khadakhaneh; per. S.V. Kozlova. – Kihzihl, 2001.
4. Kihrgihs, Z.K. Pesennaya kuljtura tuvinskogo naroda. – Kihzihl, 1992.
5. Kuular, D.S. Zhanrih ustno-poehticheskogo tvorchestva tuvinskogo naroda // Istoriya i sovremennostj: sb.st. – Kihzihl, 2002.
6. Yusha, Zh.M. Obryadovaya poehziya tvincev. – Novosibirsk, 2009.

Статья поступила в редакцию 15.04.14

УДК 811. 161. 1' 42

Burmistrova T.A. STRUCTURE AND CONTENTS OF THE LEXICAL-SEMANTIC GROUP OF NAMES OF SETTLEMENTS (ON THE BASIS OF LINGUISTIC AND REFERENCE SOURCES). The article describes the content and structure of the lexical-semantic group of names of settlements on the basis of linguistic and reference sources (the end of XX – the beginning of XXI century). The method of the overlay of the lists, which were obtained from these sources, allowed determining the amount and structure of the lexical-semantic group of the settlements' names in the modern Russian language. Different characteristics of settlements (prevalence, socioeconomic and regional characteristics of residence) provide the basis for defining a nuclear part of this lexical-semantic group and making thematical segmentation of its contents.

Key words: lexical-semantic group, nuclear part of a group, group structure, thematic segmentation, differential features, lexical opposition, semantic scope.

Т.А. Бурмистрова, аспирант Национального минерально-сырьевого университета «Горный», г. Санкт-Петербург, E-mail: burmistrova_07@mail.ru

СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ НАИМЕНОВАНИЙ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ (ПО ДАННЫМ ИСТОЧНИКОВ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО И СПРАВОЧНОГО ХАРАКТЕРА)

Статья посвящена описанию содержания и структуры лексико-семантической группы наименований населенных пунктов по данным источников лингвистического и справочного характера (конец XX – начало XXI вв.). Прием наложения списков, полученных из этих источников, а также анализ содержания лексических единиц, позволил определить объем и структуру лексико-семантической группы наименований населенных пунктов в современном русском языке. Различные характеристики населенных пунктов (степень распространенности, социально-экономические и региональные особенности проживания) создают основания для выделения ядерной части соответствующей лексико-семантической группы, а также для тематической сегментации ее основного содержания.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа, ядерная часть группы, структура группы, тематическая сегментация, дифференциальные признаки, лексическая оппозиция, семантический объем.

Как известно, одной из важнейших задач исследования лексического состава языка в рамках антропоцентрического подхода является «выделение и описание тех разрядов лексических единиц, которые отмечены особой культурной информативностью», отражающей особенности национальной культуры, жизненного уклада, культуры повседневности народа [1, с. 4]. К таким группам лексики относится лексико-семантическая группа наименований населенных пунктов, содержание, границы и структура которой требуют определенного уточнения ввиду несовпадения данных, содержащихся в источниках различного характера. Для объективного определения объема группы этих наименований были использованы источники лингвистического и справочного характера. Источником справочного характера

является «Официальный сайт городов Российской Федерации» [2], где задокументированы наименования и описание административных населенных пунктов РФ. Согласно этому установочному документу выделяется 10 населенных пунктов и, соответственно, их наименований: *город, село, деревня, хутор, станция, слобода, аул, поселок, поселок городского типа, рабочий поселок*, при этом обязательным признаком населенного пункта является «использование его как места длительного обитания». Характер данных населенных пунктов определяется следующим образом: *город* – крупный населенный пункт (не менее 12 000 жителей), являющийся административным, промышленным, торговым и культурным центром района, области, округа и т.п., жители которого не заняты в сельском хозяйстве;

село – населенный пункт с численностью жителей 1-2 тысячи человек, занятых в сельском хозяйстве и промыслах (изначально село по определению располагалось довольно далеко от города и обязательно имело церковь; именно в селе чаще всего размещаются предприятия по промышленной переработке продуктов крестьянского труда: мельницы, лесопилки, крупорушки, известковые ямы и др.); **деревня** – населенный пункт с несколькими десятками или сотнями домов индивидуальной застройки (в деревне преобладающее занятие жителей – это сельское хозяйство, промыслы; большими обычно считаются деревни с 30 и более дворами; в канонической топонимике деревня – это поселение, не имеющее церкви и помещичьей усадьбы); **хутор** – это населенный пункт крайне маленького размера, отдельная крестьянская усадьба с обособленным хозяйством, включающая в себя не более десятка строений (хутор – часто семейное поселение; иногда хутором называют отдельно стоящую группу жилых строений, административно относящихся к более крупному населенному пункту); **станица** – это изначально административная казачья сельская единица, состоящая из одного или нескольких казачьих поселений (хутора, поселки); **слобода** – это название различных поселений в Русском государстве XI-XVII вв., население которых временно освобождалось от государственных повинностей (в современной России слобода – это пригородный поселок); **аул** – это традиционное поселение у тюркских народов, народов Северной Азии и Кавказа; **поселок** – общее название населенных пунктов с ненормированным количеством жителей и строений, от десятка, до нескольких тысяч; **поселок городского типа** – это населенный пункт по численности жителей не менее трех тысяч человек, занимающий промежуточное положение между городом и селом (в отличие от села, в таких поселках основная часть населения не занята в сельском хозяйстве); **рабочий поселок** – название поселка городского типа, значительная часть населения которого занята на крупном предприятии. В этой классификации можно выделить ряд основных дифференцирующих признаков: **количество жителей**: город не менее 12 тысяч жителей, село 1-2 тысячи человек; **характер занятости населения**: в городе жители не заняты в сельском хозяйстве; в селе и в деревне население занято в сельском хозяйстве и промыслах; в поселке городского типа население не занимается сельским хозяйством, в рабочем поселке население занято на крупном предприятии; **законодательный порядок**: для отнесения населенного пункта к категории города необходимо оформление в законодательном порядке; **типы застройки**: для деревни характерны индивидуальные застройки; **наличие церкви**: село обязательно имело церковь. Таким образом, выделенные дифференцирующие признаки намечают оппозицию «город-деревня», зафиксированную в источниках справочного характера.

В источниках лингвистического характера, а именно, в «Большом толковом словаре русских существительных» Л.Г. Бабенко (далее БТСР) [3] раздел «Населенный пункт» составляют четыре идеографические группы слов: тип населенного пункта; место в населенном пункте; совокупность населенных пунктов; человек, живущий где-либо. В интересующую нас группу наименований населенных пунктов включены следующие имена существительные: **аул, выселок, глубинка, глушь, город, поселение, поселок, предместье, пригород, район, райцентр, селение, село, слобода, слободка, станица, столица, усадьба, фактория, хутор, центр** – всего 28 наименований. Соответственно, материалы идеографического словаря значительно расширяют содержание документов справочного характера.

В «Русском семантическом словаре» под общей ред. Н.Ю. Шведовой [4] интересующая нас группа наименований населенных пунктов включена в общий раздел названий «населенных, обрабатываемых и используемых человеком территорий», куда относятся обозначения стран, государств, административно-территориальных единиц и объединений, городов, населенных пунктов, поселков городского типа, населенных пунктов негородского типа, земельных участков, домовладений, временных мест пребывания, названий жилых мест по функции, качеству, разным мест, используемых для сельскохозяйственных, хозяйственных, технических целей, мест для отдыха, лечения, оздоровления, путей, дорог, дорожных сооружений и остановочных пунктов. В качестве одной из многочисленных групп этого подраздела выделена группа «Города и другие населенные пункты» (всего 37 наименований), которая включает следующие подгруппы: 1) «Города и другие населенные пункты»: а) «Города и пригородные населенные места. Поселки городского типа» (на-

пример, **автоград, город, град, мегаполис, наукоград, полис и др.**); б) «Населенные места, примыкающие к городу или служащие для его основания» (например, **город, крепость, местечко, посад, предместье, пригород, слобода, слободка**). 2) «Населенные пункты негородского типа. Следы поселений»: а) «Сельские населенные пункты» (например, **аул, весь, выселок, деревня, кишлак, мыза и др.**); б) «Негородские места временного жительства или специального назначения» (например, **заимка, зимовка, зимовье, кочевье, орда, пункт, становище, стойбище**). Населенными пунктами, относящимися к городу, являются **крепость, местечко, посад, предместье, пригород, слобода, слободка**. Населенные пункты негородского типа: **аул, весь, выселок, деревня, кишлак, мыза, поселок, селение, селитьба, селище, село, сельцо, скит, слобода, станица, станок, улус, усадьба, фактория, хутор**. Показательно, что в этом словаре приводятся национально отмеченные населенные пункты: **аул, кишлак**, а также негородские места временного жительства или специального назначения: **заимка, зимовка, зимовье, кочевье, орда, пункт, становище, стойбище**. Следует отметить, что в лексико-семантическую группу наименований населенных пунктов включены наименования устаревшего характера (например: **фактория, мыза, селитьба, улус, становище, орда**, которые в толковых словарях современного русского языка сопровождаются пометой «устаревшее»). Использование приема наложения приведенных выше списков (соответственно 10, 28 и 37 лексических единиц, выделенные в рассматриваемых источниках), а также исключение из списка слов устаревшего характера позволило определить объем (около 30 единиц) и структуру лексико-семантической группы наименований населенных пунктов. Центром (ядром группы) можно считать слова, которые попали во все списки: **город, деревня, поселок, село, слобода, станица, хутор**. Основное содержание группы составляют наименования, которые тематически можно условно разделить на следующие подгруппы: 1. Населенные пункты городского типа (**город, автоград, наукоград, поселок, рабочий поселок и др.**). 2. Населенные пункты негородского типа (**деревня, село, слобода, выселок, слободка**). 3. Места жительства специального назначения (**заимка, кочевье, стойбище**). 4. Национально отмеченные населенные пункты (**аул, кишлак**).

Таким образом, содержание этой группы характеризуется значительной подвижностью. Как известно, в современной отечественной лингвистике сложилось достаточно устойчивое воззрение на развитие языка как результат действия интерлингвистических, так и экстралингвистических факторов. К экстралингвистическим причинам развития словарного состава языка относят «факторы социальных, политических, исторических, экономических, научно-технических и т.д. изменений в жизни конкретной лингвокультурной общности» [1, с. 15], которые очень ярко проявляются в жизни российского общества начала XXI в. С одной стороны, ряд слов, зафиксированных словарями, имеет помету «устаревшее», (например, **фактория, мыза, селитьба, улус, становище** имеют помету «устаревшие»), а с другой стороны, в самые последние годы в современном русском языке появляются новые наименования (**коттеджный поселок, клубный поселок, эко-поселок, коттеджный комплекс, поселок таунхаусов**). Многие из них еще не попали в словари в качестве самостоятельных единиц, однако в словарях новой лексики некоторые из них зафиксированы в иллюстративном материале. Ср., например, данные «Толкового словаря русского языка начала XXI века» под ред. Г.Н. Складневской [5]: **Таун-хауз и таунхауз**: небольшой городской дом, коттедж на одну или несколько семей, комплекс таких коттеджей, расположенных за пределами городского центра (**Корр.: А почему именно в коттеджном поселке, а не в деревне? В чем преимущество коттеджной застройки? Д. Донцова: Во-первых, охрана. Во-вторых, соседи – люди твоего круга и одинакового финансового достатка. Никто не полезет в твой дом с криминальными целями. В-третьих, коттеджный поселок подразумевает магазин и спортивный комплекс** (Донцова Д. Спят усталые игрушки).

Наименования населенных пунктов нового типа значительно расширяют состав лексико-семантической группы наименований населенных пунктов, зафиксированных ранее, отражают динамику социально-экономических изменений в обществе, а также в определенной степени снимают оппозицию между населенными пунктами городского и негородского типа, зафиксированную в словарях, поскольку называемые ими населенные пункты создают новые условия проживания: за пределами города в экологически благоприятном природном окружении, но с удобствами городского типа.

Библиографический список

1. Васильева, Г.М. Лингвокультурологические аспекты русской неологии: автореф. дис. ...д-ра филол. наук. – СПб., 2001.
2. [Э/р]. – Р/д: <http://www.официальные-сайты-городов.рф/0-opred.html>.
3. Бабенко, Л.Г. Большой толковый словарь русских существительных. – М., 2009.
4. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН Ин-т рус. яз.; под общей ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 2000.
5. Толковый словарь русского языка начала XXI века / под ред. Г.Н. Складневской. – М., 2006.

Bibliography

1. Vasiljeva, G.M. Lingvokulturologicheskie aspekti russkoy neologii: avtoref. dis. ...d-ra filol. nauk. – SPb., 2001.
2. [Eh/r]. – R/d: <http://www.officialnihe-saytjti-gorodov.rf/0-opred.html>.
3. Babenko, L.G. Boljshoj tolkovij slovarj russkikh suthstvitel'nykh. – M., 2009.
4. Russkijj semanticheskijj slovarj. Tolkovijj slovarj, sistematizirovannijj po klassam slov i znachenijj / RAN In-t rus. yaz.; pod obthej red. N.Yu. Shvedovoj. – M., 2000.
5. Tolkovijj slovarj russkogo yazihka nachala XXI veka / pod red. G.N. Sklyarevskoj. – M., 2006.

Статья поступила в редакцию 29.04.14

УДК 808.1

Sokolova I.S. THE POPULAR SCIENTIFIC BOOK ON NATURAL SCIENCES: AN INDIVIDUAL AUTHOR'S STYLE AND A STEREOTYPE OF THE NATURAL SCIENCES. The researcher distinguishes four main groups of features of an author's style in works published in books on popular scientific problems. These features are predetermined by specifics of natural-science conception and knowledge that doesn't cancel the manifestation of an identity of an author.

Key words: popular scientific books, natural sciences, work, author, individual style.

И.С. Соколова, канд. филол. наук, доц. каф. издательского дела и книговедения Московского гос. университета печати им. Ивана Федорова, г. Москва, E-mail: irso@yandex.ru

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ КНИГА ПО ЕСТЕСТВОЗНАНИЮ: ИДИОСТИЛЬ АВТОРА И СТЕРЕОТИПНОСТЬ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

Выделены четыре основные группы особенностей авторского стиля публикуемых в книжных научно-популярных изданиях по естественным наукам произведений. Эти особенности предопределяются спецификой естественнонаучного познания и знания, что не отменяет индивидуальности проявлений каждого автора.

Ключевые слова: научно-популярная книга, естествознание, произведение, автор, идиостиль.

Понятие «идиостиль» традиционно применялось по отношению к стилю литературно-художественных произведений писателей и поэтов. Однако этот термин исследователи начали использовать и при анализе особенностей индивидуального стиля того или иного журналиста, хотя и обращается внимание на то, что индивидуальность журналиста нередко нивелируется в результате ориентации на унифицированный стиль издания, для которого он пишет [1, с. 21–22], в результате использования набора заимствований [2, с. 157]. Практика использования понятия «идиостиль» заметна и при подготовке диссертационных работ [3], представляющих собой передний фронт исследовательской деятельности. Можно говорить о том, что данный термин в последнее время получает более широкое распространение.

В рамках настоящей работы мы будем оперировать термином «идиостиль» применительно к специфике стиля конкретного автора научно-популярного произведения естественнонаучной тематики, опубликованного в книжном издании, в пределах которого индивидуальный стиль автора, как правило, разворачивается наиболее полно и наглядно. Нам представляется, что стиль подобных произведений, с одной стороны, испытывает влияние стереотипов естественных наук как наук «жестких» (hard sciences), имеющих дело с воспроизводящимися объектами изучения и ориентированных на максимальную объективность, когда эти воспроизводящиеся объекты должны быть представлены «сами по себе», без вмешательства факторов, связанных с субъектом (исследователем). С другой же стороны, стиль таких произведений находится под влиянием возможностей относительной свободы, открывающихся перед автором благодаря самой идее популяризации как изложения некоторых фактов и теорий для читателя, не являющегося носителем узкоспециальных знаний по предмету изложения.

Специалисты выделяют три основных подхода к изучению идиостиля журналиста: «В традициях первого – структурного подхода – применяется анализ идиостиля журналиста на всех уровнях языка: от фонетического до текстового. Второй подход

– “доминантный” – предполагает выявление стилистических доминант авторского журналистского текста и анализ их функционального использования. Наконец, в основе третьего подхода лежит анализ стилистических слагаемых, которые могут и не быть доминантными в количественном отношении, но с точки зрения исследователя являются наиболее выразительными в функциональном, семантическом и художественном планах» [4, с. 121]. В нашей работе мы обратимся к «доминантному» подходу, поскольку именно он, с нашей точки зрения, дает возможность выявить характеристические в статистическом плане черты стиля конкретного автора научно-популярного произведения с целью предпринять попытку связать эти показательные в отношении частоты встречаемости черты с особенностями естественнонаучной предметной области, отражаемой в этом произведении. То есть наша цель состоит в том, чтобы установить взаимосвязь между проявлениями идиостиля конкретного автора и проявлением всеобщих законов и закономерностей естественных наук. Таким образом мы исследуем противоречие «общее (в природном мире) – единичное (в человеческом обществе)».

В результате рассмотрения и анализа произведений в книжных изданиях научно-популярного типа по естествознанию мы выделили четыре основные группы стилистических доминант определенного автора. Одна из них объединяет ситуации, сопряженные с обращением к тем или иным стилистическим приемам с целью упростить восприятие и понимание читаемого неспециалистом. Это может делаться, в частности, за счет использования коротких предложений, причем простых по преимуществу. Например, в книге «Мир, созданный химиками: От философского камня до графена» П.А. Образцова (М.: КоЛибри: Азбука-Аттикус, 2011. (Galileo)) читаем: «Гораздо проще с напитками. Все содержащиеся в них углеводы – это именно сахароза, белый сахар» (с. 59); «Ртуть обладает огромной силой. Она может даже изменить историю» (с. 79); «Тут вот какое дело. Размеры современных ускорителей элементарных частиц составляют десятки километров. Стоимость оборудо-

дования нормальной химической лаборатории достигает нескольких миллионов долларов. Расшифровка генома человека длилась 12 лет и осуществлялась силами десятков лабораторий мира, затрачено на это было три миллиарда долларов. Так что современная наука – дорогостоящая многолюдная деятельность, совершенно невозможная в домашних условиях. Это общепринятое мнение.

Однако неверное. Наука “на коленке” сохранилась!» (с. 157–158); «Химический язык распространен не только у насекомых. Молекулярными сигналами обмениваются рыбы, например лососи на нересте, птицы, млекопитающие – бобры, скунсы. Причем у млекопитающих отмечены и половые аттрактанты» (с. 182).

Кроме того, в эту же группу следует отнести случаи, когда автор заранее уведомляет читателя о том, что он уже готов к восприятию определенного материала. Так, в книге А.В. Коржухова и В.Ф. Дмитриева «Кто Вы, доктор Бор? Исторические реконструкции в физике» (М.: Ленанд, 2014) читатель находит: «Пришло время для второго рубежного краткого историко-методологического комментария, подобного тому, который был сделан в конце первой главы» (с. 64); «Здесь пришло самое, на наш взгляд, время упомянуть имя Зоммерфельда, развившего (логически и содержательно) теорию Бора» (с. 74).

Обратим внимание на то, что данная группа включает как случаи минимализации (экономии) речевых усилий (примеры первого типа), так и ситуации их максимизации (некоторой избыточности). Стилистические черты рассмотренной группы вызываются к жизни повышенной сложностью для недостаточно подготовленного читателя естественнонаучных текстов, объясняющих поведение объектов мира природы.

Вторая группа ситуаций объединяет обращение к различным хорошо знакомым потенциальному читателю произведениям художественной литературы; к неформальным рассказам о характерах, привычках ученых-естествоиспытателей. То есть читателя переносят в достаточно понятный ему, относительно близкий, привычный контекст. Скажем, в издании «Мир, созданный химиками: От философского камня до графена» читатель обнаруживает следующие фрагменты: «Помните “Понедельник начинается в субботу” братьев Стругацких, статью в стенгазете “Фосфор нужен человеку как воздух?”» (с. 140); «Помните кетчуп О. Генри, “покрывший от стыда, когда на нем написали “натуральный”»» (с. 220). А в книге М.Г. Воронкова и А.Ю. Рулева «О химии и химиках и в шутку и всерьез» (М.: Мнемозина, 2011) мы читаем: «Академик В.И. Гольданский отличался веселым нравом и блестящим остроумием» (с. 125); «Мейер отличался необыкновенной памятью и разносторонней эрудицией» (с. 170); «Николай Николаевич Семенов отличался огромным интересом к научным и околонаучным вопросам и юношеской увлеченностью решаемыми им проблемами» (с. 199). В результате мы наблюдаем проявления некоторой информационной избыточности, но именно она способствует наилучшему усвоению основного материала. В.Е. Чернявская описывает это следующим образом: «Создается информационная избыточность за счет введения дополнительных деталей, уточнений, пояснений, повторов, отступлений, обеспечивающих доступность содержания неспециалисту» [5, с. 43]. Хотя сведения из биографий ученых часто включаются в научно-популярные произведения естественнонаучной тематики [6, с. 122], элементами идиостиля того или иного автора, по нашему мнению, они становятся благодаря тому, как именно, в какой форме они предъявляются читателю.

Стилистические особенности второй группы – отражение стремления сделать мир природных объектов и явлений более близким читателю-неспециалисту благодаря введению социального контекста.

Третья группа ситуаций представляется нам наиболее сложной, поскольку в нее мы объединили стилистические черты, моделирующие научный стиль речи за счет применения характерных элементов и конструкций. Это помогает читателю представить атмосферу научного поиска в сфере естествознания. В книге В.П. Решетникова «Почему небо темное. Как устроена Вселенная» (Фрязино: Век 2, 2012. (Наука для всех)) мы видим такие, к примеру, особенности подобного рода: «Итак, пусть бесконечная стационарная Вселенная равномерно заполнена звездами, причем n – среднее число звезд в единице объема, а L – средняя светимость одной звезды, то есть полная энергия, излучаемая ею в единицу времени во всех направ-

лениях» (с. 17); «Итак, соберем воедино кусочки мозаики и представим себе портрет окружающей нас Вселенной» (с. 157). Случаи применения терминов и терминологических словосочетаний с одновременным их кратким и точным разъяснением также можно отнести к данной группе. В работе М.М. Левецкого «Добро пожаловать в химию!» (М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2013) содержатся следующие высказывания: «Например, сероводород – соединение серы с водородом – содержится в заметном количестве в природном газе некоторых месторождений...» (с. 8); «...при сгорании этого газа образуется диоксид серы – соединение серы с кислородом...» (с. 8); «Оказалось, что в качестве источника серы можно использовать сульфаты – соли серной кислоты...» (с. 8); «Это был минерал монацит, представлявший собой смесь фосфатов церия ^{58}Ce , лантана ^{57}La и тория ^{90}Th (фосфаты – соли фосфорной кислоты)» (с. 9).

Третья группа особенностей, таким образом, – это своеобразное отражение попытки не упрощать понимание естественнонаучного знания, как это происходит в пределах двух предыдущих групп, а продемонстрировать сложность естественнонаучного познания. Фактически можно говорить о трансляции типичных для области естественных наук методологических установок. В естественных науках весьма важна системность, вписанность каждого фрагмента знания в стройную теоретическую систему. «В естественной науке теория, как правило, однородна: все знания и закономерности, включенные в теорию, получают на идеальных объектах, которые или преобразуются друг в друга (сложные в более простые), или сводятся к “началам” (исходным идеальным построениям), – пишет В.М. Розин; – в результате все знания и закономерности организуются в систему и приобретают теоретический статус (осознаются как научное объяснение)» [7, с. 86]. Конечно, трансляция отдельных конструкций и элементов, типичных для собственно научного стиля в сфере естествознания, не может и не призвана воссоздавать стройные теоретические системы естественных наук; главное предназначение таких конструкций и элементов – именно передать атмосферу системного, а не хаотичного научного поиска в естествознании (хотя и здесь истории известны «случайные» достижения). Теоретический контекст в научно-популярном тексте по естественным наукам часто заменяется социальным контекстом, о котором мы рассуждали, анализируя вторую группу стилистических особенностей. «Популярно изложенное научное знание нельзя рассматривать как некачественное, когда имеет место сообщение истинных, достоверных результатов, данных, заключений, полученных в ходе объективных научных исследований, но освобожденных при изложении неспециалисту от системно-связующего контекста (курсив наш. – И.С.)», – подчеркивает В.Е. Чернявская [5, с. 42].

В рамках четвертой группы специфических конструкций мы объединили ситуации, когда автор теми или иными способами стремится обеспечить наглядность описываемого. Это может достигаться, в частности, благодаря прямому указанию на рассматриваемые объекты. К примеру, в издании А.С. Дмитриева «Законы физики в повседневной жизни: Коллекция опытов в домашних условиях» (М.: Либроком, 2013. (Науку – всем! Шедверы научно-популярной литературы (физика))) читатель встречает такие конструкции: «Вот на фотографии это изумительный прибор...» (с. 108); «Вот и формула» (с. 116); «Вот внизу схема...» (с. 132); «А вот вам простой прибор...» (с. 226). Другой способ, напротив, предполагает динамику, действие (использование глаголов первого лица единственного числа в настоящем времени, множественного числа будущего времени). В научно-популярной монографии К.Циммера «Микроскоп: Е. coli и новая наука о жизни» (пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2013) мы видим следующие фразы: «Я держу в руках прозрачную круглую коробочку и смотрю в окно» (с. 7); «Я переворачиваю коробочку» (с. 8); «Я подношу чашку Петри к окну» (с. 11); «Я смотрю на жизнь сквозь увеличительное стекло, состоящее из миллионов E. coli» (с. 11). Заметим, что эти примеры заимствованы из переводного издания. Текст перевода не отражает идиостиля самого автора в полной мере. Его стиль в большей или меньшей степени меняется под воздействием стиля переводчика. Однако мы считаем возможным обратиться и к переводу, чтобы продемонстрировать определенную тенденцию оперирования характерными конструкциями. Приведем примеры из оригинального издания Г.Б. Шульпина «Эта увлекательная химия» (3-е изд. М.: Либроком, 2013. (На-

уку – всем! Шедевры научно-популярной литературы)): «Сфотографируем скопление молекул бензола...» (с. 31); «Нагреем глюкозу с метиловым спиртом в присутствии сухого хлористого водорода» (с. 65); «Возьмем длинную стеклянную трубку, укрепим ее вертикально и заполним порошком оксида алюминия...» (с. 162); «Растворим нашу смесь в небольшом количестве бензола и нанесем ее сверху в трубку с оксидом алюминия...» (с. 163); «Добавим теперь сверху в колонку растворитель бензол» (с. 163).

Особенности четвертой группы проявляют специфику научно-исследовательской деятельности в естествознании, когда очень важными оказываются тщательный анализ объекта и активные действия, проводимые над ним.

Подчеркнем, что в научно-популярных изданиях по естествознанию часто используются определенные конструкции, которые нельзя, на наш взгляд, отнести к элементам идиостиля конкретного автора научно-популярного произведения. Например, таковы вопросно-ответные конструкции и риторические вопросы, к которым прибегают почти все авторы научно-популярных произведений естественнонаучной тематики. «Одним из приемов, помогающих не только оживлять повествование и придавать ему выразительность, является так называемый вопросно-ответный ход. В научно-популярных текстах их роль заключается в том, что автор, как бы предвидя возражения читателей и угадывая их возможные вопросы, сам формулирует вопросы и сам на них отвечает... Помимо вопросно-ответного хода, для современного научно-популярного текста характерно использование риторического или эмоционального вопроса, который не требует ответа, а служит для эмоционального утверждения или отрицания того или иного факта» [8, с. 1814]. Так, в ранее упомянутых изданиях мы наблюдаем типичные вопросно-ответные конструкции. В работе В.П. Решетникова находим: «Что нам дает антропный принцип? Как ни странно, у столь общего утверждения есть вполне конкретные достижения. Например, я уже упоминал, что Стивен Вайнберг задолго до результатов групп Перлмуттера и Шмидта использовал его для обоснования большого значения космологической постоянной» (с. 166); в работе А.С. Дмитриева читаем: «Но почему при разбивании лампочки мы слышим хлопок? Хлопок получается потому, что внутри лампочки – вакуум, или почти вакуум. Там нет воздуха. Когда лампочка лопается, воздух снаружи, со всех сторон лампочки, с радостью кидается в пустое пространство – с такой силой, что ударяется (когда встречается с воздухом с другой стороны лампочки) – раздается хлопок. Возникает ударная волна, которую мы и слышим как звук хлопка» (с. 57).

Следует заметить, что мы исследовали идиостиль конкретных авторов. Изложенная выше типологизация выявляет общие закономерности, но анализ каждого из приведенных примеров показывает, что конкретный автор научно-популярного произведения по естествознанию демонстрирует приверженность определенным стилистическим средствам выражения содержания. И в этом состоит индивидуальность каждого автора. Выявлен-

ные закономерности едины и всеобщы, но способы их реализации всегда конкретны. Кроме того, каждый автор тяготеет к использованию в большей степени стилистических средств выражения содержания определенной группы или нескольких групп, различных их комбинаций. Как пишет В.В. Леденева, идиостиль – это «индивидуально устанавливаемая языковой личностью система отношений к разнообразным средствам и способам авторепрезентации» [9, с. 12]. Здесь ключевыми словами являются «система отношений» и «авторепрезентация». Научно-популярное произведение по естествознанию в отличие от научного той же тематики предоставляет автору весьма большую свободу для авторепрезентации, поэтому система отношений может быть проявлена довольно полно. А у любого автора эта система отношений уникальна, неповторима, благодаря чему возможной становится лингвистическая экспертиза, лингвистическая идентификация личности [10]. С нашей точки зрения, на этапе редакционно-издательской подготовки научно-популярного произведения по естествознанию к опубликованию подобные возможности в дальнейшем, при получении результатов соответствующих исследований, способны стать основанием для наиболее рациональной организации работы редактора с автором, их бесконфликтного, эффективного и результативного взаимодействия. В условиях развития в нашей стране в течение последних нескольких лет научно-популярного сегмента книгоиздания, когда в него вовлекаются не только переводы, как было вплоть до недавнего времени, но и оригинальные произведения российских авторов, разработка вопросов, сопряженных с идиостилем таких авторов, видится нам прагматически значимой, имеющей не только теоретическое и методологическое, но и большое практическое значение для совершенствования подготовки и выпуска научно-популярных изданий по естествознанию.

«...В лингвистике и психологии считается на сегодняшний день неоспоримым то, что в речи и языке отражается личность человека, что делает возможным установление характеристик (профилирование) автора по созданному им тексту», – говорит Т.А. Литвинова [11, с. 70]. Научно-популярное произведение по естествознанию в книжном издании всегда уникально по своим стилистическим особенностям, так как отображает индивидуально-личностные особенности своего автора. Детальное изучение соотношений между теми и другими особенностями – дело будущих исследований. При этом, однако, важной представляется и экспликация тех или иных проявлений идиостиля на основе осознания воздействия на идиостиль этого (и любого другого) автора научно-популярного книжного издания специфики объектов, предметов, методов, парадигм, а также социологии и психологии естественных наук. Таким образом, на наш взгляд, можно говорить о необходимости дальнейших исследований триады «всеобщее (стиль научно-популярных книг по естествознанию) – особенное (типы особенностей идиостиля авторов научно-популярных книг по естествознанию) – единичное (идиостиль конкретного автора научно-популярной книги по естествознанию)».

Библиографический список

1. Кручевская, Г.В. Автор в дискурсе печатных СМИ: к проблеме изучения // Журналистский ежегодник. – 2012. – № 1.
2. Бандеров, И.И. Смерть уникального автора в СМИ // Информационное поле современной России: практики и эффекты: материалы Десятой междунар. научно-практ. конф. – Казань, 2013.
3. Чернышева, Т.А. Идиостиль в газетно-публицистическом дискурсе (на материале газеты «Известия»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Череповец, 2007.
4. Носкова, О.А. Лингвокогнитивный стиль журналиста: принципы формирования и подходы к изучению // Журналистский ежегодник. – 2012. – № 1.
5. Чернявская, В.Е. Интерпретация научного текста: учеб. пособие для вузов. – М., 2010.
6. Литке, М.В. Гносеологические и коммуникативные установки авторов журнала «Вокруг света» // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2013. – № 5.
7. Розин, В.М. Особенности дискурса и образцы исследования в гуманитарной науке. – М., 2009.
8. Таюпова, О.И. Языковой код в научно-популярном тексте // Вестник Башкирского университета. – 2012. – № 4. – Т. 17.
9. Леденева, В.В. Идиостиль как система отношений // Вестник Тамбовского университета. – 2001. – № 5. – Т. 23. – Сер. «Гуманитарные науки».
10. Наумов, В.В. Лингвистическая идентификация личности. – М., 2010.
11. Литвинова, Т.А. Профилирование автора письменного текста // Язык и культура. – 2013. – № 3.

Bibliography

1. Kruchevskaya, G.V. Avtor v diskurse pechatnikh SMI: k probleme izucheniya // Zhurnalistitskiy ezhegodnik. – 2012. – № 1.
2. Banderov, I.I. Smertj unikaljnogo avtora v SMI // Informacionnoe pole sovremennoj Rossii: praktiki i ehffekth: materialih Desyatoy mezhhdunar. nauchno-prakt. konf. – Kazanj, 2013.
3. Chernishsheva, T.A. Idioshtilj v gazetno-publicisticheskom diskurse (na materiale gazetih «Izvestiya»): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Cherepovec, 2007.

4. Noskova, O.A. Lingvokognitivniy stilj zhurnalista: principih formirovaniya i podkhodih k izucheniyu // Zhurnalistskiy ezhegodnik. – 2012. – № 1.
5. Chernyavskaya, V.E. Interpretaciya nauchnogo teksta: ucheb. posobie dlya vuzov. – M., 2010.
6. Litke, M.V. Gnoseologicheskie i kommunikativniye ustanovki avtorov zhurnala «Vokrug sveta» // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. – 2013. – № 5.
7. Rozin, V.M. Osobennosti diskursa i obrazcih issledovaniya v gumanitarnoy nauke. – M., 2009.
8. Tayupova, O.I. Yazikovoy kod v nauchno-populyarnom tekste // Vestnik Bashkirskogo universiteta. – 2012. – № 4. – Т. 17.
9. Ledeneva, V.V. Idiostilj kak sistema otnoshenij // Vestnik Tambovskogo universiteta. – 2001. – № 5. – Т. 23. – Ser. «Gumanitarniye nauki».
10. Naumov, V.V. Lingvisticheskaya identifikaciya lichnosti. – M., 2010.
11. Litvinova, T.A. Profilirovanie avtora pis'mennogo teksta // Yazhik i kul'tura. – 2013. – № 3.

Статья поступила в редакцию 08.05.14

УДК 81-26

Toujani Bader. SOCIOCULTURAL FUNCTION OF REFERENCE POINTS (FULCRUMS) AT TEACHING FOREIGNERS TO UNDERSTAND RUSSIAN MEDIA TEXTS (LINGUODIDACTICAL ASPECTS). The article focuses on the use of reference points (fulcrums) of media texts for interiorisation of information by foreign students in studying Russian. The article makes a focus on a sociocultural aspect of the problem.

Key words: reference points, media text, interiorisation, foreign students.

Тужани Бадер, аспирант Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, г. Бежа (Тунис), E-mail: badertoujani@gmail.com

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФУНКЦИИ ОТОРНЫХ ТОЧЕК (ФУЛЬКРУМОВ) ПРИ ОБУЧЕНИИ ПОНИМАНИЮ ИНОСТРАНЦАМИ РУССКИХ МЕДИАТЕКСТОВ (ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

Статья посвящена использованию опорных точек (фулькрумов) медиатекста для интериоризации информации студентами-иностранцами, изучающими русский язык. Статья обращает главное внимание на социокультурный аспект проблемы.

Ключевые слова: опорные точки, медиатекст, интериоризация, иностранные студенты.

Медиадидактика [1], рассматриваемая как одна из смежных с методикой преподавания иностранных (в том числе, и русского) языков дисциплин, важнейшую роль в обучении отводит тексту как основному коммуникативному продукту и стимулу коммуникативной деятельности. Устойчивую традицию в российской методике имеет идея работы с текстом на основе сканирования его опорных точек [2].

В результате поиска оптимального способа описания и классификации этих структурно-смысловых единиц мы обратились к понятию и термину «фулькумы», который представляется нам удачным и компактным обозначением анализируемого явления. Термин «фулькрум» восходит ещё к начальным работам по машинному (автоматическому) переводу. В последнее время (с учетом переноса изначального его значение определяется следующим образом: «Фулькумы – синтаксические опорные пункты, показывающие границы структурно-синтаксических блоков» [3, с. 120].

Понимание иностранцами русских медиатекстов – это сложная психологическая и психолингвистическая деятельность, которая начинается сразу после предъявления студенту текста, а застает и до его предъявления, поскольку зачастую преподаватель должен предвзреть первое знакомство с текстом вводной устной ориентировкой, знакомящей студента с основными блоками фоновой информации.

«Психологический словарь» под редакцией В.П. Зинченко и Б.Г. Мещерякова даёт следующее определение понимания: «Понимание – мысленное воспроизведение объективного процесса возникновения, формирования предмета целенаправленной деятельности и мышления. Понимание представляет собой необходимое условие и вместе с тем продукт общения и совместной деятельности людей. Понимание осуществляется в актах внутренней речи субъекта и раскрывает ему мотивы, цели и содержание обращённого к нему действия другого человека (поступка, речи демонстрации или репрезентации предмета и т.п.)» [4, с. 270].

Целью понимания является интериоризация содержащейся в тексте информации. У истоков концепции интериоризации стояли такие классики современной психологии, как Ж. Пиаже и Л. Выготский. И. Лингарт указывает в своей известной монографии: «одним из ключевых вопросов теории мыслительных операций является понятие интериоризации... Речь идёт о про-

цессе, в котором схема действий трансформируется и обобщается в результате того, что она неоднократно воспроизводится в аналогичных условиях. Переходы от материальных форм деятельности к внутренним операциям протекают следующим образом: в процессе проявления сенсомоторной активности вырабатываются познавательные схемы, имеющие характер регулятивных механизмов. Эти схемы с участием обратных связей выливаются в высшие психические регуляции, имеющие функцию антиципационного корректива» [5, с. 580-581]. И далее: «От опыта и сложности задачи зависит продолжительность этой начальной ориентировки. Субъект постепенно или схватыванием выделяет определённые знаки и отношения, которые, как ему представляется, важны для решения проблемы» [5, с. 583].

Начальная ориентировка в медиатексте для его понимания и последующей интериоризации требует нахождения в самом начале наиболее оптимальных для указанной ориентировки текстовых форм. Одной из самых простых форм ориентировки являются такие фулькумы, как газетные заголовки.

В лингводидактической литературе уже появились работы, специально посвящённые этому вопросу. В них анализируются различные языковые явления, появляющиеся в заголовках, в том числе непосредственно относящиеся к социокультурному аспекту текста: устойчивые речения, афористика, языковая игра, различные намёки, прецедентные тексты, национально окрашенная ирония и т.д. [6]

В то же время при достаточной разработанности вопроса необходимо обратить внимание на некоторые принципиальные для лингводидактической интерпретации моменты. Так, интересным социокультурным фактором является заметная вариативность заголовков в газетах, придерживающихся различной коммуникативной ориентации.

Например, заголовки в газете «Аргументы и факты» в подавляющем большинстве случаев используют вышеуказанные стилистически окрашенные языковые формы. Это резко контрастирует с заголовками в газете «Известия», в которой стилистически окрашенные формы практически отсутствуют. Отсутствие стилистических окрашенных форм облегчает нахождение тематических фулькрумов, хотя при соответствующей предтекстовой подготовке читающего стилистически окрашенные формы могут послужить эффективным источником социокультурной информации, а также усилить возможности антиципации, о которой писал И. Лингарт.

В чисто информационных заголовках в реальной газетно-журнальной практике закрепилось фактическое двуязычие, когда некоторые названия (технические бренды, названия футбольных команд и т.д.) печатаются на латинице наряду со словоформами, напечатанными кириллицей. Налицо важный социокультурный феномен, который ещё не получил достаточного лингвистического и лингводидактического освещения.

Наконец, авторы публикаций лишь в последнее время стали обращать внимание на подзаголовки, которые в значительной степени стилистически нейтральны. Однако в случае их стилистической маркированности подзаголовки могут облегчить студенту понимание смысла этих форм.

В некоторых медиатекстах основные информационные доминанты выделяются различными способами шрифтового выделения, хотя способы смыслового акцентирования такого рода пока ещё нельзя назвать распространёнными. «Важным средством текстового членения и соответственно ориентировки в динамике текста являются знаки препинания (точка, вопросительный знак, восклицательный знак). Знаки препинания – это внеалфавитные графические средства, основное значение которых – выделение синтаксической и смысловой структуры письменного текста» [7, с. 139]. С точки зрения иллюстрации использования названных приёмов среди других изданий особенно выделяется газета «Аргументы и факты», которая может служить в этом отношении удобным учебным материалом, поскольку оформленные таким образом тексты облегчают иностранному студенту восприятие и понимание медиатекста.

Приведём пример такого текста из газеты «Аргументы и факты» [8].

«Уволить не могу!

Мне объяснили, что так как я уже пенсионер, при устройстве на работу со мной подпишут только срочный трудовой договор на 1 год. Это законно?

В. Калашин, Московская область.

Отвечает Сергей Саурин, руководитель юридического направления Центра социально-трудовых прав: С пенсионером по возрасту срочный трудовой договор может быть заключён, но только с согласия самого пенсионера. На практике же работодатели часто ставят пенсионера перед выбором – или он подписывает такой документ, или его вообще не берут на работу. Такое поведение работодателя незаконно. Если есть желание побороться, нужно потребовать письменный отказ от заключения бессрочного договора. На случай, если работодатель откажется выдать письменный отказ, разговор с ним лучше вести в присутствии свидетелей или записывать на диктофон или камеру. Отказ работодателя можно обжаловать в суде и попытаться взыска-

ть денежную компенсацию. Но принять вас на работу по бессрочному договору суд вряд ли обяжет.

Помимо точки, важную роль играет вопросительный знак. Вопросительный знак, прежде всего, предупреждает читателя о наличии проблемы (см. функцию вопросительного знака в приведённой выше статье примере). Наблюдения показывают, что в последнее время можно говорить о расширении функций этого знака в медиатекстах. Можно даже говорить о своеобразной «экспансии» вопросительного знака в русском медиатексте. Здесь предстоит исследовать проблему эквивалентности вопросительного знака в различных языках и в различных культурах. В частности, возникает проблема функциональной стилистики – вопрос о так называемых риторических вопросах и вопросительной формы в не прямых речевых актах. Эта проблема наиболее полно для целей методики преподавания РКИ может быть интерпретирована с использованием данных, полученных в прагмалингвистических теориях. Можно взглянуть на отмеченный факт и шире: социокультурные функции текстовых фулькромов в медиатекстах наиболее успешно выявляются благодаря интегрированному методологическому подходу, предполагающему привлечение данных системно-структурной, коммуникативной лингвистики и прагмалингвистики. Интегрированное формирование у иностранцев, овладевающих русским языком, трёх компетенций – социокультурной, лингвистической и прагмалингвистической – представляется важной перспективой современной лингводидактики и медидактики.

Возвращаясь к теме статьи и обозначая перспективы построения типологии лингводидактически значимых фулькромов, необходимо упомянуть ещё три принципиально важных структурно-смысловых опорные точки современных медиатекстов.

Во-первых, важным для построения и понимания медиатекстов фактором является цитация и соответствующие знаки цитации, которые реализуют устойчивую тенденцию к усилению интертекстовых связей в современном медиа- и шире – в культурном пространстве.

Во-вторых, в газетно-публицистических текстах, публикуемых в Интернете, всё чаще визуально акцентируются ключевые слова.

В-третьих, требует специального исследования вопрос о сочетании вербальных и невербальных (визуальных, звуковых) элементов медиатекста. Невербальные элементы (особенно визуальные) являются информационно насыщенными опорными точками медиатекста.

Лингводидактические функции фулькромов в медиатексте перспективны для более углублённого теоретического изучения и вытекающих из него разработок практического применения при обучении русскому языку иностранных учащихся.

Библиографический список

1. Онкович, А. Медидактика. Масс-медиа в учебном процессе по русскому языку как иностранному. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing, 2013.
2. Акимова, М.И. Опорные слова в структуре сложноподчинённого предложения. Состав и функционирование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2002.
3. Нелюбин, П.Л. Фульктуры // Толковый переводческий словарь. – М., 2003.
4. Психологический словарь / под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. – М., 1997.
5. Лингарт, И. Процесс и структура человеческого умения. – М., 1970.
6. Ягодова, А.А. Принципы лингвосоциопсихологического описания языковых единиц (на материале газетных заголовков): дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2003.

Источники анализируемого материала

1. Знаки препинания. Энциклопедия // Русский язык. – М., 1997.
2. Аргументы и факты. – 2014. – № 5(1734).

Bibliography

1. Onkovich, A. Mediadidaktika. Mass-media v uchebnom processe po russkomu yazhku kak inostrannomu. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing, 2013.
2. Akimova, M.I. Opornye slova v strukture slozhnopodchinyonnogo predlozheniya. Sostav i funkcionirovanie: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – M., 2002.
3. Nelyubin, P.L. Fuljkrumih // Tolkovihyj perevodcheskiy slovarj. – M., 2003.
4. Psikhologicheskij slovarj / pod red. V.P. Zinchenko, B.G. Metheryakova. – M., 1997.
5. Lingart, I. Process i struktura chelovecheskogo umeniya. – M., 1970.
6. Yagodova, A.A. Principih lingvosociokuljturologicheskogo opisaniya yazhkovihkh edinic (na materiale gazetnihkh zagolovkov): dis. ... kand. fil. nauk. – SPb., 2003.

Istochniki analiziruemogo materiala

1. Znaki prepiniya. Ehnciklopediya // Russkiy yazhik. – M., 1997.
2. Argumentih i faktih. – 2014. – № 5(1734).

Статья поступила в редакцию 29.04.14

УДК 81-26

Toujani Bader. USING THE PRAGMALINGUISTIC AND LINGUISTIC COMPETENCE FOR LEARNING RUSSIAN SOCIOCULTURAL INFORMATION BY FOREIGN STUDENTS (WITH THE REFERENCE TO MEDIA TEXTS). The article is focused on the use of pragmalinguistic and linguistic competence to expand sociocultural knowledge of foreigners, who study Russian by using materials of newspaper media texts.

Key words: pragmalinguistic competence, linguistic competence, sociocultural knowledge, foreigners, learning Russian.

Тужани Бадер, аспирант Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, г. Бежа (Тунис) E-mail: badertoujani@gmail.com

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ И ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ДЛЯ УСВОЕНИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ ИНОСТРАННЫМИ СТУДЕНТАМИ (НА МАТЕРИАЛЕ МЕДИАТЕКСТОВ)

Статья посвящена проблеме использования прагмалингвистической и лингвистической компетенции для расширения социокультурных знаний иностранцев изучающих русский язык на материале газетного медиатекста.

Ключевые слова: прагмалингвистическая компетенция, лингвистическая компетенция, социокультурные знания, иностранцы, изучение русского языка.

В последнее время активное развитие получило такое направление лингводидактики как медиавидеодактика. Этим термином обозначается использование современных масс-медиа (СМИ) при обучении иностранным (в том числе русскому) языкам.

Ключевым понятием в медиавидеодактике является медиатекст. В современной лингвистике, насколько можно судить, до сих пор не существует общепринятого понимания термина «текст». Вполне приемлемым для нашего аспекта рассмотрения представляется такое например определение: «Текст (от лат. textus – ткань, сплетение, соединение) – объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» [1, с. 507].

Медиатекст является коммуникативным продуктом медиаространства. В этом пространстве функционирует совокупность разнообразных текстов и иных семиотических форм.

Предметом данной статьи является прессовидеодактика (точнее прессолингводидактика), т.е. раздел лингводидактики, разрабатывающий проблемы использования газетных медиатекстов в преподавании РКИ. Вообще прессовидеодактика РКИ имеет вполне продолжительную историю, обзор которой представлен в публикациях А.В. Онкович (см., например: [2, с. 87-95]). В нашей статье мы хотим обратить внимание на ряд моментов, которые не получили достаточного отражения в современной методической литературе.

Понимание любого текста читателями (особенно иностранцами) предполагает сформированность интегрального соединения трёх компетенций – прагмалингвистической, лингвистической и, наконец, социокультурной. Все три компетенции включаются в качестве своеобразных звеньев в состав коммуникативной компетенции.

Первая компетенция – прагмалингвистическая – связана с адресатом текста, с наличием в его сознании фоновых знаний, с отношением адресата к общей теме текста. Лингвистическая компетенция предполагает понимание читателем основных структурных языковых характеристик русскоязычного газетного медиатекста, к числу которых относятся:

- общая структура текста;
- синтаксис на уровне строевых функциональных единиц – предложения и словосочетания;
- референция и дейксис.

Не будет преувеличением сказать, что самым трудным моментом для иностранцев с точки зрения понимания смысла отдельных текстовых единиц и смысла текста в целом является социокультурная информация. Часто учащийся РКИ не обладает необходимыми знаниями в той сфере, которую можно обобщено назвать «язык и культура». Недостаточный уровень сформированности социокультурной компетенции у иностранцев препятствует пониманию ими глубинных смыслов современной и традиционной русской культуры даже в случае понимания ими нормативных значений языковых единиц разных уровней.

автором информации;

– эмотивная модальность, то есть нацеленность текста на создание у реципиента резкого субъективного отношения к предложенному тексту [5, с. 115 – 130].

Оппозиция диктальности – модальность создаёт широкие возможности в сфере РКИ, поскольку позволяет объединять потенциал прагмалингвистической и лингвистической компетенции для расширения социокультурных знаний. Проиллюстрируем это положение тремя примерами газетных медиатекстов. Все примеры взяты из текущей российской прессы и представляют газетно-публицистический стиль.

Пример 1. Газетный текст, ориентированный на диктальность

«Сборная по хоккею с мячом вновь выиграла чемпионат мира. Тимур Ганеев.

Сборной России по хоккею с мячом удалось защитить свой чемпионский титул. На иркутском стадионе «Труд» россияне оказались сильнее своих извечных конкурентов – сборной Швеции – 3:2.

Шведы открыли счёт в дебюте встречи, однако спустя две минуты Петру Захарову удалось восстановить статус-кво, реализовав пенальти. Перед самым перерывом хозяева площадки вышли вперёд, отличился Сергей Ломанов. У соперников была возможность сразу же отыграться, но Кристофер Эдлунд не смог реализовать пенальти.

После перерыва шведы всё-таки /сравнили счёт/, гол записал на свой счёт Патрик Нильсон. На площадке шла /ожесточенная борьба/, и обе команды имели по несколько голевых моментов. В итоге фортуна оказалась на стороне подопечных Михаила Юрьева. Победу россиянам принёс точный удар Евгения Иванушкина.

В самом конце игры шведы были близки к тому, чтобы перевести игру в дополнительное время, но вновь не смогли реализовать пенальти.

Эта победа стала восьмой в истории сборной России. Ранее чемпионский титул доставался нашей команде в 1999, 2001, 2006, 2007, 2008, 2011 и 2013 годах.

Третье место на турнире заняла сборная Казахстана, переигравшая хоккеистов из Финляндии (5:3).

Добавим, что главный судья финального матча финн Юхатами Канниайнен получил травму в ходе игры. В начале второго тайма арбитр упал на лёд, повредив колено, и был отправлен в больницу» [6].

В приведенном примере представлен образец чисто информационного текста, построенного по модели диктальной нарративности. Каждое начальное предложение абзаца, а также некоторые абзацы целиком в своей последовательности вполне могут служить материалом для пересказа или конструирования письменного упражнения в форме ролевой игры «Репортаж о спортивном событии». Самый тщательный анализ лексико – фразеологического аспекта текста показывают полное отсут-

ствие оценочной стилистики и соответственно вышеуказанных модусных характеристик.

Но если посмотреть с прагмалингвистической точки зрения, то многие иностранцы будут удивлены, что наряду с более или менее привычным хоккеем с шайбой существует ещё и хоккей с мячом, который иногда называют русским хоккеем.

Для диктальных текстов газетного стиля характерно употребление стереотипных словосочетаний, которые могут использоваться в качестве опорных точек при чтении текстов (такие конструкции в приведённом выше тексте подчеркнуты)

Пример 2. «Всё полезно, что в рот полезло»

В советское время любое сообщение о вреде продукта означало одно – будет дефицит. И народ бежал скупать «белую смерть»: сахар и соль, «холестериновые мешки» – яйца, а о покупке «чёрной смерти» – кофе – мог только мечтать. Ныне эта примета устарела, но сообщений об уничтожающих организм свойствах продуктов стало даже больше. Если следовать такого рода советам, то питаться вредно, а жить – смертельно вредно.

Между тем большинство продуктов как раз и составляют основу жизни, ибо только с ними мы и получаем все необходимые организму вещества. Если что и вредно, так это разного рода консерванты и добавки. Особенно критики оказались беспощадны к сливочному маслу и кетчупу. Хотя без сливочного масла замедляется процесс обновления клеток, и человек стареет раньше.

Если продукт натуральный, то он ещё и полезный. Надо просто знать, что покупать. В том же кетчупе Heinz нет ничего, кроме обработанных томатов, специй и натурального уксуса. Зато есть ликопин – мощнейший природный антиоксидант, который помогает предотвратить возникновение рака, сердечнососудистых заболеваний, остеопороза, атеросклероза и болезни Альцгеймера. Так что кушайте на здоровье – полезно для жизни» [7].

Текст примера 2 – полная противоположность тексту примера 1. Установка на модусность начинается с заголовка, где использован известный афоризм. Затем следует оценочное напоминание о прошлом, а также стереотипы того времени: «дефицит», «белая смерть», «холестериновые мешки», «чёрная смерть» (строки 3 и 4). В качестве опорных текстовых точек выступают модусно-окрашенные конструкции: «если что и вредно, так это...», «надо просто знать, что покупать», «зато есть ликопин», «кушайте на здоровье».

Работу по учебной интерпретации текста следует начать с его информационного аспекта. При этом можно опираться на лексику с нейтральным значением: «консерванты, добавки», «кетчуп», «антиоксидант» и другие. После этого можно переходить к модусным аспектам текста. В результате неизвестные иностранцу социокультурные реалии станут для него понятными, произойдёт их осмысление.

Библиографический список

1. Николаева, Т.М. Текст / Лингвистический словарь. – М., 1990.
2. Онкович, А. Медиадидактика. Масс-медиа в учебном процессе по русскому языку как иностранному. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing, 2013.
3. Баранцев, Р.Г. Синергетика в современной естествознании. – М., 2003.
4. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М., 1955.
5. Артунова, Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. – М., 1988.
6. Известия. – 2014. – № 18(29018).
7. Аргументы и факты. – 2014. – № 3(395).

Bibliography

1. Nikolaeva, T.M. Tekst / Lingvisticheskiy slovarj. – M., 1990.
2. Onkovich, A. Mediadidaktika. Mass-media v uchebnom processe po russkomu yazhku kak inostrannomu. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing, 2013.
3. Barancev, R.G. Sinergetika v sovremennoj estestvoznanii. – M., 2003.
4. Balli, Sh. Obshaya lingvistika i voprosih francuzskogo yazhka. – M., 1955.
5. Artunova, N.D. Tipih yazhikovihkh znachenij. Ocenka. Sobihtie. Fakt. – M., 1988.
6. Izvestiya. – 2014. – № 18(29018).
7. Argumentih i faktih. – 2014. – № 3(395).

Статья поступила в редакцию 29.04.14

УДК 811.512.153

Chebochakova I.M. DESIGNATION OF JOY IN THE KHAKASS LANGUAGE. Joy is one of basic emotions of a man, along with astonishment, sad, anger, fear, contempt and shame. In this article such words, denoting joy in the Khakass language, are under a special consideration. The words *jipči* and *jpinic* are analyzed in terms of their etymology, structure and semantic specific features.

Key words: Khakass language, designation of an emotion, joy, etymology, word formation, semantic peculiarities.

И.М. Чебочакова, канд. филол. наук, ст.н.с. сектора языка ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ»,
г. Абакан, E-mail: irina.chebochakova@mail.ru

ОБОЗНАЧЕНИЯ РАДОСТИ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

Радость является одной из базовых эмоций человека, наряду с удивлением, печалью, гневом, страхом, презрением, стыдом. В статье рассматриваются слова, обозначающие радость, в хакасском языке. Слова *јрчі* и *јрініс* анализируются с точки зрения их этимологии, структуры, семантических особенностей.

Ключевые слова: хакасский язык, обозначение эмоции, радость, этимология, словообразование, семантические особенности.

Радость является одной из базовых эмоций человека, наряду с удивлением, печалью, гневом, страхом, презрением, стыдом. Людям свойственно испытывать эмоции независимо от их языка и национальной принадлежности, но выражение этих эмоций, их значение и направленность имеют свою культурную специфику, что находит отражение в языке. В современной лингвистике весьма высок интерес к обозначениям эмоций, особенно в рамках когнитивной парадигмы. Как пишет В.И. Шаховский, попадая в одну и ту же ситуацию, представители разных культур необязательно чувствуют и ощущают себя одинаково, и как результат, варьируются эмоции и предпосылки, их вызывающие [1, с. 21]. В настоящей статье рассматриваются слова *јрчі* (вариант - *јрчи*) и *јрініс*, обозначающие радость, в хакасском языке. Слова *јрчі* и *јрініс* являются единицами семантического поля с архисемой «эмоция». Они рассматриваются нами с точки зрения их этимологии, структуры, семантических особенностей.

В хакасском языке два существительных, обозначающих радость. Это *јрчі* 'радость' и *јрініс* 'радость, веселье, ликование'. Как мы видим, значение слова *јрініс* шире. От них образованы прилагательные *јрчілбе* 'радостный, жизнерадостный, веселый', *јріністіг* 'радостный, веселый, доставляющий радость'. Существуют также парные слова с рассматриваемым компонентом *јрініс-чобаи* 'собираю, переживаю; и радость, и горе', *јрініс-пичел* 'переживаю, радость и печаль'. Компоненты парных слов являются антонимами по отношению друг к другу. Возможно, что диахронно существительное *јрчі* имеет общее происхождение со словами *јркі* 1) 'верхний, находящийся вверху'; 2) 'верховный'; 3) 'всевышний'; *јрлірге* 1) 'подниматься вверх, набирать высоту'; 2) 'подниматься, всходить (о солнце)' и *јр* 'вверх, наверх'. Слово *јрініс* произошло от глагола *јрін* = 'радоваться, веселиться, ликовать', который исторически является формой возвратного залога.

Путем анализа выражений хакасского языка, при помощи которых описываются ситуации, характеризующие эмоцию радости у людей, установлено, что радость может выражаться через улыбку, смех, двигательную активность, легкость в теле, покраснение кожи, свечение изнутри и т.д. Видимо, эти особенности можно трактовать как имеющие широкое распространение в языках мира [2]. Приведем примеры.

Улыбка и смех

Эмоция радости вызывает улыбку и смех, мимические изменения: *Анда оолаиасха кјріңче пабазының күрең сырайы, јрче азыл париан ахсының аппаиас тістері, ідік ырыснаң толпеан хал-хара харахтары* (АТ 40, 21) – Тогда мальчику видно загорелое лицо отца, белые зубы в раскрытом от радости рту и черные-черные глаза, полные счастья. *Јрінізінеу ахсы чабылбича* 'его рот не закрывается от радости'.

Двигательная активность и легкость в теле

В.А. Успенский, сравнивающий *радость* в представлении русского языка с легкой жидкостью, пишет: «По-видимому, она легче воздуха: человек от радости испытывает легкость, идет, не чуя земли под ногами, парит и, наконец, улетает на седьмое небо» [3]. Идея легкости и «отрыва от земли» описывается в хакасском языке так: *Јрінізі пу чир нимес* 'радость его не на этой земле', *азах алтында чир пілдірбинче // сизінминче* 'не ощущается // не чувствуется земля под ногами', *азаа нишк кјдірілче* 'его нога легко поднимается'; *Тимір чолхыларни осхас хара шинельхек кизірт пирген. Іди тонан салаианда, азаа даа чирге теңминче јріңгенінең* (АТ 29, 124) – Он надел на него черную шинельку, как у железнодорожников. Когда он так оделся, от радости перестал ощущать земли под ногами (букв.: его нога не задевает землю от его радости).

Покраснение кожи

Покраснение кожи находит отражение в таких выражениях хакасского языка, как: *сырай // наах хызарча* 'лицо // щеки краснеют' (связывается с повышением кровоснабжения); *Аныу істіңдегі туюх јрінізі наахтарында хызыл пулиах ханнау та-мыла тескен – Ее внутренняя скрытая радость зажалась здоровой кровью на щеках* [КН 1983, 137].

Увеличение частоты сердцебиения

В естественных языках активность сердца связывается не только с радостью, но и с другими эмоциями. Сердце (наряду с душой и пр.) – это орган, традиционно рассматриваемый в языке как одно из вместилищ эмоций. В хакасском языке немало выражений со словом *чярек*, могущих означать симптомы не только радости, но и эмоций типа волнения, возбуждения и даже страха: *Че кем аны сизінче, паарсалча, ол аиаа прай чүреехеең чаың килче* (АТ 38, 73) – Но кто это знает, она идет к тому всем сердцем; *Чүректе јрініс полиан* (ХЧ, 163) – В сердце была радость; *Че, андаида, Аннахаам, минің кирі чүреемні кігелет пирдек* (ХЧ, 244-245) – Ну тогда, Аннушка, порадууй мое старое сердце. Сердце обладает способностью притягивать к себе радость: *Ноиа-да чеееңе јрініс тартылиан* – Почему-то сердце радостью наполнялось (букв.: его сердцу притягивалась радость) [ИК 1989, 191]. Ср.: *черек хайналча* 'злиться (букв.: сердце кипит)'. Скрытую зооморфную метафору (конь → сердце человека), вероятно, можно выявить в следующем примере: *Черек туулапча, хайдаи-да чарых јрініс тубанында сабылып – Сердце бьется (букв.: брыкается), бьется в каком-то светлом тумане радости* [АХ 1984, 157]. Метафора «человек → сердце» реализована в следующем примере: *Хыстыу сіліиң алианда, хысхыра чеееңе јріңче* – Сердце кричит от радости, что самую красивую девушку взял в жены [МК 1982, 156].

Эмоция радости может наполнять грудь и поднимать ее: *Кјксіне јрініс тол париан* – Грудь ее наполнила радость [ИК 1989, 10]; *Аглонануу кјксі хайдаи-да ізіг-ізіг јрініске кјдіріл килген* – У Аглоны грудь от какой-то горячей радости поднимается [КН 1983, 24].

Свечение изнутри

Радость (как и некоторые другие эмоции) может локализоваться в груди, внутренних органах, глазах, мыслях и освещать их. Наш материал позволил выделить такие примеры: *істі чаририа* 'приходить в хорошее настроение; радоваться' (букв.: нутром светиться); «У-у, хайдаи тадылиу» – *оолаиастыу пірікі самнах оортабысхан соонда сырайыхаиу јрчіліг чари тескен* – «У-У, как вкусно» – мальчик радостно улыбнулся (букв.: его лицо радостно осветилось), попробовав одну-две ложки горячего бульона [АХ 1984, 16]; *Сын істімнең јріңгебін, газетадаң піліп алып* (АТ 31, 79) – Я радовался (букв.: радовался настоящим нутром), узнав (об этом) из газеты; *Кјріңче, харахтары јрчіліг чылтыунасча* – Видно, что глаза светятся от радости [АХ 1984, 167].

Радость также может вызывать слезы: *Јрініске хараа сууланча; Јріңгенге харах чазы сыиара чачырапча, черек удаа-удаа сабылча – От радости слезы брызжут из глаз, сердце все чаще и чаще стучит* [ХП 1949, 37].

Рассмотренный материал позволяет сделать вывод о том, что эмоция радости, выраженная средствами языка, «поднимает радующегося человека над поверхностью земли», делая его легче воздуха. К локализаторам данной эмоции можно отнести мысли, глаза, нутро, сердце, грудь. Она может вызывать свечение человека и его отдельных органов, а также изменение их работы.

Библиографический список

1. Шаховский, В.И. Эмоциональные культурные концепты: параллели и контрасты // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград, 1996.
2. Рудерман, М.В. Русские и арабские симптоматические выражения, обозначающие радость [Э/п]. – Р/д: <http://www.dialog-21.ru/digest/archive/2002/?year=2002&vol=22724&id=7372>
3. Успенский, В.А. О вещных коннотациях абстрактных существительных [Э/п]. – Р/д: http://pcs.math.msu.su/~uspensky/journals/siio/35/35_07USPEN.pdf

Bibliography

1. Shakhovskiy, V.I. Ehmocionaljnihe kuljturnihe konceptih: paralleli i kontrastih // Yazhikovaya lichnostj: kuljturnihe konceptih. – Volgograd, 1996.
2. Ruderman, M.V. Russkie i arabskie simptomaticheskie vihraszeniya, oboznachayuthie radostj [Eh/r]. – R/d: <http://www.dialog-21.ru/digest/archive/2002/?year=2002&vol=22724&id=7372>
3. Uspenskiy, V.A. O veshnih konnotatsiyakh abstraktnihk suthestviteljnihk [Eh/r]. – R/d: http://pcs.math.msu.su/~uspensky/journals/siio/35/35_07USPEN.pdf

Статья поступила в редакцию 29.04.14

УДК 811.512.153

Chebochakova I.M. WORDS УДИВЛЕНИЕ И ТАУНАС (ASTONISHMENT) IN THE RUSSIAN AND THE KHAKASS LANGUAGES: PREVIEW. In this work the comparison of the words *удивление* and *таунас* that mean 'astonishment' in the Russian and Khakass languages in terms of their etymology and syntagmatics is performed. It is made within a framework of a relevant to the region theme of interlanguage comparison. The difference in the way of how the inner form of these nouns formed and the specific features of the word-formation of *таунас* in the Khakass language are determined.

Key words: noun, comparative analysis, Russian language, Khakass language, etymology, word-formation, emotion of joy, nomination.

И.М. Чебочакова, канд. филол. наук, ст.н.с. сектора языка ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ», г. Абакан, E-mail: irina.chebochakova@mail.ru

СЛОВА УДИВЛЕНИЕ / ТАУНАС В РУССКОМ И ХАКАССКОМ ЯЗЫКАХ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР

В работе производится сравнение слов *удивление* / *таунас* в русском и хакасском языках с точки зрения их этимологии и синтагматики. Она выполнена в рамках актуальной для региона темы межъязыкового сопоставления. Выявлено различие в механизме формирования внутренней формы существительных, а также специфические особенности словообразования слова *таунас* в хакасском языке.

Ключевые слова: существительное, сопоставительный анализ, русский язык, хакасский язык, этимология, словообразование, эмоция радости, номинация.

В статье впервые для хакасоведения производится сравнение слов *удивление* / *таунас* в русском и хакасском языках с точки зрения их этимологии и синтагматики. Работа представляет собой введение в сложную, но актуальную для региона тему межъязыкового сопоставления. Республика Хакасия является поликультурным, многоязычным регионом с преобладанием носителей русского языка (86,66%), коренным населением здесь являются хакасы (12,15%). Поэтому сопоставление материалов двух неродственных, но контактирующих языков представляет научный интерес в условиях межкультурной коммуникации.

Репрезентация эмоций в языке занимает многих лингвистов. Выделяется несколько подходов к решению данной проблемы. Смысловой подход описания эмоций в языке предполагает представление эмоций через прототипические ситуации, в которых они возникают (А. Вежбица [1]). Метафорический подход подразумевает сравнение эмоции с похожими на нее явлениями, знакомыми адресату [2]. Так, ряд ученых (В.Н. Телия [3], М.В. Пименова [4], Е.А. Пименов [5] и др.) исследует вторичные, переносные значения слов, обозначающих эмоции. Системно-классифицирующий подход к описанию эмотивной лексики предполагает выделение функционально-семантических классов слов (Л.Г. Бабенко [6]), синтаксических моделей со значением психического состояния (С.Н. Цейтлин, Л.М. Васильев и др.). Эмоции также изучаются с позиций когнитивной лингвистики. В России исследованию эмоций и их изображению в языке посвящены труды Л.Н. Иорданской [7], Ю.Д. Апресяна [8], В.Ю. Апресян [9] и др. В.И. Шаховский разрабатывает концепцию лингвистики эмоций [10, 11].

Эмоция удивления психологами относится к числу интеллектуальных эмоций: «специфических переживаний, возникающих у человека в процессе мыслительной деятельности» [12,

с. 210]. К. Изард полагает, что удивление нельзя назвать эмоцией в собственном смысле этого слова, так как оно не обладает тем набором характеристик, которые присущи таким базовым эмоциям, как радость или печаль. Мимическое выражение удивления: брови высоко подняты, из-за чего на лбу появляются продольные морщины, а глаза расширяются и округляются. Приоткрытый рот принимает овальную форму [13, с. 112].

Слово *удивление* в русском языке связано своим происхождением со словом *диво*. Оно, согласно М. Фасмеру, имеет следующую этимологию: димво укр. димво, ст.-слав. дивъ (Клоц.), также диво, род. п. дивесе, им. мн. дивеса (Син. Пс.), болг. димвен «чудесный», сербохорв. диван, чеш. div, польск. dziw «чудо», в.-луж. dzmīw – то же, н.-луж. zmīw – то же [14].

Слово *удивление* в толковых словарях трактуется как впечатление от чего-н. неожиданного и странного, непонятного. *Вне себя от удивления. Смотреть с удивлением. К всеобщему удивлению* (так, что все удивлены). На удивление (разг.) – о ком-чём-н. удивительном (во 2 знач.). *Яблоко в этом году на удивление* (т.е. очень много). *На удивление беззащитен кто-н.* [15].

Синонимический ряд *удивления* в русском языке: *удивление и изумление. Удивление* – доминанта данного синонимического ряда.

В хакасском языке значение 'удивление' передается словом *таунас* 'удивление, изумление'. Синонимический ряд: *таунас, хайхас* 'удивление, изумление', *чапсыс* 'удивление', *чапсыхтаныс* 'удивление (например, чему-н. новому)', *ерегіс* 'изумление в крайней степени'. Доминанта – стилистически нейтральное слово *таунас*. Оно образовано от образоподражательного слова *тау*, которое передает мимическую характеристику удивленного человека. Слова, входящие в данный синонимический ряд, могут сочетаться друг с другом, образуя пар-

ные слова с собирательным значением, например, *таунас-хай-хас* собир. 'удивительное, невероятное'.

Выражение удивления на лице реализуется в следующих сочетаниях:

– рус. *делать большие/круглые глаза, открыть / раскрыть / растянуть / разинуть рот / варежку, челюсть отвалилась, лицо вытянулось*; хак. *харах улуу кјр*= (букв.: смотреть большим глазом), *аас ас*= (рот раскрыть), *сырайы тарт*= (лицо стянуть), *ала ас*=.

Эмоция удивления выражается при помощи глаз: *Он поворотился так сильно в креслах, что лопнула шерстяная материя, обтягивавшая подушку; сам Манилов посмотрел на него в некотором недоумении* (НГ, с. 148). *Почтмейстер тоже отступился и посмотрел на него с изумлением, смешанным с довольно тонкой иронией* (НГ, с. 67). Хак. *таунаснау кјрегге* 'смотреть с удивлением'; *харахтарында таунас кјринген* 'в его глазах было удивление'. *Ниске харааастарында ярягис тее, сауысырас таа чох полиан* (ХТ, с. 47) – В его узких глазках не было ни удивления, ни заботы.

Удивление вызывает движения головы: *качать/трясти/мотать головой, наклонять голову набок/вбок/к плечу*, хак. *пас чайхири*.

Поза: *Он остоленел от удивления*. Хак.: *Ихе кизи ах-тик ле, ала ас парып турыбысхан* (АТ 40, 22) – Мать растеряна, застыла в удивлении.

Библиографический список

1. Вежицка, А. Язык. Культура. Познание. – М., 1997.
2. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М., 2008.
3. Телия, В.Н. Типы языковых значений: связанное значение слова в языке. – М., 1981.
4. Пименова, М.В. Особенности репрезентации концепта чувство в русской языковой картине мира // Мир человека и мир языка. – Кемерово, 2002.
5. Пименов, Е.А. Концепты эмоций // Язык. Этнос. Картина мира. – Кемерово, 2003.
6. Бабенко, Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. – Свердловск, 1989.
7. Иорданская, Л.Н. Лексикографическое описание русских выражений, обозначающих физические симптомы чувств // Машинный перевод и прикладная лингвистика. – М., 1972. – Вып. 16.
8. Апресян, Ю.Д. Синонимический ряд ЗАМЕРЕТЬ 1.1, ЗАСТЫТЬ 2.1, ОСТОЛБЕНЕТЬ, ОЦЕПЕНЕТЬ 1, ОКАМЕНЕТЬ 2 / Ю.Д. Апресян [и др.]. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. – М., 2000.
9. Апресян, В.Ю. Метафора в семантическом представлении эмоций // Ю. Д. Апресян. Избранные труды. – М., 1995. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография.
10. Шаховский, В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж, 1987.
11. Шаховский, В.И. Лингвистическая теория эмоций. – М., 2008.
12. Ильин, Е.П. Эмоции и чувства. – СПб., 2008.
13. Изард, К. Психология эмоций. – СПб., 2000.
14. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка [Э/р]. – Р/д: <http://www.slowari.ru>.
15. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка. – М., 2004.

Bibliography

1. Vezhbicka, A. Yazihk. Kuljtura. Poznanie. – M., 1997.
2. Lakoff, Dzh. Metaforih, kotorihmi mih zhivem / Dzh. Lakoff, M. Dzhonson. – M., 2008.
3. Teliya, V.N. Tipih yazihkovihkh znachenij: svyazannoe znachenie slova v yazihke. – M., 1981.
4. Pimenova, M.V. Osobennosti reprezentacii koncepta chuvstvo v russkoj yazihkovoj kartine mira // Mir cheloveka i mir yazihka. – Kemerovo, 2002.
5. Pimenov, E.A. Konceptih ehmocij // Yazihk. Ehtnos. Kartina mira. – Kemerovo, 2003.
6. Babenko, L.G. Leksicheskie sredstva oboznacheniya ehmocij v russkom yazihke. – Sverdlovsk, 1989.
7. Iordanskaya, L.N. Leksikograficheskoe opisanie russkikh vihrzhenij, oboznachayutikh fizicheskie simptomih chuvstv // Mashinnihj perevod i prikladnaya lingvistika. – M., 1972. – Vihp. 16.
8. Apreyan, Yu.D. Sinonimicheskiy ryad ZAMERETJ 1.1, ZASTITJ 2.1, OSTOLBENETJ, OCEPENETJ 1, OKAMENETJ 2 / Yu.D. Apreyan [i dr.]. Novihj objhyasnitelnihj slovarj sinonimov russkogo yazihka. – M., 2000.
9. Apreyan, V.Yu. Metafora v semanticheskom predstavlenii ehmocij // Yu. D. Apreyan. Izbrannihe trudih. – M., 1995. T. II. Integraljnoe opisanie yazihka i sistemnaya leksikografiya.
10. Shakhovskij, V.I. Kategorizaciya ehmocij v leksiko-semanticheskoy sisteme yazihka. – Voronezh, 1987.
11. Shakhovskij, V.I. Lingvisticheskaya teoriya ehmocij. – M., 2008.
12. Iljin, E.P. Ehmocii i chuvstva. – SPb., 2008.
13. Izard, K. Psihologiya ehmocij. – SPb., 2000.
14. Fasmer, M. Ehtimologicheskij slovarj russkogo yazihka [Eh/r]. – R/d: <http://www.slowari.ru>.
15. Ozhegov, S.I. Tolkovihj slovarj russkogo yazihka. – M., 2004.

Статья поступила в редакцию 30.04.14

УДК 821.161.1

Shunkov A.V. LITERARY DEVICES IN A DOCUMENTARY TEXT OF THE TRANSITION PERIOD (GREGORY KOTOSHIKHIN, "ABOUT RUSSIA DURING THE REIGN OF ALEXEI MIKHAILOVICH"). The article analyzes the literary nature of the monument of business writing style in the second half of XVII century for the first time. Gregory Kotoshikhin's essay is defined as a special composition in the development of Russian literature of the transition period. The composition in its form, belonging to the documentary writing, at the same time has features of literariness. The usage of traditional techniques of the ancient Russian literature and the modern literature, and the techniques,

belonging to Baroque, are clearly visible in the examples of the texts. Historical and literary, hermeneutical methods are used in analyzing the literary monument. The literary approach for studying the author's text of the second half of XVII century brings in new facts into earlier findings about the nature of the processes occurring in the Russian literature of the transition period. The results of the study presented in this article may be used in the practical work of philologists, culture specialists and professionals interested in the history of ancient Russian literature, its final stage of development.

Key words: Russian literature of the transition period, literature and document, secularization of Russian culture and literature, problem of genre in Russian literature.

А.В. Шунков, канд. филол. наук, доц., проректор по научной и инновационной деятельности Кемеровского гос. университета культуры и искусств, г. Кемерово, E-mail: alexandr_shunkov@mail.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРИЕМЫ В ДОКУМЕНТАЛЬНОМ ТЕКСТЕ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА (ГРИГОРИЙ КОТОШИХИН «О РОССИИ В ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА»)

В статье впервые анализируется литературная природа памятника деловой письменности второй половины XVII века. Сочинение Григория Котошихина определяется как характерное произведение в развитии русской литературы переходного периода. Произведение, по своей форме принадлежащее документальной письменности, в то же время обладает и признаками литературности. В приводимых текстовых примерах отчетливо заметно использование приемов как традиционных для древнерусской литературы, так и современных для эпохи барокко. При анализе книжного памятника применены историко-литературный, герменевтический методы исследования. Литературоведческий подход в изучении авторского текста второй половины XVII века дополняет новыми фактами ранее сделанные выводы о природе процессов, происходивших в русской литературе переходного периода. Результаты исследования, представленные в статье, могут быть использованы в практической работе филологов, культурологов, специалистов, интересующихся историей литературы Древней Руси, ее завершающим этапом развития.

Ключевые слова: русская литература переходного периода, литература и документ, секуляризация русской культуры и литературы, проблема жанра в русской литературе, литературная традиция и новаторство.

Григория Карповича Котошихина (Н¹1630–1667), подьячего Посольского приказа и автора известного сочинения «О России в царствование Алексея Михайловича» [3], можно назвать одним из ярких исторических персонажей эпохи переходного времени. Во время своей дипломатической службы он совершил ряд неблаговидных поступков (в том числе получение взятки от шведского эмиссара Адольфа Эмерса) и вынужден был бежать из России в конце лета 1664 года. С позиции официальной истории все это характеризует его как государственного преступника, который, руководствуясь корыстными мотивами, передавал секретную военную информацию шведам. С позиции же культурологической Григория Котошихина можно отнести к незаурядным личностям, представителям своей эпохи, имевшим собственную точку зрения на происходящие события, деятельным, щедро одаренным литературными способностями, позволявшими им давать точные характеристики своим современникам, определявшим ход истории. В этой плоскости биография самого Григория Карповича Котошихина (Ивана-Александра Селицкого, имя, которое принимает бывший подьячий Посольского приказа, попав в Польшу) предстает не менее интересным «романом», главным героем которого является типичный герой для своей эпохи – герой-авантюрист, скиталец, «блудный сын»¹.

XVII век в России, как неоднократно отмечалось в исследованиях, породил совершенно новый тип личности человека, отличающегося от средневекового. Тип личности, дерзнувшей заявить о своей самостоятельности и во взглядах, и в поступках. Подтверждением свободного волеизъявления человека переходной эпохи, не вписывающегося в привычные рамки средневековой традиции, как раз и могут служить не только литературные (книжные) герои (Фрол Скобеев, Савва Грудцын, безымянный молодец из «Повести о Горе-Злочастии», персонажи сатирических повестей и др.), аккумулирующие в себе общие черты «но-

вого человека» эпохи, но и реальные исторические персонажи, активно постигавшие мир во всем его разнообразии. Эпоха царя Алексея Михайловича во многом может быть названа прологом времени проведения кардинальных европейских реформ его сыном Петром I. Исторические же лица (как положительные, так и отрицательные с официальной, государственной точки зрения) этой эпохи являют собой определенные прототипы исторических персонажей Петровского времени.

Ряд биографических фактов из недолгой, но насыщенной неординарными событиями жизни Григория Котошихина позволяет видеть в нем воплощение уже не древнерусской концепции человека («раба Божия»), а личности, воспринимающей и оценивающей себя свободной от традиционных средневековых мировоззренческих основ, способной на совершение рискованных и авантюрных поступков, продиктованных личными интересами.

Бегство в Польшу, попытки добиться расположения короля Яна Казимира, скитание в Пруссии под новым именем, прибытие в Нарву, укрытие от розысков русских властей, на фоне всех этих событий переход из православия в лютеранство, наконец, бытовая ссора с хозяином дома, у которого Котошихин жил в Стокгольме, Даниилом Анастасиусом, приведшая к гибели последнего, и дальнейшая казнь самого беглеца – такова судьба известного бывшего русского чиновника, успевшего написать сочинение «О России в царствование Алексея Михайловича», в котором подробно изображены обычаи, нравы, устройство Московского государства. Таким образом, Григорий Котошихин волею судьбы оказался и в центре внешнеполитических событий, разворачивавшихся между Россией и Западом в 60-е годы XVII века, и главным героем банального сюжета, итогом которого стала смерть обманутого мужа от руки любовника жены, а затем и самого «ловеласа», раскаявшегося в своих грехах и сделавшегося набожным накануне собственной казни².

В то же время короткая жизнь Котошихина, как театральная пьеса, стремительно разворачивавшаяся на огромном европейском пространстве, демонстрирует новое восприятие человеком времени, в котором он живет, его желание преодолеть пространственные и временные барьеры. Подобное новое ми-

¹ Подробный биографический очерк о Григории Котошихине с опорой на два ранних издания сочинения (1840 и 1859 годов) содержится в предисловии к третьему изданию «О России в царствование Алексея Михайловича» [3, с. II–IX]. В этом же издании даны подробная история обнаружения рукописи памятника, а также дальнейшая история его изучения и публикации (с. IX–X). Современному читателю биографический материал о Григории Котошихине доступен благодаря статье в «Словаре книжников и книжности Древней Руси» [7, с. 186–190].

² «Перед смертью он (Котошихин. – А. Ш.) пожелал перейти в лютеранство, исповедался и причастился. По оценке посещавшего его в тюрьме человека, он дошел до чрезвычайной набожности» [5, с. 619].

роошущение, как известно, было порождено в эпоху русского барокко, и оно было присуще не одному Котошихину³. Чтобы почувствовать динамику жизни в России второй половины XVII века, можно, например, обратиться к эпистолярным сочинениям Алексея Михайловича, в которых он постоянно требовал от своих адресатов быстрого («тотчас не мешкая») решения вопросов, касающихся и внешней и внутренней политики, и повседневной жизни. В итоге, прочерченная фабула жизни Котошихина позволяет в нем самом увидеть тот тип героя, который был порожден временем и запечатлен литературой русского барокко. Герой, представляющий новую культурную парадигму жизни, смотрящий на мир и оценивающий его с новых позиций.

Барочной традиции принадлежит и сочинение Григория Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича», представляющее собой один из образцов документально-художественной литературы Древней Руси. Из справочных источников известно, что Котошихин написал свой труд в 1666–1667 годах [7, с. 188], находясь на службе в Государственном архиве в Стокгольме, в ведомстве канцлера Делагарди. Г.М. Прохоров предполагает, что именно канцлер и мог являться заказчиком сочинения: «28 марта 1666 г. после его (Котошихина. — А.Ш.) письменных жалоб на безделье и прошений о какой-нибудь службе ему было выплачено 150 талеров, и государственный канцлер граф Магнус Де ля Гарди, возможно, предложил ему создать подробное описание Московии. Этим эмигрант и занимался в течение более полутора лет, прожитых им в Стокгольме» [5, с. 619].

При первом знакомстве с сочинением Котошихина нельзя не обратить внимания на масштабность самого произведения, состоящего из 13 объемных глав, каждая из которых дает обстоятельные сведения о жизни в Московском государстве эпохи царя Алексея Михайловича. Опыт, приобретенный во время службы в Посольском приказе, позволил Котошихину составить документальное описание повседневной жизни человека (царя, боярина, дворянина и чиновных людей), а также основных церемониальных действий, ритуалов, существовавших в Москве второй половины XVII века, иллюстрирующее разные социальные слои русского общества. Уже в этом стремлении автора содержится одна из характерных черт, свойственных историко-литературной эпохе русского барокко, — стремление к созданию произведений объемного энциклопедического и мозаичного характера, позволяющих удовлетворить интерес человека в той или иной сфере. Таким образом, сочинение Котошихина вполне органично вписывается в литературный контекст эпохи, несмотря на исключительную, на первый взгляд, документальность книжного памятника. По своей природе оно близко стоит к стайным спискам XVII века, которые также создавались «по служебной необходимости с узко практической целью для определенного круга лиц» [4, с. 307]. Именно поэтому сочинение Котошихина, как и многие другие сочинения, относящиеся к разряду дипломатических, с одной стороны, имеют утилитарную природу документа, излагают основные сведения, которые будут полезны заинтересованным лицам. В этом случае автор должен быть предельно точен в изложении основных сведений, приводить только те факты, которые будут использованы в работе. С другой стороны, нельзя полностью обнулять творческие возможности автора-составителя документа, которые, безусловно, проявляли себя в процессе работы над текстом. В первую очередь здесь необходимо обратить внимание на такую сторону процесса, как авторское мировоззрение, воплощающееся в сочинениях любого рода (будь то литературное или документальное).

В исследованиях, посвященных литературе переходного периода, неоднократно отмечалось, что одной из отличительных ее особенностей становится проявление в книжных памятниках эпохи секуляризованного мировоззрения автора. Прежде всего, сочинение Котошихина (своеобразный «путеводитель»,

представляющий иностранцам подробное описание обычаев и нравов Москвы) демонстрирует абсолютно новый тип писателя, работающего на заказ и получающего за это вознаграждение. Как известно, этот тип писателя, уже в Петровскую эпоху, станет распространенным и будет активно поддерживаться самой государственной властью — основным заказчиком литературных сочинений. Одним из родоначальников этого типа писательства на Руси был именно Посольский приказ, из которого вышел и сам Григорий Котошихин. Как пишет А.Н. Ужанков, «монах или белец становится чиновником; писатель, сочиняющий по обету или внутреннему убеждению, сменяется грамотеем, пишущим по заказу или прямо «по указу»» [8, с. 227]. Для Котошихина такой подход к делу, судя по документально-биографическим свидетельствам, приведенным выше, был вполне приемлем. «О России в царствование Алексея Михайловича» — это ангажированное произведение, демонстрирующее в русской литературе новый тип писателя-западника, сторонника европейских взглядов, представителя переходного периода в русской литературе.

Кроме того, увидеть проявление авторского начала в документальном по своей природе тексте возможно, если постараться посмотреть на него с позиции того, какие приемы типизации используются автором-составителем. Л.А. Ольшевской и С.Н. Травникова отмечено, что документальным памятникам так же, как и имеющим литературный характер, свойственны свои формы типизации, «которые условно можно назвать по аналогии с художественной документальной типизацией» [4, с. 308]. Автор, составляя документ, не в праве привносить в него то, что не имеет отношения к реальности или является плодом его личного творчества. Но он может из обилия фактов отбирать те, которые отражают его субъективный взгляд на события, совпадают с его личными интересами. В итоге за фактами, вводимыми в документ, в их расположении, становится возможным разглядеть и позицию самого составителя (писателя-документалиста). По словам Л.А. Ольшевской и С.Н. Травникова, «авторское начало проявляется не только в отборе, но и в систематизации фактов: от воли писателя зависит то место, которое реальная жизнь займет в ряду других, ранее отобранных явлений действительности» [4, с. 308].

В связи с этим возникает вопрос, как проявляется авторское начало в сочинении Григория Котошихина? Прежде всего, обращает на себя внимание общая композиция произведения, расположение в ней глав, позволяющее последовательно ознакомиться с социальным иерархическим устройством русского общества второй половины XVII века и с теми законами, устоями, обычаями, традициями, на которых оно основано. В немногочисленной литературе, посвященной сочинению Котошихина, ранее было уже отмечено, что композиция произведения помимо того, что дает возможность охватить мир русской жизни в целом, несет на себе отпечаток барочной культуры, что, в свою очередь, говорит и об эстетических взглядах самого автора-составителя. И.П. Смирновым замечено, что «текст строится как нисходящая спираль, открываясь (если не считать краткого исторического вступления) рассказом о царской свадебной церемонии и завершаясь изложением свадебных обычаев «бояр, и ближних, и иных чинов людей»... Вслед за царскими ритуалами Котошихин последовательно воссоздает нормы, регулирующие отношение знати к самодержавной власти, дипломатические обычаи Московской Руси, систему управления государством, сословное членение нации... и заключает описание главами, посвященными торговле и домашнему быту. ... Таким образом, установку на изображение социального узуса и светских ритуалов Котошихин — в духе свойственной культуре барокко антиномичного мышления — сочетает с интересом ко всякого рода отступлениям от обычая..., а также к историческим эксцессам» [7, с. 188–189].

Свидетельством литературного начала в документальном тексте также могут быть и эмоциональная авторская выразительность, проявляющая себя в оценке описываемых исторических фактов, и привносимые в текст элементы беллетризации повествования, благодаря которым официально-деловой язык документа обретает эмоциональную окрашенность и публицистическое звучание. Такого рода фрагменты представлены уже в самом начале первой главы, в которую автор вводит рассказ о времени правления Ивана Грозного (у Котошихина он именуется Гордым) — первого венчанного на Руси царя. Первый эпизод содержит в себе краткое упоминание о присоединении Казанского, Астраханского, Сибирского ханств, что в конечном итоге и приводит к созданию централизованного русского госу-

³ Общеизвестно, что в истории Древней Руси имеются примеры, свидетельствующие о бегстве русских людей в Литву и Польшу. Наиболее известны имена, составляющие ряд «эмигрантов», — это монахи Кирилло-Белозерского монастыря Феодосий Косой, первый книгопечатник Иван Федоров, князь Андрей Курбский, монахи Гришка Отрепьев, еретик, сын А. Л. Ордина-Нащокина Воин. Однако, как считают историки, побег в Польшу совершали и много простых людей (о чем сохранились сведения в приказных документах). Таким образом, еще за столетие (и даже больше) до начала европеизации России, активно проводимой Петром I, Польша как пограничная славянская страна с Московской Русью уже играла роль «окна в Европу», через которое на Русь проникали идеи, увлечения, находившие поддержку среди московской знати.

дарства, укреплению самодержавной власти великого князя и дает начало истории Московского царства: «И съ того времени учинился онъ великий князь надъ Московскимъ государствомъ, и надъ тѣми взятыми царствы, и надъ прежними княжствы, царемъ и великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ всеа Русии, и таковымъ обычаемъ въ Російской землѣ началось царствованіе» (1).⁴

Обозначив точку отсчета истории Московского царства от времени Ивана Грозного (в этом можно увидеть прямую аналогию с русскими летописями), в дальнейшем автор дает краткую характеристику правления царя Ивана Васильевича. При всей лаконичности в этом небольшом по объему эпизоде присутствует стилистически окрашенная лексика, использованная автором при упоминании самого царя и характеризующая его как тирана: «Княжествовавше же той великий князь и потомъ царствова, правивше государство свое *въ ярости и во злобѣ сильнѣ* (курсив наш. – А. Ш.), тиранскимъ обычаемъ, и имѣя со окрестными государствомъ войну и розвратіе» (1). Далее автор прибегает к гиперболизации при изображении тиранства первого русского царя, правление которого было озаглавлено постоянным кровопролитием: «Когда жъ ему не случится быти со окрестными государствомъ въ розвратіи, и тогда плѣнилъ подданныхъ своихъ, единовѣрныхъ христіанъ, и многи мучительства надъ князи и бояры своими и простыми людьми показъ; понеже и сына своего смири на оный свѣтъ пробиша его ономъ своимъ, и единого митрополита повелѣ задушити подушкою» (1–2). Литературность приведенного фрагмента подтверждается содержащимся в нем мотивом физических мук, на которые царь обрекает своих подданных. Мотив, имеющий агиографические истоки и, как известно, являющийся сюжетобразующим для жития-мartyрия. Одновременно в этом же начальном эпизоде нельзя не заметить и традиционной для христианской книжной традиции антиномии: злодея (воплощенного в образе царя Ивана) и праведника, погибающего от руки тирана (в данном случае это не только многочисленные «князи и бояры», но и собственный сын Иван, и митрополит Филипп).

Антиномичность как литературный прием автором будет использована и в последующем рассказе о событиях, связанных с правлением Федора Ивановича и восхождением на российский престол Бориса Годунова. Своим смирением, кротостью, богобоязненностью Федор Иванович противопоставлен своему отцу-злодею – «зѣло тих и боголюбивъ, не таков, яко отецъ его» (2) и коварному Борису Годунову – «зломышленный бояринъ» (3). Котошихин, рассказывая о событиях прошлого, свидетелем которых он не являлся, прибегает к использованию устойчивых литературных «формул», хорошо известных ему. Одними из таких являются приемы агиографической традиции, ярко себя проявляющие в описании Федора Ивановича, царя-праведника, поступки которого сопоставимы с поведением святого в житии. Его тяготит бремя земной царской власти, поэтому он передоверяет ее своему боярину Борису Годунову, в то время как сам постоянно предается смирению и молитве. Абсолютно в традиции житийной литературы герой показан и далее, когда узнает о гибели царевича Дмитрия, проливая при этом потоки слез: «и очей своихъ ни на единъ часъ отъ слезъ не осушилъ» (2).

«Литературен» и образ Бориса Годунова, выступающего в роли героя-антагониста. Следуя агиографическому канону, Котошихин при создании образа героя вписывает его в известную ему книжную традицию. Все поступки, которые совершает Годунов, мотивированы его корыстными планами, продиктованными дьяволом: «Проклятый же и лукавый сотана, искони ненавидяй рода человѣча, возмути его разумъ: всѣмъ бо имѣніемъ, богатствомъ и честію исполнен, но еще несовершенно доволенъ, понеже житіе и власть имѣя царскую, славою жъ нѣтъ» (2). Здесь явно видна традиционная оппозиция героев, имеющая книжный характер. Один герой (законный царь), имея от природы власть, тяготеет к ней и готов принести ее на жертвенный алтарь во имя спасения души. Другой, наоборот, идет на преступление (с радостью, что еще больше очерняет образ Годунова и делает его литературным) ради обретения земной власти, которая ему не предназначена.

В приведенных примерах заметна еще одна важная тема, которую Котошихин вводит в самое начало своего сочинения.

Это размышление о природе власти, как известно, ставшее отдельным самостоятельным мотивом в публицистике Древней Руси. В небольшом начальном фрагменте, открывающем все сочинение, возможно уловить и отдельные смысловые оттенки этого мотива: законности и незаконности власти, расплаты за «воровство» царского престола, должного и недолжного использования монархом данной ему (от Бога или взятой самостоятельно) власти: «Каковымъ обычаемъ досталъ онъ (здесь имеется ввиду Гришка Отрепьев. – А. Ш.) себѣ царство вскорѣ и царствовалъ неистинно, и такова ему скоро смерть учинилась» (4).

В восьмой главе своего сочинения Котошихин, продолжая тему природы царской власти, объясняет смысл царского титула «всеа Великия и Малыя и Бѣлыя России самодержецъ», раскрывает значение каждой лексической единицы, входящей в именование и представление царя в официальных правительственных документах, особое внимание уделяя слову «самодержецъ». Чем это объясняется? Служба в Посольском приказе и исполнение поручений, непосредственное участие в дипломатических переговорах Котошихина не могли не развить в нем определенные способности, позволившие ему сделать свои собственные заключения относительно складывающейся в России при Алексее Михайловиче самодержавной формы правления. Он отмечает, что до Алексея Михайловича все русские цари, начиная с Ивана Грозного, были избираемы на царство, но при этом якобы давали обет «быть не жестоким и не палчивым, без суда и без вины никого не казнити ни за что и мыслити о всяких дѣлахъ з бояры и з думными людьми сопча, а без вѣдомости ихъ тайно и явно никакихъ дѣлъ не дѣлати» (141). При Алексее Михайловиче, как сообщает Котошихин, сложилась иная ситуация – царь стал единодержавным правителем, который «править по своей воли. И с кѣмъ похочетъ учинити войну и покой, и по покою что кому по дружбе отдати, или какую помощь чинити, или и иные всякіе великіе и малые своего государства дѣла похочет по своей мысли учинити, з бояры и из думныхъ людьми спрашиваетца о томъ мало: в его воле – что хочет, то учинити может. ... А отецъ его блаженныя памяти царь Михайло Федоровичъ хотя «самодержцемъ» писался, однако без боярского совѣту не мог дѣлати ничего» (142).

Отмеченная особенность, привнесенная автором в документальный по своей природе памятник, не является исторически подтверждаемым фактом и выполняет здесь сугубо «литературную» функцию. С ее помощью создается портрет царя, который отличает его от предшественников, придает ему индивидуальный облик. А это уже можно интерпретировать как привнесение в документ авторского начала, выражающего субъективную точку зрения на предмет изображения.

Субъективизм по отношению к тому, о чем пишет Котошихин, проявляется и в других моментах его труда. В ряде случаев он использует не точные исторические факты, которые необходимо было бы вписать в сочинение, призванное создать для иностранца целостное представление о Московской Руси, а доверяется слухам, противоречащим реальному положению дел. Так уже в первой главе Котошихин, рассказывая о семье царя Михаила Федоровича, дает ошибочные сведения о наличии у него двух сыновей: Алексея и Дмитрия. Однако среди 10 детей царя царевича Дмитрия, о котором Котошихин пишет, у него не было. Котошихин здесь ошибается, когда пишет о том, что царевича Дмитрия бояре намеренно отравили еще в детстве, увидев в нем проявляющиеся склонности к жестокости, тем самым обезопасив себя и государство в будущем от тирана: «второй Димитрій с младенческихъ лѣтъ велми былъ жесток, уродился нравомъ прадѣда своего, первого Московского царя. Людіе же роду великого и среднего, которые блиски приходятъ к царю и к царевичамъ, мысляше о немъ, что еще в младыхъ суще лѣтахъ зла творитъ много, понеже по смерти отца своего наипаче болше зла творити начнетъ, усмотривше времени часъ, упоиша его отравомъ; и оттого скончался, никто же о томъ домыслился, якобы пришелъ ему часъ смерти» (4–5).

⁵ В. В. Калугин пишет: «Эпистолярная техника предполагала имитацию диалога. Начиная с античных теорий стиля послание понималось «как бы одна из сторон в диалоге» и «письменная беседа отсутствующего с отсутствующим». В этом разговоре отправитель был рассказчиком, а адресат – слушателем» [2, с. 141].

⁶ Примером может служить послание царя, датированное 6 мая 1660 года и адресованное боярину В. Б. Шереметеву [1, с. 750–753].

⁴ Все цитаты в дальнейшем приводятся по изданию «О России в царствование Алексея Михайловича. Современное сочинение Григория Котошихина. Издание третье СПб., 1884» с указанием страницы в скобках.

Однако данный фрагмент, содержащий в себе сведения, не являющиеся исторически достоверными, имеет литературную ценность. Во-первых, здесь мы видим зеркальное повторение уже известного исторического сюжета (вошедшего в литературу и получившего распространение) о гибели царевича Дмитрия, сына Ивана Грозного. Во-вторых, это доказательство мысли, что Котошихин как автор своего текста не всегда следовал за фактом истории и позволял себе использовать материал, не имевший документальной природы. Подобные случаи в сочинении Котошихина встречаются не раз. Они в свое время уже были приведены в предисловии к первому изданию памятника (1840). Отмеченные ранее документально не подтверждаемые факты, вошедшие в сочинение Котошихина, с историко-литературной точки зрения демонстрируют если не проявление художественного вымысла, то, по крайней мере, активную позицию автора, не ограничивающего себя в использовании источников в процессе работы над текстом. Именно по этой причине рассматриваемый книжно-документальный текст презентует позицию его создателя, его отношение к выбранному объекту повествования, демонстрирует личное восприятие, понимание и объяснение явлений и процессов, происходивших в русском обществе второй половины XVII века.

В итоге, социальное устройство, повседневная жизнь как царя, так и простого человека, обычаи и нравы, культура становятся объектом рассмотрения для Котошихина. Находясь на удаленном расстоянии от России, будучи исключенным из кон-

текста национальной культуры, Котошихин смотрит на многие явления русской жизни и оценивает их со стороны, пытается дать детальное их описание и комментарий к ним. Этим, возможно, и обусловлено композиционное построение самой книги, где каждая глава имеет дробное членение на отдельные статьи, конкретизирующие моменты общего рассказа, выстраиваемого в отдельных моментах книги в форме диалога с предполагаемым собеседником. И опять-таки в этих случаях Котошихин органично вписывается в книжную традицию благодаря приему вопроса-ответа, использованному при построении повествования. Названный риторический прием можно встретить, например, в эпистолярном жанре, для которого была характерна установка на имитацию диалога⁵. Он имеется и в посланиях царя Алексея Михайловича⁶, что подтверждает хрестоматийность данного приема для жанра послания.

Таким образом, отмеченные в сочинении Григория Котошихина приемы, имеют литературное происхождение, что подчеркивает книжную образованность самого автора. А в масштабах историко-литературного процесса переходного периода подтверждает общую тенденцию развития деловой письменности во второй половине XVII века, для которой было характерно обращение к традиции литературных жанров, приводившее в конечном итоге к взаимопроникновению и взаимодействию в рамках одного произведения двух традиций, к разрушению границ между литературными жанрами и деловой письменностью.

Библиографический список

1. Записки отделения русской и славянской археологии. – СПб., 1861. – Т. 2.
2. Калугин, В.В. Андрей Курбский и Иван Грозный (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). – М., 1998.
3. О России в царствование Алексея Михайловича. Современное сочинение Григория Котошихина. – СПб., 1884.
4. Ольшевская, Л.А. «Шереметев – украшение России...» / Л.А. Ольшевская, С.Н. Травников // Путешествие по Европе боярина Б.П. Шереметева. 1697–1699. – М., 2013.
5. Прохоров, Г.М. Григорий Котошихин. О Московском государстве в середине XVII столетия // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. – М., 1989. – Кн. 2.
6. Севастьянова, С.К. «Умозрение» в облачении (к вопросу о богословско-антропологическом учении патриарха Никона) // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2013. – № 25.
7. Смирнов, И.П. Котошихин Григорий Карпов // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – СПб., 1993. – Вып. 3 (XVII век). – Ч. 2.
8. Ужанков, А.Н. О специфике развития русской литературы XI – первой трети XVIII века. Стадии и формации. – М., 2009.

Bibliography

1. Zapiski otdeleniya russkoy i slavyanskoy arkheologii. – SPb., 1861. – T. 2.
2. Kalugin, V.V. Andrey Kurbskiy i Ivan Grozniy (Teoreticheskie vzglyady i literaturnaya tekhnika drevnerusskogo pisatelya). – M., 1998.
3. O Rossii v carstvovanie Aleksey Mikhailovicha. Sovremennoe sochinenie Grigoriya Kotoshikhina. – SPb., 1884.
4. Olsheshevskaya, L.A. «Sheremetev – ukrashenie Rossii...» / L.A. Olsheshevskaya, S.N. Travnikov // Puteshestvie po Evrope boyarina B.P. Sheremeteva. 1697–1699. – M., 2013.
5. Prokhorov, G.M. Grigoriy Kotoshikhin. O Moskovskom gosudarstve v seredine XVII stoletiya // Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XVII vek. – M., 1989. – Kn. 2.
6. Sevastyanova, S.K. «Umozrenie» v oblachenii (k voprosu o bogoslovsko-antropologicheskome uchenii patriarkha Nikona) // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'turi i iskusstv. – 2013. – № 25.
7. Smirnov, I.P. Kotoshikhin Grigoriy Karpov // Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi. – SPb., 1993. – Vyp. 3 (XVII vek). – Ch. 2.
8. Uzhankov, A.N. O specifice razvitiya russkoy literatury XI – pervoy trety XVIII veka. Stadii i formacii. – M., 2009.

Статья поступила в редакцию 18.04.14

УДК 81.42

Yarygina Z.A. INTRODUCTORY, MODAL WORDS AS REPRESENTATIVES OF METAMEANINGS IN MODERN EDUCATIONAL TEXTS. The article deals with the role of introductory, modal words in modern educational texts on disciplines of social, humanitarian and natural sciences. A linguistic analysis is applied to the study of the largest group of these means, which are fixed as representatives of two selected metacomponents types – informative and intentional. The article reveals its formal grammatical and semantic characteristics, particular syntactic position in the sentence, which allows reviewing the basic functions of these means in educational texts. The article states that introductory, modal words of different morphological nature, which actualize metameanings within informative metacomponents, are united by general meaning of 'an indication of specific relationship between the scientific information' and are used mostly in educational texts on disciplines of natural sciences in functions of generalization, separation, clarification, etc.; verbal, introductory, modal means with the value of persuasiveness, which represent metameanings within intentional metacomponents, dominate in educational texts on disciplines of social, humanitarian, focus addressee attention on the whole sentence statement, at least part of it and point to absolutely reliable, probable or questionable information. Introductory, modal words functions are closely connected with communicative, pragmatical intensions within these two metacomponents types.

Key words: metastructure of text; metacomponents types; metameanings; textual modality; introductory, modal words.

З.А. Ярыгина, аспирант каф. русского языка и документалистики Волгоградского гос. университета, г. Волгоград, E-mail: korovinazoya@mail.ru

ВВодно-модальные слова как репрезентанты метатекстовых смыслов в современных учебных текстах

Статья посвящена исследованию роли вводно-модальных слов в современных учебных текстах по дисциплинам социально-гуманитарного и естественно-научного циклов. Лингвистическому анализу подвергается наиболее многочисленная группа данных средств, зафиксированных в качестве репрезентантов двух выделенных типов метакомпонентов – информативного и интенционального. Выявлены их формально-грамматические и семантические характеристики, особенности синтаксической позиции в предложении-высказывании, позволяющие обратиться к рассмотрению основных функций этих средств в учебных текстах. Установлено, что вводно-модальные слова разной морфологической природы, актуализирующие метасмыслы в рамках информативных метакомпонентов, объединены общим модальным значением «указание на определенную связь между научными сведениями» и используются преимущественно в учебных текстах естественно-научного цикла в функциях обобщения, выделения, уточнения и др.; отадвербиальные вводно-модальные средства со значением «персуазивность», репрезентирующие метасмыслы в рамках интенциональных метакомпонентов, преобладают в учебных текстах социально-гуманитарного цикла и акцентируют внимание адресата на всем предложении-высказывании, реже его части, указывая на достоверную, вероятную или сомнительную информацию. Функции вводно-модальных слов тесно связаны с выделенными коммуникативно-прагматическими установками в рамках двух указанных типов метакомпонентов.

Ключевые слова: метаструктура текста, типы метакомпонентов, метасмыслы, модальность текста, вводно-модальные слова.

Учебный текст обычно определяется исследователями как разновидность научных текстов (М.П. Котурова, Е.С. Троянская, В.Е. Чернявская и др.), к отличительным чертам которых относятся понятийная точность, объективность, абстрагированность, лаконичность, логичность. Общеизвестно, что в тексте учебника доминирует объективная модальность (Н.М. Разинкина, М.П. Котурова и др.) и выявляются также репрезентанты субъективной модальности, определяемые большинством исследователей в качестве факультативных (Р.С. Аликаев, М.Н. Кожина, В.В. Одинцов и др.).

Как показал анализ исследуемого нами материала, средства субъективной модальности служат импульсом для реализации на всех уровнях учебного текста метасмыслов, которые создают «предпосылки для более глубокого осмысления прочитанного», позволяя реципиентам «выражать свою точку зрения на обсуждаемую в тексте тему», способствуют «лучшему запоминанию излагаемой в тексте информации» [1, с. 311].

Метатекстовая структура учебного текста, представляющая собой сложную иерархию смыслов, дополняющую семантику текста, анализируется нами на основе выделения метакомпонентов в соотношении с текстовыми категориями информативности, интенциональности и интертекстуальности. При этом разграничиваются три основных типа метакомпонентов: *информативные, интенциональные и интертекстуальные*, каждый из которых реализуется с помощью широкого набора языковых и текстовых, пунктуационных, графических и пространственно-композиционных средств [2].

Из 4000 единиц метатекстового уровня, выявленных в текстах учебников для школьников среднего и старшего звена 2000-х годов издания по дисциплинам социально-гуманитарного цикла (русскому языку, литературе, русской словесности, истории, обществознанию) и естественно-научного цикла (физике, географии, биологии), более 1400 единиц составляют вводно-модальные слова, которые позволяют отразить отношение автора и адресата к информации. Они распределяются в отношении 58% : 42% в двух названных циклах. Употребление названных средств зафиксировано только в случаях реализации информативных и интенциональных метакомпонентов.

В процессе анализа массива фактов мы придерживаемся широкого подхода к интерпретации вводно-модальных слов [3], т.е. рассматриваем их как синтаксические производные от слов разных частей речи, а также от соединения слов самостоятельных и служебных частей речи. В соответствии с этим учитываются не только модальные слова со значением «персуазивность», но и такие единицы, как *во-первых, во-вторых, впрочем, значит, итак, например* и др., традиционно выступающие речевыми формулами организации текста. По нашему мнению, наличие большого количества таких средств в учебниках явля-

ется показателем позиции субъекта текста, позволяя ему отражать личное отношение к содержанию текста. Кроме того, в них содержится оценочность в самом широком плане, т.е. отношение как к тексту, так и к адресату текста. Важным основанием для признания перечисленных элементов репрезентантами субъективной модальности является их связь в контексте с категорией имперсональности, под которой в лингвистике обычно понимается обозначение безличности [4, с. 60]. Это связано с намеренным устранением субъекта текста для создания определенной свободы в восприятии и понимании текста.

Следующие вводно-модальные слова актуализируют метасмыслы 1) в рамках информативного типа: *во-первых, во-вторых, в-третьих, в-четвертых* (вносят метасмыслы 'в качестве первого (и главного), второго, третьего, четвертого назовем'), *наконец* ('наконец скажем'), *кроме того* ('уточним сказанное, добавив'), *впрочем, правда* ('уточним сказанное, добавив нечто иное'), *в частности* ('уточним сказанное, на чем-либо особенно акцентируя внимание'), *например, скажем* ('поясим сказанное, конкретизируя'), *значит, итак* ('обобщим сказанное, сделав вывод'), *следовательно* ('из сказанного следует'), *как известно* ('все мы знаем, что'), *наоборот, напротив, однако* ('противопоставим сказанное'); 2) в рамках интенционального типа: *безусловно, бесспорно, действительно, естественно, конечно, разумеется* ('мы абсолютно уверены в том, что'), *вероятно, возможно, наверное, очевидно, по-видимому, пожалуй* ('мы предполагаем, что'), *кажется (казалось / казалось бы)* ('мы предполагаем и сомневаемся в том, что'), *как правило* ('оценим степень общности').

Для выяснения их роли в качестве репрезентантов метатекстовых смыслов в современных учебных текстах исследование целесообразно начать с анализа морфологической природы. Наличие у вводно-модальных слов черт определенных частей речи позволяет разграничивать пять основных групп: 1) отадвербиальные: *наоборот, напротив, следовательно, безусловно, бесспорно, вероятно, возможно, действительно, естественно, конечно, очевидно*; 2) отыменные: а) застывшие формы прилагательных: *наверное, по-видимому*, б) прилагательных-числительных: *во-первых, во-вторых, в-третьих, в-четвертых*, в) существительных: *например, правда*; 3) отглагольные: *значит, скажем, кажется (казалось/казалось бы), пожалуй, разумеется*; 4) образованные от соединений слов самостоятельных и служебных частей речи: *впрочем, итак*; 5) имеющие 2 пути образования: *так* (от наречия и от частицы), *наконец* (от наречия и в результате слияния существительного с предлогом), *однако* (от прилагательного через союз). Предлагаемую группировку считаем открытой, и дополнения к ней возможны при выявлении новых сведений о морфологической природе исследуемых единиц.

Таблица 1

Формально-грамматическая и семантическая классификация вводно-модальных слов
в современных социально-гуманитарных и естественно-научных учебных текстах (в %)

Типы метакомпонентов	Значения вводно- модальных слов Грамматическая характеристика вводно-модальных слов	Учебные циклы			
		Социально-гуманитарный		Естественно-научный	
		Указание на определенную связь между научными сведениями	Персуазивность	Указание на определенную связь между научными сведениями	Персуазивность
Информативный	Отадвербиальные	15,7	-	16,7	-
	Отыменные	28,8	-	35	-
	Отглагольные	4,7	-	5	-
	От соединений слов	4,5	-	5	-
	2 пути образования	6	-	8	-
	Всего	59,7	-	69,7	-
Интенциональный	Отадвербиальные	-	32,7	-	26,2
	Отыменные	-	1,6	-	0,8
	Отглагольные	-	6	-	3,3
	От соединений слов	-	-	-	-
	2 пути образования	-	-	-	-
	Всего	-	40,3	-	30,3
Итого		100		100	

По семантическому признаку нами выделяются несколько групп рассматриваемых языковых единиц; определена следующая их роль в тексте: 1) передача различных смысловых отношений между научными сведениями: а) уточнение; б) обобщение, вывод; в) следствие; г) порядок изложения информации; д) сопоставление или противопоставление; 2) выражение персуазивности: а) полной уверенности; б) предположения; в) предположения+сомнения.

Как видно из таблицы, информативные метакомпоненты реализуются в современных учебных текстах прежде всего с помощью отыменных вводно-модальных слов со значением указания на определенную связь между научными сведениями (28,8% в социально-гуманитарном цикле и 35% в естественно-научном). Среди них преобладают средства, уточняющие информацию и представляющие ее в определенном порядке (особенно в достаточно строго организованных текстах по физике и биологии): *Автоколебания отличаются от свободных колебаний тем, что, во-первых, они не затухают с течением времени и, во-вторых, их амплитуда не зависит от начального кратковременного воздействия* [5, с. 46].

Интенциональные метакомпоненты представлены абсолютным большинством отадвербиальных вводно-модальных слов, базой образования которых являются наречия, со значением персуазивности (32,7% в социально-гуманитарном цикле и 26,2% в естественно-научном). Факт высокой частотности этих средств связан с тем, что категориальным частеречным значением наречия выступает «непроцессуальный признак действия, предмета или другого непроцессуального признака – качества либо свойства» [6, с. 229]. Чаще всего в учебных текстах отмечаются вводно-модальные слова, выражающие полную уверенность в представленной информации, что объясняется, на наш взгляд, спецификой излагаемого в различных учебниках материала, который должен быть максимально достоверным: *Такие слова могут встретиться и в разговоре, и в научном труде, и в газетной статье, и в официальном документе. Конечно, они составляют основную массу слов и в художественных произведениях* [7, с. 13].

Определение роли вводно-модальных слов как репрезентантов метасмыслов требует уточнения позиции, которую они занимают в предложении, относясь либо к высказыванию в целом, либо к отдельным его частям. В учебных текстах зафиксирована их частая отнесенность ко всему предложению, в позиции его абсолютного начала (составляют 78,9% как в учебниках социально-гуманитарного цикла, так и естественно-научного

цикла). В частности, слова *во-первых, во-вторых* обычно используются в препозиции, выполняя характеризующую функцию по отношению ко всему сообщению, а употребление вводно-модальных слов со значением персуазивности, таких, как *конечно*, в абсолютном начале предложения связано с необходимостью выразить полную уверенность (или неуверенность) во всей сообщаемой информации, а не только какой-то ее части.

С учетом различных характеристик выявляем функции вводно-модальных слов как репрезентантов метасмыслов в современных учебных текстах. В рамках информативных метакомпонентов они используются преимущественно в естественно-научных учебных текстах в функциях обобщения, выделения и уточнения, уступительного уточнения, допущения, последовательного членения и логизации, противопоставления. Например, варьирование известной информации осуществляется с помощью вводно-модальных слов *значит, итак* в функции обобщения, как в следующем предложении из текста по географии: *Итак, мы видим, что география участвует в процессе организации освоения или ведения хозяйства на какой-либо территории, т.к. именно она занимается законами взаимодействия природных компонентов, которые могут быть нарушены* [8, с. 313]. В различных контекстах с помощью этих и других средств автор учебного текста реализует ряд прагматических установок: эксплицирует или комментирует свои речевые действия; разделяет текст на части; устанавливает между ними логические связи; выделяет основную информацию.

Вводно-модальные слова, актуализирующие метасмыслы в рамках интенциональных метакомпонентов, наиболее частотны в текстах социально-гуманитарного цикла, указывая на абсолютно достоверную, вероятную или сомнительную информацию с целью усилить акцент на чем-либо; смягчить степень категоричности высказывания, оставляя адресату право на собственное мнение или стремясь к установлению более тесного контакта с ним; удостоверить соответствие высказывания тому, что адресант и адресат учебного текста наблюдают в действительности; организовать специфическую форму соотношения аргумента и контраргумента в высказывании; усилить гипотетичность высказывания, снимая с себя ответственность за достоверность высказываемой информации либо вовлекая адресата в скрытый диалог; представить ход своих рассуждений. Например, использованное в тексте по русской словесности слово *наверное*, являясь средством подчеркивания неуверенности автора в положении: *Вам сейчас, наверное, столько лет, сколько Наме* [7, с. 140], позволяет ему смягчить категорич-

ность своего высказывания и в то же время оптимизировать речевое общение с адресатом.

Таким образом, в современных учебных текстах вводно-модальные слова разной морфологической природы, актуализирующие метасмыслы в рамках информативных метакомпонентов, объединены общим модальным значением «указание на определенную связь между научными сведениями» и используются в учебных текстах преимущественно естественно-научного цикла в функциях обобщения, выделения, уточнения и др.: среди вводно-модальных слов, репрезентирующих метасмыслы в рамках интенциональных метакомпонентов, наиболее час-

тотны средства со значением «персуазивность», которые преобладают в учебных текстах социально-гуманитарного цикла и акцентируют внимание адресата на всем предложении-высказывании, реже его части, указывая на абсолютно достоверную, вероятную или сомнительную информацию.

Вводно-модальные слова являются важнейшим средством репрезентации научных сведений, оптимизации процесса усвоения информации. Формально-грамматическая характеристика, семантико-функциональная специфика, частотность их употребления свидетельствуют о роли адресата учебного текста как действующего субъекта коммуникации.

Библиографический список

1. Турунен, Н. Метатекст как глобальная система и вопросы конструирования текста в пособиях по развитию речи // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. – Пермь, 1999.
2. Ярыгина, З.А. Способы и средства репрезентации метаструктуры современного учебного текста // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2014. – № 1(20). – Сер. 2. Языкознание.
3. Панков, Ф.И. Еще раз о грамматике и семантике модальных слов (фрагмент лингводидактической модели русской морфологии) // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. – 2003. – № 2.
4. Тупикова, Н.А. Формирование функционально-семантической категории ин-персональности русского глагола // Научные школы Волгоградского государственного университета. Русский глагол: История и современное состояние. – Волгоград, 2000.
5. Мякишев, Г.А. Физика. 11 кл.: учеб. для общеобразоват. учреждений / Г.А. Мякишев, А.З. Синяков. – М., 2008.
6. Русская грамматика: в 2 т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. – М., 1980. – Т. II.
7. Альбеткова, Р.И. Русская словесность. От слова к словесности. 6 кл.: учеб. для общеобразоват. учреждений. – М., 2006.
8. Домогацких, Е.М. География. 8 кл.: учеб. для общеобразоват. учреждений / Е.М. Домогацких, Н.И. Алексеевский. – М., 2011.

Bibliography

1. Turunen, N. Metatekst kak globalnaya sistema i voprosih konstruirovaniya teksta v posobiakh po razvitiyu rechi // Stereotipnostj i tvorcestvo v tekste: mezhvuz. sb. nauch. tr. – Perm, 1999.
2. Yarihgina, Z.A. Sposobih i sredstva reprezentacii metastrukturih sovremennogo uchebnogo teksta // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2014. – № 1(20). – Ser. 2. Yazhkoznanie.
3. Pankov, F.I. Ethe raz o grammatike i semantike modalnihkh slov (fragment lingvodidakticheskoy modeli russkoy morfologii) // Vestnik MGU. Seriya 9, Filologiya. – 2003. – № 2.
4. Tupikova, N.A. Formirovanie funktsionalno-semanticheskoy kategorii in-personalnosti russkogo glagola // Nauchnihe shkolih Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Russkiy glagol: Istoriya i sovremennoe sostoyanie. – Volgograd, 2000.
5. Myakishev, G.A. Fizika. 11 kl.: ucheb. dlya obtheobrazovat. uchrezhdeniy / G.A. Myakishev, A.Z. Sinyakov. – M., 2008.
6. Russkaya grammatika: v 2 t. / gl. red. N.Yu. Shvedova. – M., 1980. – T. II.
7. Aljbetkova, R.I. Russkaya slovesnostj. Ot slova k slovesnosti. 6 kl.: ucheb. dlya obtheobrazovat. uchrezhdeniy. – M., 2006.
8. Domogackikh, E.M. Geografiya. 8 kl.: ucheb. dlya obtheobrazovat. uchrezhdeniy / E.M. Domogackikh, N.I. Alekseevskiy. – M., 2011.

Статья поступила в редакцию 06.05.14

УДК 81.711

Kubarich A.M. RESEARCH OF RELEVANT SUPERSEGMENTAL UNITS (ON THE MATERIAL OF LANGUAGES WITH DIFFERENT SYSTEMS' STRUCTURE). The article presents a sinologist's points of view on the problem of stress in Chinese. The author focuses our attention to the difference between the concepts of "meaning" and "significance", referring to the classic works of Ferdinand de Saussure. The main goal of this article is a review of the role of supersegmental units (tone and accent) within the antinomy of "value-significance". Based upon the results of the experiment, the research allows concluding of a different nature of saliency of strong syllables in polysyllabic words by native speakers of languages with different structure. This conclusion can be connected with a different linguistic reality.

Key words: supersegmental units, direction of movement of voice, tone, stress, meaning, significance, perception.

А.М. Кубарич, аспирант ФГБОУ ВПО «АГАО», ассистент каф. стилистики и риторики Кемеровского гос. университета, г. Кемерово, E-mail: wei.laoshi@yandex.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ РЕЛЕВАНТНЫХ СУПЕРСЕГМЕНТНЫХ ЕДИНИЦ ДЛЯ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

В статье представлены разные точки зрения выдающихся китайистов на проблему ударения в китайском языке. Автор статьи акцентирует внимание читателя на различии понятий «значение» и «значимость», ссылаясь на классические труды Ф. де Соссюра. Рассмотрение роли суперсегментных единиц (тона и ударения) в рамках антиномии «значение – значимость» и является основной целью данной статьи. С опорой на результаты эксперимента делается вывод о разном характере выделенности сильных слогов многосложных слов носителями разноструктурных языков. Такой вывод может быть связан с различной лингвистической реальностью.

Ключевые слова: суперсегментные единицы, направление движения голоса, тон, ударение, значение, значимость, перцепция.

Все языки мира обладают общими и специфическими свойствами. Отличается их лексический, грамматический и фонетический строй. Одним из основных признаков отличия одного языка от другого является особенность его фонетической системы и законов функционирования различных единиц языка.

Если говорить о фонетической составляющей языка, то все многообразие языков можно разделить на определенные группы, которые отличаются не только по составу фонем, но и по ряду просодических характеристик: мелодике, интонации, тоновому составу и так далее. Китайский язык относится к группе

тональных языков. Тональные языки распространены в Юго-Восточной Азии (китайский, вьетнамский, лаосский, бирманский и другие), Африке (нилотские, ква, банту), Америке (миштекский, масатекский, трикеи и так далее). В одних тональных языках (например, китайско-тибетских) тоны имеют в основном лексическую значимость, в других – могут выражать и грамматические различия (число или род существительных, время глагола), например, в дуала – язык банту. Для многих тональных языков спорным является вопрос о соотношении тонов и словесного ударения.

В свое время изучением тонов китайского языка занимались многие филологи: Алексахин А.Н., Задоев Т.П., Спешнев Н.А., Сусов И.П.

Известно, что система путунхуа (северный или пекинский диалект китайского языка) содержит 412 слогов, которые различаются по звуковому составу. Наличие четырех тонов в современном литературном китайском языке увеличивает их количество. Напомним, принято говорить о высоком ровном тоне (первый), восходящем (второй), нисходяще-восходящем (третьем), нисходящем (четвертом). Однако, было бы неправильно считать, что каждый слог китайского языка может быть произнесен всеми четырьмя тонами. Лишь около половины общего количества слогов (174) имеет по четыре тоновых варианта; несколько меньшее количество слогов (148) представлены по три тоновых варианта; 57 слогов используются в двух тонах; 25 слогов реализуются только в одном тоне.

В потоке речи характер сегментных и суперсегментных единиц претерпевает изменения мелодики, длительности и других параметров. То же самое касается и тонов китайского языка. В китайском языке достаточно распространенным явлением считается полное или частичное изменение тонов. Такое явление принято называть сандхи тонов.

Суперсегментные единицы языка представлены в лингвистике тоном, ударением и интонацией. Некоторые исследователи, в частности М.В. Панов, предлагают в качестве суперсегментной единицы рассматривать слог. «В современной лингвистике нет единообразия в понимании суперсегментных единиц. Так, например, М.В. Панов к перечисленным выше и традиционно выделяемым суперсегментным единицам относит также слог, но не как линейную единицу, представленную звуками, а как сочетание слогообразующего звука с неслогообразующими, волну сонорности, что поддерживается и Л.Л. Касаткиным» [1, с. 5]. Автор представленного диссертационного исследования не разделяет такую точку зрения. На наш взгляд, слог представляет собой линейную единицу и не может быть поставлен в один ряд с единицами суперсегментного порядка.

Говоря о суперсегментных единицах вообще, хотелось бы обозначить наиболее и наименее универсальные среди них. Так интонацию можно считать универсальной единицей, представленной во всех языках мира, поскольку независимой от принадлежности языка к той или иной типологической группе, фразы всегда произносятся с той или иной интонацией.

Ударение – более распространенная, чем тон единица суперсегментной филологии. Однако, частотность употребления такого явления как ударение в языках зависит в первую очередь от лексического состава этих языков, точнее от того, сколько слогов в большинстве лексем языка. Очевидно, что в односложных словах ударение как явление обнаружить невозможно. Что же касается многосложных слов, то и здесь вопрос наличия/отсутствия ударения остается открытым, поскольку не для всех языков (например, языки изолирующей типологии) доказан факт наличия и функционирования ударения.

Говоря о любых единицах языка, исследователь так или иначе обращается к идеям и работам классиков исследования и описания теории языка. Одним из центральных понятий в лингвистической концепции Ф. де Соссюра является знак, представленный антимонией означаемого и означающего.

Однако автор не ограничивается рассмотрением знака «в себе» в качестве простого единства означающего и означаемого. Ф. де Соссюр не сразу понял важность понятия значимости.

Значимость возникает, пишет Соссюр, «из взаимного расположения элементов языка»; она даже важнее, чем значение: «идея или звуковая материя в знаке менее важна, чем то, что находится вокруг него, в других знаках». Итак, разграничив след за Соссюром значение и значимость мы увидим, что значение относится к субстанции содержания, а значимость – к его форме.

Введение понятия «значимость» (ценность) дает оригинальное представление о процессе образования смысла: это не простая корреляция между означающим и означаемым, а акт одновременного членения двух абстрактных масс, двух «туманностей», по выражению Соссюра. Действительно, Соссюр отмечает, что, рассуждая чисто теоретически, до образования смысла идеи и звуки представляют собой две бесформенные, «мягкие», сплошные и параллельно существующие массы субстанций. Смысл возникает тогда, когда происходит одновременное расчленение этих двух масс. Язык является посредствующим звеном между звуком и мыслью; его функция состоит в том, чтобы объединить звук и мысль.

Не случайно мы заговорили о различии понятий значение и значимость. В связи с тем, что в данной работе основным предметом исследования являются суперсегментные единицы, то одной из ключевых является перцептивная составляющая этого явления. Именно восприятие позволяет один и тот же объект характеризовать с разных позиций. Причем все характеристики, в таком случае, будут справедливыми.

Очень интересным и уместным в этом контексте представляется мнение А. Джунисбекова, который, рассуждая на тему наличия/отсутствия ударения в казахском языке, отмечает: «известно, что языковое чутье всегда улавливает только то необходимое, без которого невозможно общение на данном языке. Так обстоит дело со словесным ударением в русском языке. Любой из его носителей, не зная, что такое ударение, может поправить своего нерусского товарища, неправильно поставившего ударение. Иначе дело обстоит в тюркских языках, в том числе в казахском». Автор акцентирует наше внимание на том, что все варианты произнесения слова казахского языка его носителем будут правильными, а распространенное мнение о частой ударности последнего слога в словах казахского языка А. Джунисбеков связывает с наложением на мелодический рисунок слова (фразы) интонационных характеристик, но не ударения [2, с. 107]. Именно с такой позиции далее будет характеризоваться соотношение ударения и тона в китайском языке.

Для русских явление ударения настолько значимо, что в случае с казахским языком мы будем пытаться его разметить даже в том случае, если в этом нет необходимости. Об этом же явлении, только в контексте китайского языка писал М.К. Румянцев: «Психологическую реальность для китайца представляют тоны. Он их воспринимает и может разметить. Ударение же китаец разметить не может» [3, с. 150]. Позднее М.К. Румянцев пишет «Для китайского языка стандартной формой ударения является... реализация определенного компонента слова определенным тоном» [4, с. 22].

Таким образом, для разносистемных языков (русского и китайского) значимыми элементами на суперсегментном уровне являются разные единицы.

Встает вопрос: если в китайском языке функцию смысло-различительной суперсегментной единицы берет на себя тон, то какую роль в нем играет ударение? Отметим, что в связи с ограниченностью сегментных единиц, связанной с историей становления и развития китайского языка, суперсегментные единицы здесь играют не меньшую роль, чем сегментные. Вопрос о наличии ударения в китайском языке вообще является спорным. Существуют диаметрально противоположные мнения лингвистов на этот счет. Так, одни из них считают, что «трудно согласиться с тем, что для китайца ударение на уровне слова фоновое, не существенно, ибо ... ударение для китайского языка представляется единственным надежным признаком слова, манифестирующимся в языковой форме. Уже само положение тонов относительно друг друга создает эффект ударения» [5, с. 90].

С другой стороны, некоторые лингвисты рассматривают ударение как основной фактор, обуславливающий появление тона. Так, Е.Д. Поливанов указывает, что тон является факультативной характеристикой слога, полагая, что «в двусложном или многосложном слове с ясностью тона произносится и слышится, в виде общей нормы, только один – и именно ударенный слог» [6, с. 147]. «В неударенных же слогах «тон» нивелируется и при нормальном темпе речи – просто не осуществляется» [6, с. 149]. Примерно на тех же позициях стоит Л.Р. Зиндер «В одних языках (например, во вьетнамском) различие тона не зависит от места словесного ударения; в других же (например, в китайском) тоны различаются только в ударном слоге. В последнем случае вопрос о том, не является ли слоговой акцент особым видом словесного ударения, решить очень трудно» [7, с. 304].

Еще в конце 60-х годов на основании экспериментальных данных Т.П. Задоев приходит к выводу, что «доминирующим полезным признаком в китайском языке является не ударение, а тон» [8, 88]. Существует так называемая «концепция моноритмического принципа, в соответствии с которой, китайское слово держится не на ударении, а на правилах сандхи – подгонки (коартикулации) слоговых тонов друг к другу» [5, с. 231].

В том случае, если объективную реальность для китайца представляет не ударение, а тон, а для европейцев наоборот, то это должно быть подтверждено и результатами экспериментов.

Целью нашего психолингвистического эксперимента стало установление релевантности тона китайского языка для носителей русского языка, а ударения – для носителей китайского языка.

В эксперименте участвовали 50 носителей русского языка, не владеющие и не изучающие китайский язык и 50 носителей китайского языка, не владеющие и не изучающие русский язык.

Исследование проводилось на материале двусложных и трехсложных слов китайского и русского языков (huoche, daifu, zixingche, laoshi, xuexiao, diannao, fengongsi, feiji, niuzaiku, shangdian) (поезд, доктор, такси, учитель, школа, компьютер, филиал, самолет, джинсы, магазин)

Респондентам была предложена следующая инструкция:

1. Для русских – Вам предложено 10 слов китайского языка. Диктор воспроизводит каждое слово один раз. Ваша задача – разметить ударение над каждым из слов. Направление знака ударения может быть разным (\ – понижение голоса, / – повышение голоса, \/- нисходяще-восходящее движение голоса, – – высокое ровное движение голоса).

2. Для китайцев – Вам предложено 10 слов русского языка. Диктор произнесет каждое слово один раз. Ваша задача – разметить тоны над каждым из слов. Направление знака тона может быть только одним (/).

В результате проведенных экспериментов были получены следующие данные.

Среди русских респондентов 45 человек из 50 не использовали ни один знак, кроме «\», который соответствует нисходящему движению голоса. Немаловажным считаем тот факт, что испытуемые в многосложных словах как ударный выделяли слог, который в китайском языке тонируется либо четвертым (нисхо-

дящим) тоном, либо третьим (нисходяще-восходящим) тоном. Очевидно, в первом случае это связано с интенсивностью падения голоса, напомним, что четвертый тон является самым коротким в китайском языке, но одновременно самым сильным. Если же говорить о причинах соотносительности третьего тона с ударностью в сознании носителей русского языка, то, скорее всего, это связано с длительностью (третий тон – самый долгий по времени произнесения среди всех четырех тонов современного Путунхуа).

Еще пять респондентов в многосложных словах использовали знак первого тона (-), что реально представлено в этой группе слов. Как правило, им обозначался последний слог в трехсложном слове. Полученные результаты свидетельствуют о том, что респонденты, исходя из системы родного языка, выбрали знак, символизирующий движение голоса, соответствующее квантитативному ударению русского языка.

Среди носителей китайского языка все 50 человек безошибочно определили ударные слоги в русских словах. Тем не менее, необходимо отметить, что направление знака ударения здесь соответствовало направлению движения голоса четвертого (падающего) тона в китайском языке (\), что говорит о предпочтительном выборе более знакомой для респондентов суперсегментной единицы – тона, а не ударения.

Подводя итоги экспериментального исследования, следует сказать, что для носителей русского языка лингвистическую реальность представляет ударение, и даже в случае работы с лексикой иностранного языка русскоязычный респондент размечает привычные для себя знаки, выделяя только «сильные», то есть представленные третьим и четвертым тоном, слоги в многосложных словах. В то же время, носители китайского языка, опираясь на систему своего родного языка, обозначают выделенные (ударные) слоги с помощью суперсегментных единиц, использующихся в китайском языке (тон).

Таким образом, в эксперименте, по-видимому, проявляется интерференция, обусловленная спецификой русского ударения, направление движения голоса, которого соответствует четвертому тону китайского языка. Оpozнание выделенности слогов при этом наблюдается в экспериментах с носителями русского и китайского языков, однако характер этой выделенности зависит от системы языка респондентов.

Библиографический список

1. Андрейченко, Л.Н. Русский язык. Фонетика и фонология. Орфоэпия. Графика и орфография / под ред. Г.Г. Инфантовой и Н.А. Сениной. – М., 2003.
2. Джунисбеков, А. Просодика слова в казахском языке. – Алмаата, 1987.
3. Румянцев, М.К. Синтез китайских тонов // Вопросы языкознания. – 1988. – № 1.
4. Алексахин, А.Н. Теоретическая фонетика китайского языка. – М., 2006.
5. Румянцев, М.К. Фонетика и фонология современного китайского языка. – М., 2007.
6. Иванов, А.И. Грамматика современного китайского языка / А.И. Иванов, Е.Д. Поливанов. – М., 2007.
7. Зиндер Л.Р. Общая фонетика. – М., 1979.
8. Задоев, Т. Основы китайского языка. Вводный курс / Т. Задоев, Хуан Шуин. – М., 1993.

Bibliography

1. Andreychenko, L.N. Russkiy yazykh. Fonetika i fonologiya. Orfoehpiya. Grafika i orfografiya / pod red. G.G. Infantovoy i N.A. Seninoy. – М., 2003.
2. Dzhunisbekov, A. Prosodika slova v kazakhskom yazyhke. – Almaata, 1987.
3. Rumyantsev, M.K. Sintez kitayskikh tonov // Voprosih yazyhkoznaniya. – 1988. – № 1.
4. Aleksakhin, A.N. Teoreticheskaya fonetika kitayskogo yazyhka. – М., 2006.
5. Rumyantsev, M.K. Fonetika i fonologiya sovremennogo kitayskogo yazyhka. – М., 2007.
6. Ivanov, A.I. Grammatika sovremennogo kitayskogo yazyhka / A.I. Ivanov, E.D. Polivanov. – М., 2007.
7. Zinder L.R. Obshchaya fonetika. – М., 1979.
8. Zadoenko, T. Osnovih kitayskogo yazyhka. Vvodniy kurs / T. Zadoenko, Khuan Shuin. – М., 1993.

Статья поступила в редакцию 15.05.14

УДК 81

Narykova N.A., Timashova Ye.V. **INNOVATIONS IN WORD-FORMATION BY A CHILD AS REALISATION OF THE POTENTIAL OF WORD-COMPOUNDING.** The article is devoted to the studying of word-formation processes through the prism of a child's speech. The child's speech is characterized by such processes as reduplication, word-formation by analogy, which includes all possible word-formation models. New word-formation of children is conformed to the logic of a system's regularity of language's functioning.

Key words: neologisms, composition, reduplication, word-formation, innovations, child speech, conversational speech, subsuffix, subderivative.

Н.А. Нарыкова, канд. филол. наук, преп. ФГКОУ ВПО Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, г. Ставрополь, E-mail: narnata@rambler.ru;

Е.В. Тимашова, преп. ФГКОУ ВПО Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, г. Ставрополь, E-mail: timashova-k@mail.ru

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ РЕБЕНКА КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ВОЗМОЖНОСТЕЙ СЛОВОСЛОЖЕНИЯ

Статья посвящена изучению словообразовательных процессов через призму детской речи. Для речи ребенка характерны такие процессы словообразования, как редупликация, словообразование по аналогии, которое включает в себя все словообразовательные модели. Новообразования ребенка подчинены логике системных закономерностей функционирования языка.

Ключевые слова: неологизмы, словосложение, редупликация, словообразование, инновации, детская речь, разговорная речь, субсуффикс, субдери́ват.

Изучение состава новых слов и факторов их возникновения, исследование моделей их создания, а также лексикографическая обработка появившихся словарных единиц связаны, как известно, с теорией неологизмов. Неологизмы ребёнка показывают воочию словообразовательные и семантические ресурсы языка. В общепринятой норме реализуется лишь небольшая часть смыслов языка, заложенных в нём самой системой. По сути дела, норма избирательна и закрепляет лишь небольшую часть потенциально возможных форм. Различие между реально существующими и потенциальными ресурсами настолько велико, что для словарного запаса такого языка не хватило бы и целого шкафа томов. Ребёнок заполняет эти лакуны, используя знакомые ему правила словообразования. Для лингвиста представляется очень ценным смотреть на систему языка через призму детской речи. Исследования детской речи позволяют вникнуть в природу словообразования.

Есть очень примечательная закономерность освоения родного языка: ребёнок узнаёт сначала общие правила и пользуется ими, затем частные и в последнюю очередь исключения. И поэтому, анализируя детские инновации, мы можем реально узнать об иерархии правил, которая не всегда описана в лингвистических исследованиях.

Изучение иностранного языка должно в этом плане быть приближено к освоению языка детьми: восприятие речи на слух опережает появление речевых навыков, устная речь предшествует письменной, освоение существительных предшествует освоению других частей речи.

Для речи ребенка характерны такие процессы словообразования, как редупликация, словообразование по аналогии, которое включает в себя все словообразовательные модели.

Редупликацией называют повтор корня, основы или всего слова, выступающий как способ образования формы слова или новых слов. Редупликация может быть полной (например: рус. снег лежал белый-белый; нем. blablabla – пустые разговоры, bābā – так говорят о чем-то грязном: Nicht anfassen, das ist bābā.) и частичной (Klingklang – звон, Klimbim – музыкальный оркестр, Remmidemmi – шум, переполох). Н.В. Солнцева отмечает: «Способ удвоения появился и стал употребляться как массовое средство до того, как появилось современное аффиксальное словообразование и словосложение» [1, с. 76]. Следовательно, можно утверждать, что эта тенденция в синтетическом немецком языке стимулирует продуктивность редупликации. Именно поэтому мы находим в современном немецком примеры редупликации в некоторых личных именах (Pete (от Petra)) и жаргонизмах (picksacke voll sein – пьяный в стельку).

Образование повторов связано со звукоподражанием, которое является первым этапом в развитии речи ребенка: ritschrsch – trp! (звук разрывания ткани, бумаги; tuck-tuck + put-put – приманка кур).

Повторы особенно свойственны детской речи, так как указывают на тесную связь процесса овладения речью с ритмикой, рифмовым созвучием. Склонность к ритму/рифме – врожденная, генетически обусловленная особенность восприятия. Типичны детские считалки русск. – «эники-беники ели вареники!», «ruckizucki, ruckizucki, ruckizucki gehst du rundi, bist du Bundi und meschugi...». Недаром самые главные для ребенка понятия детства Мама – мама, Папа – папа. Занятно, что при неизменности этих звуковых повторов порядок слогов и соотношение к полу

могут варьировать. Так, в тамильском языке мама – аммаа, папа – аппа, а в грузинском языке мама означает отец.

В языке взрослых повторы чаще всего встречаются в разговорном языке, газетных статьях, языке сказок и народных песен.

В процессе овладения речью ребёнок копирует и уподобляется взрослому в овладении языком, он реализует свои языковые возможности в рамках тех правил, которые ему задаются взрослыми, т.е. ребенок воспроизводит услышанное или производит по аналогии.

Аналогия является важным элементом словообразования. По мнению В. Хенцена, почти все сложные слова, все производные, а также большая часть сложноподчиненных слов и сращений основываются, по его мнению, на принципе аналогии [2]. Л. Блумфилд также считает, что весь процесс развития языка – «вековой процесс аналогии» [Bloomfield цитируется по 3, с. 71]. Е.С. Кубрякова пишет, что с синхронной точки зрения сложные слова представляют собой в подавляющем большинстве случаев аналогичное образование [4, с. 62]. Под аналогией в данном случае понимается производство словообразовательных конструкций по образцам, содержащимся в языке, а также образование слов посредством творческого переноса словообразовательных образцов. Лексикализованное сложное слово служит при этом образцом для образования следующего слова или ряда сложных слов. «Значение словообразовательных форм предсказуемо в той же мере, в какой предсказуемо значение грамматических форм» [5, с. 10]. С семантической точки зрения словообразовательный процесс по аналогии характеризуется тем, что от мотивирующей единицы наследуется не лексическое значение, а определенное общее значение модели. Например: *Olympiade – Sportakiade, Universiade, Janiade; Stadtarbeiter – Stadtschreiber* [6, с.31]. Кроме словообразовательной структуры и общности деривационных элементов важную роль при аналогичном образовании играют парадигматические отношения производящих основ. Например:

Vom Stoff machen wir ihm eine neue Kleidung. Dann braucht er nicht mehr Dummerjan zu spielen. Von jetzt ist er der Witzbold des Theaters (<http://www.palmcrantz.se/webprojekt/deutsch/march10.htm>).

Frank Schulz ist ein Meister der Komik. Kein Pointen spuckender Witzbold, das nun am allerwenigsten, sondern eher schon ein witziger Ernstbold. Ein Realist, den die umwerfende Banalität der Verhältnisse in den Humor treibt (http://www.zeit.de/literatur/schulz_morbusfonticuli).

В словообразовательном процессе по аналогии происходит репродукция словообразовательной модели, которая в контекстуальных условиях наполняется новыми лексическими единицами. Обусловленная аналогией замена вызывает возникновение иронических, шуточных коннотаций. Значение лексических единиц предсказуемо, легко угадываемо. Словообразование по аналогии осуществляется на базе накопленных знаний о языке, о словах, устойчивых выражениях, грамматических нормах, а также на накопленных энциклопедических знаниях, что и создает фон для их интерпретации и гарантирует их понимание. Возможность создавать практически безграничные серийные образования представляет собой одну из форм функциональных техник в языке. Благодаря своей ярко выраженной способности запоминаться, осмысливаться и формулироваться, такие образования широко используются детьми.

Словообразование с помощью субсуффиксов лица: -*mensch*, -*person*, -*bild*, -*mann*, -*frau*, *mädchen*, -*junge* (*Mannsbild*, *Weibsbild*; *Ehemann*, *Kindermädchen*; *Putzfrau*, *Waschfrau*; *Lehrperson*, *Militärperson*; *Arbeitsmensch*).

Субсуффикс -*mann* дает нейтральные образования, часто используется детьми для обозначения лиц, официальное название профессий которых ребенку неизвестно, например: *Wäschemann*, *Kühlschrankmann*.

Детская речь изобилует словами разных частей речи, отличными от имеющихся в нормативной речи взрослых. Отглагольные существительные и отыменные глаголы принадлежат к

достаточно частотным новообразованиям детской речи. Для детей не представляет труда переводение слова из одной части речи в другую, причем переход этот подчинен логике системных закономерностей функционирования языка, даже если речь идет не о потенциальных словах. Например: русск. смеяние; солонка (солонка); всхний; не божемойка; оцыпляться; часы ча-сикают; нем. *es trompetet*; *es kracht*, *hurraren*, *knöpfeln*, *kretern*.

Таким образом, большинство детских неологизмов являются потенциальными словами, а встречающиеся ненормативные новообразования подчинены логике системных закономерностей функционирования языка.

Библиографический список

1. Солнцева, Н.В. Проблемы типологии изолирующих языков. – М., 1985.
2. Henzen, W. Deutsche Wortbildung. – Halle (S). Tübingen, 1965.
3. Мостовой, Н.И. К вопросу образования инноваций в области словосложения в современном английском языке // Словообразование и его место в курсе обучения иностранному языку. – Владивосток. – 1973. – Вып. 1.
4. Кубрякова, Е.С. Что такое словообразование? – М., 1965.
5. Тимофеев, К.А. О некоторых признаках словообразовательной системы языка (на материале русского языка) // Актуальные проблемы лексикологии. – Новосибирск, 1972.
6. Нарыкова, Н.А. Субсуффиксальное словообразование в немецком языке: дис. ...канд. филол. наук. – Пятигорск, 2006.

Bibliography

1. Solnceva, N.V. Problemih tipologii izoliruyushikh yazhkov. – M., 1985.
2. Henzen, W. Deutsche Wortbildung. – Halle (S). Tübingen, 1965.
3. Mostovoy, N.I. K voprosu obrazovaniya innovatsiy v oblasti slovoslozheniya v sovremennom angliyskom yazhke // Slovoobrazovanie i ego mesto v kurse obucheniya inostrannomu yazhku. – Vladivostok. – 1973. – Vihp. 1.
4. Kubryakova, E.S. Chto takoe slovoobrazovanie? – M., 1965.
5. Timofeev, K.A. O nekotorykh priznakakh slovoobrazovatel'noy sistemih yazhka (na materiale russkogo yazhka) // Aktual'nihe problemih leksikologii. – Novosibirsk, 1972.
6. Narihkova, N.A. Subsuffiksajnoe slovoobrazovanie v nemeckom yazhke: dis. ...kand. filol. nauk. – Pyatigorsk, 2006.

Статья поступила в редакцию 09.05.14

УДК 81

Narykova N.A. THE ROLE OF A CONTEXT FOR SEMANTIC AND WORD-FORMATION DEFINITION OF THE NOUN MEANING. The article is devoted to the study of a context, its role in the definition of a status and character of word-formation units. The context provides selection of means of word-formation, supports the use of its certain model and arising value in a new word, limiting all other possible meanings of this word, except for what it is capable to realize.

Key words: context, verbal, nonverbal, text, subderivate, semantic meaning, word-formation unit, communications.

Н.А. Нарыкова, канд. филол. наук, преп. ФГКОУ ВПО Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, г. Ставрополь, E-mail: narnata@rambler.ru

РОЛЬ КОНТЕКСТА ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

Статья посвящена изучению контекста, его роли в определении статуса и характера единиц словообразования. Контекст обеспечивает отбор средств словообразования, поддерживает использование определенной его модели и возникающее значение в новом слове, элиминируя все возможные из них, за исключением тех, которые он способен поддержать.

Ключевые слова: контекст, вербальный, невербальный, текст, субдери́ват, семантическое значение, единица словообразования, коммуникация.

Анализ семантики субдери́ватов возможен только при учете контекста. Существуют различные точки зрения по определению контекста и его роли в определении семантического значения слова. В большом энциклопедическом словаре под ред. В.Н. Ярцевой контекстом называется «фрагмент текста, включающий избранную для анализа единицу, необходимый и достаточный для определения значения этой единицы, являющегося непротиворечивым по отношению к общему смыслу данного текста» [1].

Г.В. Колшанский различает лингвистический или вербальный и экстралингвистический или невербальный контекст [2; 3]. Под экстралингвистическим контекстом понимается ситуация коммуникации, включающая условия общения, время, место коммуникации, отношение коммуникантов друг к другу, их поведение, мимику, жесты. Невербальный контекст сопровождает вербальный контекст, а иногда он заменяет его. В контексте рас-

крывается значение языковых единиц. Глава датского структурализма Л. Ельмслев пишет: «...любая сущность, а, следовательно, также и любой знак определяется относительно, а не абсолютно, и только по своему месту в контексте». «Так называемые лексические значения в некоторых знаках есть не что иное, как искусственно изолированные контекстуальные значения или их искусственный пересказ. В абсолютной изоляции ни один знак не имеет какого-либо значения; любое знаковое значение возникает в контексте...» [4, с. 303].

Некоторые лингвисты же, напротив, считают зависимость слова от контекста «одним из самых распространенных лингвистических мифов» [5, с. 164]. Они считают, что осмысление значения пропущенного или незнакомого слова вытекает скорее из уже заложенного в него одного из лексических значений [6, с. 188]. Окружение же указывает получателю речи, какое значе-

ние многозначного слова актуализировал говорящий [5, с. 166]. Не отрицая понятия контекста, некоторые лингвисты указывают на независимость слова от его окружения. «Слово не приспосабливается к контексту, не деформируется, не переделывается в нем, а используется в том значении, которое оно имеет в языке. Контекст в таких случаях – не генератор значений, а их внешний «проявитель» [7, с. 42]. «...контекст лишь реализует то, что заложено в самом ... слове» [8, с. 18].

Следует не согласиться с этим утверждением, так как, например, при произнесении слов «цветы», «местность» кто-то представит себе тюльпаны, дачу, другой – одуванчики, холмы. Каждый обращается к пережитому опыту, к своим знаниям. Лишь в окружении, связи или другими словами, контексте мы способны представить под словом «стол» – организацию (паспортный стол), кушанья, предмет мебели и т.д. Изменение семантического значения связано с экстралингвистической действительностью. Новые значения возникают под давлением внеязыковой действительности, в результате абстрагирующей работы человеческого мышления, обнаруживающего черты сходства между отдельными предметами и осуществляющего перенос наименования с предмета на другой [5, с. 167]. Слово и его смысл не есть функция контекста, напротив, контекст есть функция слов и взаимодействия их смыслов.

По определению Б.А. Малинина, под контекстом понимается информация, не выраженная языковыми знаками, то есть не являющаяся средством вербального общения, но существующая как данность в окружающей нас действительности или как отражение внешнего мира и его внутренних отношений в сознании людей как знания, опыт, привычки и тому подобное. Знания могут быть получены как вербально, так и не вербально. Сами участники коммуникации являются компонентами контекста вместе со своим духовным миром, историческим и жизненным опытом, культурой, языковыми привычками. Контекст обеспечивает отбор средств словообразования, поддерживает использование определенной его модели и возникающее значение в новом слове, элиминируя все возможные из них, за исключением тех, которые он способен поддержать [9, с. 143].

Говорящий идет от значения к контексту, а слушающий – от контекста к значению [5, с. 166].

Мы в своем исследовании, прежде чем занять позицию от правителя, должны проанализировать существенные, образованные при помощи субсуффиксов с позиции получателя, чтобы выявить все возможные значения лексической единицы. Изучение лексики в контексте особенно важно при овладении иностранным языком. Это позволяет правомерно использовать лексику, избегать курьезных ситуаций. Часто, лишь опираясь на

контекст, мы можем определить статус и характер единиц словообразования. Например:

Ein richtiger Mann ist das. Nicht so ein Tränenbruder [10, с. 350].

В данном контексте *Tränenbruder* – это не просто «плакса», а слабый, робкий, несмелый, безвольный человек, слюнтяй. Значение субдеривата раскрывается только в контексте выражения *ein richtiger Mann*, противопоставленного анализируемой единице.

Nach der Wiedervereinigung Deutschlands ging die Nachfrage drastisch zurück, so dass das Werk 1993 geschlossen werden musste. Ein weiteres Puppenwerk wurde 1995 geschlossen. (http://www.grossschutzgebiete.brandenburg.de/np_hf/i_ausflugsziele_06.html)

Анализируя данные примеры, опираясь на основные признаки выделения субдериватов, приходим к выводу о том, что в первом случае, образование с *-werk* является сложным словом и обозначает завод, предприятие по производству кукол, а во втором – субсуффиксальным образованием со значением несерьезного, легкого, беззаботного. В переводе *Puppenwerk* во втором контексте могло бы звучать как «детская забава».

Подобную разницу можно наблюдать и в следующих примерах, где *Autowerk* выступает в первом примере со значением «транспортное средство», во втором – «автомобильный завод».

Ford und Mazda bauen Autowerk in China. (<http://www.wiwo.de/pswiwo/fn/ww2/sfn/buildww/id/635/id/66699/bt/2/SH/0/depot/0/>)

Роль контекста в определении значения субдеривата возрастает в зависимости от обобщающего, абстрагирующего значения субсуффиксов, являющегося их характерным признаком. Сема совокупности, системы отдельных частей заложена в субсуффиксе *-werk*. Имея в качестве производящей основы также понятие широкого значения, как например, *Bau-*, значение субдеривата выявляется только в контексте. Подтверждением служит пример из презентации фирмы «Bentley», занимающейся планированием, производством и эксплуатацией бюро, офисов, железнодорожных сетей, канализационных систем и т.д.

Bentley Systems hat seine Wurzeln im CAD-Bereich und ist heute Spezialist für die Planung, die Konstruktion und den Betrieb von Bauwerken. "Bauwerk" ist dabei ein sehr weit gefasster Begriff: Dazu gehören Bürogebäude, Straßen, Eisenbahnnetze, Abwassersysteme, chemische Fabriken oder Flughäfen... (<http://www.bentley.de/about/unternehmen.htm>)

Значение той или иной формы определяется через ее контекст. Изучение значения той или иной единицы языка сводится прежде всего к анализу ее окружения.

Библиографический список

1. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М., 1998.
2. Колшанский, Г.В. Контекстная семантика. – М., 1980.
3. Колшанский, Г.В. Паралингвистика. – М., 1974.
4. Ельсман, Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. – М., 1960. – Т.1.
5. Фоменко, Ю.В. Человек, слово и контекст // Концепция человека в современной философской и психологической мысли. – Новосибирск, 2001; Шмелев, Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. – М., 1964.
6. Кацнельсон, С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Л., 1972.
7. Будагов, Р.А. К критике релятивистических теорий слова // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. – М., 1961.
8. Малинин, Б.А. Диада текст и контекст: проблемы дефиниции и взаимосвязи // Вопросы синтаксиса и стилистики текста в современном немецком языке. – Межвуз. сборник научных трудов. – Пятигорск, 1986.
9. Remarque, E.M. Drei Kameraden. – М.:Verlag für fremdsprachige Literatur, 1960.

Bibliography

1. Yazhkoznanie. Bol'shoy ehnciklopedicheskiy slovar' / gl. red. V.N. Yarceva. – М., 1998.
2. Kolshanskiy, G.V. Kontekstnaya semantika. – М., 1980.
3. Kolshanskiy, G.V. Paralingvistika. – М., 1974.
4. El'sman, L. Prolegomeni k teorii yazhka // Novoe v lingvistike. – М., 1960. – Т.1.
5. Fomenko, Yu.V. Chelovek, slovo i kontekst // Konceptiya cheloveka v sovremennoy filosofskoy i psikhologicheskoy mihsl. – Novosibirsk, 2001; Shmelev, D.N. Ocherki po semasiologii russkogo yazhka. – М., 1964.
6. Kacnel'son, S.D. Tipologiya yazhka i rechevoe mihshlenie. – Л., 1972.
7. Budagov, R.A. K kritike relyativisticheskikh teoriiy slova // Voprosih teorii yazhka v sovremennoy zarubezhnoy lingvistike. – М., 1961.
8. Malinin, B.A. Diada tekst i kontekst: problemih definicii i vzaimosvyazi // Voprosih sintaksisa i stilistiki teksta v sovremennom nemeckom yazhke. – Mezhevuz. sbornik nauchnikh trudov. – Pyatigorsk, 1986.
9. Remarque, E.M. Drei Kameraden. – М.:Verlag für fremdsprachige Literatur, 1960.

Статья поступила в редакцию 09.05.14

УДК 8 (09) + 882

Smolina N.Y. THE SEMANTICS OF A MOTIVE OF BREATH IN THE CONTEXT OF THE OPPOSITION "LIVE/DEAD" IN LYRICS BY ALEXANDER BLOK. The article considers the semantics of a motive of *breath*, the system of individual contextual meanings when saving invariant meaning in the context of one of the central oppositions of the arts world of poetry by Alexander Blok "live/dead".

Key words: motive, art world, opposition, semiotic code, phonosemantics.

Н.Ю. Смолина, канд. филол. наук, доц. каф. литературы Тувинского гос. университета, г. Кызыл, E-mail: 68nus@mail.ru

СЕМАНТИКА МОТИВА «ДЫХАНИЕ» В КОНТЕКСТЕ ОППОЗИЦИИ «ЖИВОЕ/МЕРТВОЕ» В ЛИРИКЕ А. БЛОКА

В статье рассматривается семантика мотива «дыхание», система его индивидуально-контекстуальных смыслов при сохранении инвариантного значения в контексте одной из центральных оппозиций художественного мира лирики А. Блока «живое/мертвое».

Ключевые слова: мотив, художественный мир, оппозиция, семиотический код, фоносемантика.

«Культурный ренессанс» [1] рубежа XIX-XX веков породил в русском модернизме уникальные по своей значимости художественно-мифологические системы, в центр которых была поставлена личность в ее порыве за пределы существующего мира в некое «многомерное пространство» [2, с. 91]. Стремление новой литературы увидеть реальность в ее связях с культурой, мифом, временем становится способом познания мироздания. Символистская лирика рубежа веков формирует оппозиционную модель мира, в которой «реальное» противостоит «идеальному». Исследователи говорят об иррациональном хаотичном «условно-объективном» («земной», «небесный», «инфернальный») и гармоничном «условно-субъективном» («мир мечты») мирах, которые в целом представляют собой устойчивую систему доминант, материализованных «в индивидуализированном интуитивном художественном мышлении поэта» и структуре произведения, где «находятся в динамических взаимодействиях и взаимовоплощениях» [3, с. 4-5, 24].

Художественный мир А. Блока тоже утверждает мировую антиномичность, трагическое осознание «неслиянности» и одновременно цельности всего. Поэт осознанно акцентирует столкновение гармонии и хаоса, света и тьмы, телесного и духовного, цивилизации и природы, машины и человека, порождая особый «миф о мире» (З.Г. Минц) и особый «миф о пути» (Д.Е. Максимов). Система его антитез и сближений противоположностей образует «многомерный» художественный мир, вектор движения в котором направлен от мира «зримого» «рукотворного» (цивилизации, получившей символическое воплощение в образе города, машины) через мир «зримый» природный (символически представленный в интегрированном образе «поле/луг/степь») к миру «незримому», «невыразимому» (В.А. Жуковский). Это движение отражает оппозицию «мертвое» – «живое», одну из центральных в творчестве Блока, которая маркирует космологические низ и верх художественного мироздания поэта, определяет «пространство пути» его лирического «я», отражает исторические и онтологические представления автора.

Рассматривая современность как «страшный мир» [здесь и далее цит. по: 4], эпоху «утраты» (в контексте цивилизационных моделей развития, где диахронический принцип проявляется в идее стадийности истории: рост – расцвет – закат – деградация [5], или в трехкомпонентном варианте: поиск – обретение – утрата), Блок выстраивает мотивно-образное воплощение оппозиции как движение от «мертвого» к «живому», от рождения «живого» в «мертвом», тем самым утверждая неизбежность возвращения к стадии «обретения», «возрождения». В авторском поэтическом сознании «живое/мертвое» эквивалентно «духовному/бездуховному» и во многом определяется евангельской традицией, где «мертвое» диктуется представлениями о забвении души, доминантой телесного, порождающего «живого мертвеца», а «живое» синонимично миру «небесно-божественному». Лирическое «я» «прозревает» его не только в «невыразимом», но и стремится увидеть, услышать в мире «зримом»: в природе, творческом даре, способности к чувствованию, сопереживанию миру и душе. При этом в поэтическом механизме миротворения Блока одна из ведущих ролей отводится звуку.

Все уровни художественного мира Блока имеют звуковой коррелят, формируя универсальный «мир-звук», в котором каждый из фономотивов обладает собственным индивидуальным значением и надконтекстуальной семантикой, становясь семиотическим знаком, кодом конкретно-образной природы блоковского мироздания. Одним из звуковых кодов «живого» выступает фономотив «дыхание».

В первую очередь, «дыхание» выступает как характерологическая черта мира «невыразимого», «небесно-божественного», знак его духовно-живого начала. Как «дыхание живящей бури» в «удушливой глуши» земной жизни воспринимает лирический герой божественное «очищение»: «Пошли, господь, успокоенье / И очищение от забот. / Дыханием живящей бури / Дохни в удушливой глуши» («Полна усталого томленья...», 1900). Эта трактовка повторяется во множестве других поэтических текстов Блока: «Дышу иным, иным томлюсь» («Она, как прежде, захотела...», 1908), «Вздохи небесной глубины» («Дым от костра струею сизой...», 1909), «В том раю тишина бездыханна» («Ты» как отзвук забытого гимна...», 1914).

«Невыразимое», имеющее «иллюзивно-понятийный» характер, духовно «прозревается» лирическим «я» через сеть своеобразных «иллюзорно-конкретных» «посредников»: свето- и цветоты мотивы «свет», «сияние»; звуковой мотив «тишина»; пространственные координаты «даль», «высь»; временные характеристики «вечность», «когда-то», «старина»; локальные хронотопы «храм», «дом», «поле/луг/степь», «природа»; состояния эмоционально-духовного пространства лирического героя (ожидание, горение, вдохновение, «песня», «молитва» и т.п.). Фономотив «дыхание» выступает их фоносемантическим изводом, проявляя в мире «зримом» изначальные черты мира «невыразимого».

Нередко «дыхание» разливается в «зримом» мире из «небесно-божественной» «дали» пространства и времени: «Безначально свободная ширь» («Подойшла» и покрыла Псалтирь, / И в страстих осталась душа» («Я живу в отдаленномsitu...», 1905), «издали летели звуки: / Там... задыхалась тишина» («Нет имени тебе, мой дальний...», 1906), пронизывая мир, лирическое «я», формируя сакральный хронотоп. В стихотворении «Там, в полусумраке собора...» (1902) лирический герой в пространстве храма приближается к «небесно-божественному», к огню, сопровождающему Прекрасную Даму, в момент, когда чувствует «дыхание» «иных миров»: «Глубокий жар случайной встречи / Дохнул с церковной высоты».

Как сакральный воспринимает Блок и мир земной природы, потому она обладает собственным «дыханием». В оде «Бог» (1780-1784) Г.Р. Державин рисует мироздание, в котором природа осмысливается как материализация рождающего начала Бога-Отца. Эту традицию развивали А. Фет, Ф. Тютчев, сильно повлиявшие на Блока, у которого пантеистическое обожествление не отменяет буйства жизненных проявлений, мир блоковской природы густонаселен и постоянно в движении. Излюбленное состояние природы поэта – момент проявления силы и страсти жизни: утреннее пробуждение, разнеженность солнечного полудня, вечерняя усталость и успокоение, буря, гроза, снежная

метель и т.п. В эти моменты природа глубоко и облегченно «вдыхает» после сна, ливня, тихо и мерно «дышит» в полудреме, бурно и радостно «вдыхает» от восторга грозового раската или порыва вихря. В природе дышит и живет все: травы, цветы, деревья: «Этих трав дыхания / Нам обманный сон» («Травы спят красивые...», 1902), «Раздышались цветы» («Запевающий сон, зацветающий цвет...», 1902), «Мне нужны вздохи сосен и воды» («Над озером», 1907); вода: «Сонный вздох онемелой волны» («Взморье», 1904); поле: «И влажным зноем дышит степь» («Экклесиаст», 1902); закат и рассвет, утро, вечер и ночь: «Дышит утро в окошко твое» («Дышит утро в окошко твое...», 1899), «Вздыхает по дорожкам ночь» («И я провел безумный год...», 1907); гроза: «Воздух полон вздохов, / Грозных надежд» («Сторожим у входа в терем...», 1904), «Дышит, преследует, близко "гроза"» («В пол-оборота ты встала ко мне...», 1914).

Особенно продуктивен фономотив «дыхание» как характеристика ветра. Его семантика ориентируется на романтическую традицию, где он ассоциируется с движением, переменами, в том числе и роковыми, становится символом страсти, которая неоднозначна, с одной стороны, она свидетельствует о «жизни сердца», духовном, «живом» начале, с другой – подчинение страсти расценивается в традиции классицизма как забвение духа. Поэтому и в поэтике Блока ветер двойственен, показателем чего становится его звуковая характеристика. Он может быть «живым» началом, нести «зав» «невыразимого», тогда ветер, буря, вихрь «поет» и «дышит»: «Последний пурпур догорал, / Последний ветер вздохнул глубоко» («Последний пурпур догорал...», 1900), «И вдруг дохнул весенний ветер сонный» («Она ждала и билась в смертной муке...», 1902), «Вьюги долгие, вздохните!» («Крылья», 1907), «Снежный ветер, твое дыхание» («Черный ворон в сумраке снежном...», 1910), «и ветер, чуть дыша, / Проходит» («На небе "празель"», 1914). Но ветер может быть и разрушительной силой, тогда на смену «дыханию» приходят «свист», «вой», «хрип». «Живое» начало ветра включается в мотив возрождения, оно несет обновление природе, дарит ей новые силы, потому и обладает духом – «дыханием». В стихотворении «Полна усталого томленья...» (1900) поэт прямо говорит об этом: «Дыханием живящей бури / Дохни в удушливой глуши», переплетая реалии (природа, обновленная после грозы, омытая и ожившая после летнего зноя) и онтологические представления.

Мифомышление Блока наделяет собственным «дыханием» и времена года, которое становится звуковым кодом уже закрепившейся семантики. Для осени характерны тоскующие «вздохи» прощания, ухода, расставания, сна-смерти: «Но осень ранняя, задумчиво грустна, / Овеяла меня тоскующим дыханьем» («Прошедших дней немеркнувшим сияньем...», 1900); а для весны – томные, умиротворенные: «За городом в полях весною вздох дышит» («За городом в полях...», 1901), «Весенних талей вздохи томны» («Вот "в" в изнурительной работе...», 1904), «Всё дышит ленивым / И белым размером / Весны» («На перекрестке», 1904). Особое значение, следуя романтической традиции, поэт придает ночной тьме, сумеркам, когда приглушаются звуки суеты и появляются возможность слышать голос «тишины»: «Там, знаю, впереди "морскую зыбь колышет / Дыханье сумрака» («За городом в полях...», 1901), «Широки ночей объятья, / Тяжки вздохи темноты!» («Ее пришествие», 1904).

Надконтекстуальная семантика «живое» («духовное») в фономотиве «дыхание» делает его контекстуально синонимичным понятию «жизнь». Поэт при этом разводит представления о жизни духовной и жизни земной. В стихотворении «Она, как прежде, захотела...» (1908) он проводит прямую параллель между жизнью и духом: «Она, как прежде, захотела / Вдохнуть дыхание свое / В мое измученное тело». Собственно тело предстает всего лишь коконом, оболочкой для «я»-духа, и его земное бытование сродни умиранию, потому лейтмотивом проходит невозможность «вдохнуть», т.е. жить: «Дай вздохнуть в этом сонном мире» («Ты в поля отошла без возврата...», 1905), «Не уйди, не встань и не вздохнуть» («Благовещение», 1909), «Близкой вой похоронных труб, / Смутен вздох охладивших губ» («Я ее победил, наконец...», 1909), «Когда же всколосится поле, / Вздохнет униженный народ?» («В голодной и больной неволе...», 1909), «Вздохнуть "и очи / Навсегда / Сомкнуть» («Поет, поет...», 1913), «И тихая тоска сожмет так нежно горло: / Ни охнуть, ни вздохнуть» («Весь день "как день"», 1914).

Жизнь духовная получает в блоковской лирике фоновсемантическое воплощение как «вдохновение». В контексте отдель-

ных произведений оно может быть синонимично мечте: «Вдохновенье обманутых дней» («Не легли еще тени вечерние...», 1899), «Не призывай и не сули / Душе бывшего вдохновенья» («Не призывай и не сули...», 1900), «дни спокойного волненья / Несут, дарят последним вдохновеньям / Избыток отлетающей мечты» («Осенняя элегия», 1900), «Так диктует вдохновенье: / Моя свободная мечта» («Да. Так диктует вдохновенье...», 1911-1914). Но всегда мечта лирического «я» связана с его стремлением услышать «песню», прозреть «огонь», дожидаться отклика на свою «песню»-молитву. Свою миссию как поэта он видит в том, чтобы озвучить «тишину», словом передать голоса «миров иных» и словом «докричаться» до «безмолвия» небес. Творческий дар переживается им как «огонь», «буря», он всеохватен и полностью поглощает, сжигает изнутри: «Если дух твой горит беспокойно, / Отгоняй вдохновения прочь» («Отрекись от любимых творений...», 1900), «Измучен бурей вдохновенья» («Измучен бурей вдохновенья...», 1900). Но это страдание говорит о живой душе, и лирический герой словом возрождает жизнь духа, выполняя в земном мире теургическую миссию.

Художнику, как и самой природе, дар возрождения дан «невыразимым», «небесно-божественным», это «Всеохранительная сила», что «В своем неведомом пути / Природу чудно вдохновила / Вернуться к жизни и цвести» («После грозы», 1900). В стихотворении 1914 года «Эпитафия Фра Филиппо Липпи» он рисует художника-творца и сюжет одухотворения произведения искусства: «Душу умел я вдохнуть искусными пальцами в краски». К проблеме теургического начала искусства многократно обращалась мировая литература, поднимая вопрос о праве художника, человека на созидательное соревнование с самим Творцом. В блоковском же мировосприятии творческий дар уже сам по себе предполагает созидательное, животворящее деяние, потому поэт и говорит о «дыхании» творчества как возрождающем начале. Например, в стихотворении «Усталый от дневных блужданий...» (1898) он проводит прямую параллель между дыханием, весной и жизнью: «Когда б я мог дохнуть ей в душу / Весенним счастьем в зимний день». Как весна приносит возрождение, так и лирический герой-поэт стремится повторить подвиг воскрешения, возродить погибающую в земном – зимнем, страстном – душу героини.

Этот мотив органично распространяет семантику «дыхания» как знака «живого», живой души на способность к чувствованию. Блок обычно обращается к тем эмоциональным переживаниям, которые связаны с мотивом возрождения, обретения, возвращения, многократно варьируя архетипическую сюжетную схему «хищник – жертва», евангельские сюжеты возвращения блудного сына, прихода Мессии, мотив искупления. В центр духовно-чувственной жизни поэт ставит любовь, страдание, искупление, которые на новом уровне отражают идею стадийности истории, в данном случае, истории развития личности.

Любовные «вздыхания» героя и героини в блоковской лирике часто выражают страстный земной порыв: «Вздыхать у милой на пороге» («О, наконец! Былой тревоге...», 1899), «Чую дыхание страстное» («Шли мы стезею лазурною...», 1900), «Я слушаю вздохи твои / В каком-то несбыточном сне... / Слова о какой-то любви... / И, боже! мечты обо мне...» («На темном пороге тайком...», 1902), «Хочу по имени назвать, / Дышать и жить с тобою рядом...» («Всю жизнь ждала...», 1908), или страдание от неразделенного, непонятого чувства: «Вздыхал о чем-то я, чего-то было жалко» («Жизнь медленная шла...», 1902), «Кто-то ходит вздыхать обо мне» («В час, когда пьянеют нарциссы...», 1904). Освобождение от страданий (ответное чувство героини/героя, приветное слово, отклик небес и т.п.) тоже сопровождается «вздохом», выражая облегчение, освобождение души: «Найду пути, и не вздохну о дне!» («Не жаль мне дней...», 1901). Как и приход весны, освобождающий от зимнего сна-смерти, вызывает у лирического героя слезы радости и «вздох» облегчения, что ожидания сбываются: «Мы тогда откроем двери, / И заплачем, и вздохнем, / Наши зимние потери / С легким сердцем понесем» («На весенний праздник света...», 1902).

В целом надконтекстуальная семантика фономотива «дыхание» в поэзии Блока формируется центристическим движением сети индивидуальных, локальных смыслов, концентрируемых в семантическом ядре «жизнь/душа/дух». Все изводы его формируются в звуковом коде особое пространство, семантическое, эмотивное поле которого «продлевает» конкретно-образную природу сакрального пространства храма/природы/творчества в эмоционально-духовной сфере.

Библиографический список

1. Бердяев, Н. Русская идея. – СПб., 2008.
2. Лотман, Ю.М. К проблеме пространственной семиотики // Ю.М. Лотман. Об искусстве. – СПб., 1998.
3. Гречаник, И.В. Художественная концепция бытия в русской лирике первой трети XX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2005.
4. Блок, А.А. Собрание сочинений: в 8 т. – М.; Л., 1960-1963.
5. Леонтьев, К.Н. Восток, Россия и славянство. – М., 2007.

Bibliography

1. Berdyayev, N. Russkaya ideya. – SPb., 2008.
2. Lotman, Yu.M. K probleme prostranstvennoy semiotiki // Yu.M. Lotman. Ob iskusstve. – SPb., 1998.
3. Grechanik, I.V. Khudozhestvennaya koncepciya bihtiya v russkoy lirike pervoy treti KhKh veka: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. – M., 2005.
4. Blok, A.A. Sbranie sochineniy: v 8 t. – M.; L., 1960-1963.
5. Leontjev, K.N. Vostok, Rossiya i slavyanstvo. – M., 2007.

Статья поступила в редакцию 19.05.14

УДК 81

Timashova Ye.V., Voronina T.N. NEOLOGISM OF XX-XXI CENTURY AND ITS ROLE IN THE MODERN LANGUAGE.

In this article the issues devoted to neologisms from a historical point of view is considered, and the preconditions for the formation of new lexical units are revealed. The researcher denotes the ratio of society for this type of words in different historical periods. The paper presents a classification, according to the works of linguists, and provides conclusions about the significance of neologisms with the examples of neologisms of XX-XXI century.

Key words: neologism, language system, lexical unit, nominative function, semantic and lexical neologisms.

Е.В. Тимашова, преп. ФГКОУ ВПО «Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России», г. Ставрополь, E-mail: timashova-k@mail.ru; **Т.Н. Воронина**, канд. филол. наук, проф. ФГКОУ ВПО «Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России», г. Ставрополь, E-mail: tatjana-nic@yandex.ru

НЕОЛОГИЗМЫ XX-XXI ВЕКА И ИХ РОЛЬ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются вопросы, посвященные неологизмам с исторической точки зрения, озвучены предпосылки для образования новых лексических единиц, обозначено отношение социума к данному типу слов в разные исторические периоды. Произведена классификация с опорой на работы лингвистов и содержатся выводы о значимости неологизмов и приведены примеры неологизмов XX-XXI.

Ключевые слова: неологизм, языковая система, лексическая единица, номинативная функция, семантические и лексические неологизмы.

Процессы образования новых слов, их употребление в речи всегда интересовали ученых и исследователей языка. На современном этапе развития цивилизации можно говорить о непрерывном потоке неологизмов в связи с изменениями реальности, окружающего мира и социума в плане нарастающего взаимодействия носителей разных языков, активно развивающихся технологий, требующих все больше и больше новых наименований. А. Мартин говорит о том, что «...язык изменяется под давлением изменения нужд коммуникации в постоянном конфликте с экономией усилий, с одной стороны, и с традицией – с другой. Языковые изменения как процесс могут быть полностью осмыслены только при синхроническом рассмотрении динамики языка» [1, с. 90]. В свою очередь, динамизм языка во все времена являлся предметом наблюдения и изучения лингвистов, более того, исходя из многообразия новых слов в языке, появившихся за последнее время, особое внимание обращается на современные неологизмы и недавно возникшие. Таким образом, целью данной статьи является рассмотрение неологизмов периода XX-XXI веков, их классификация и определение роли в современной языковой системе.

Язык представляет собой развитую, сложную систему, непрерывно подвергающуюся изменениям и трансформациям. Любую языковую систему можно сравнить с живым организмом, который с течением времени либо эволюционирует, взаимодействуя с чужеродными подобными системами, либо деградирует, постепенно исчезая, испытывая на себе воздействие внешней среды. Более того, каждая эпоха развития человечества вносит свои коррективы в жизнь и развитие языков, тем самым модернизируя их. Так вот, одним из подобных способов модернизации является наполнение языковой системы неологизмами – исходя из данных слов, можно говорить об актуальности статьи. Если рассматривать суть возникновения слов данного класса, то не-

обходимо отметить, что сразу после образования в большинстве своем они составляют часть пассивного запаса слов, так как не являются на первых этапах внедрения в язык повседневными. Сам термин «неологизм» имеет показательную этимологию: при переводе с греческого *neos* – новый и *logos* – слово. Таким образом, со временем пассивная лексика переходит в разряд активной и новые слова, словосочетания употребляются на порядок чаще, следовательно, их уже невозможно обозначить в качестве неологизмов.

Как уже было озвучено ранее, каждая эпоха характеризуется специфическими особенностями в различных сферах жизни общества – экономике, социологии, политике и так далее. Язык не стал исключением. Если подвергнуть поверхностному анализу любой отрезок времени в прошлом до настоящего момента, то с легкостью возможно отметить взаимосвязь лексического состава и особенностей, характерных для конкретного периода, реальности того времени и его отражение в словарном запасе. Кстати говоря, отношение к подобным трансформациям в прошлом было неоднозначным. В качестве примера приведем определение термина неологизма в словаре XVIII века: «НЕОЛОГИЗМ, м. фр. *neologisme*. Новое слово. Простонародие вместо простой народ; общенародие, вместо государства, новые существительные имена. В наше время неологизм есть сущая язва» [2, с. 177]. Интересен тот факт, что явление неологизмом в то время рассматривалось как негативное воздействие и противоестественный процесс, что обозначено словами: «неологизм есть сущая язва». Подобная реакция, скорее всего, была обусловлена настороженным восприятием всего иногородного, чужеродного, отличного от обыденного. Факт, что до XIX века изменение языковых норм воспринималось как проявление недалекого ума и подвергалось насмешкам, но уже в XIX веке общество стало равнодушным к такому явлению, а концу века

и вовсе феномен трансформации языка перестал быть чем-то недопустимым. Более того, он стал ассоциироваться с творческим проявлением при выражении чувств и мыслей. В дальнейшем, в результате прогресса общественной и культурной сфер жизни общества, революционных процессов, приток новых слов увеличился в разы и данное действие стало рассматриваться как абсолютно неминуемый и обыденный процесс.

Переходя от истории и углубляясь в классификацию неологизмов стоит отметить, что данная лексическая группа дифференцируется в зависимости от следующих критериев:

- цели создания новых слов;
- способа их появления;
- условий создания.

Итак, в зависимости от цели образования новых слов неологизмы подразделяются на стилистические и номинативные. Номинативные неологизмы выполняют соответствующую номинативную функцию, то есть сами по себе являются названиями новых явлений или понятий, возникающих вследствие развития социума и технического прогресса. Стоит отметить, что базовую часть номинативных неологизмов изначально составляет в основном узкоспециальная лексика, не имеющая, как правило, синонимов, которая со временем становится общеупотребительной (например, «марсоход» или «ракетоноситель», «мультикультурализм» и так далее).

Если касаться стилистических неологизмов, то данный тип новых слов образуется от уже ранее существующих и имеет синонимы, в отличие от номинативных. Данный тип неологизмов характеризуется образностью на первых этапах его появления, которая, со временем, теряется, так как стилистические неологизмы, в принципе, как и номинативные, переходят в класс повседневной лексики.

Если рассматривать неологизмы с точки зрения способа их появления, то тогда их можно разграничить на семантические и лексические. В случае семантических неологизмов их образование происходит путем приобретения иного лексического значения у уже ранее известных слов. В итоге образуется многозначность и расширение сфер употребления. В качестве примера можно привести такой семантический неологизм как «палитра» – в значении «разнообразие чего-либо». Лексические неологизмы возникают путем заимствований из иностранных языков или образуются благодаря определенным моделям. Например, неологизм может возникнуть через использование словообразовательной модели при помощи приставок (проамериканский) или суффиксов (марсиане), по принципу словосложения (гидрокостюм).

Важны также условия при появлении неологизма: в этом случае они подразделяются на индивидуально-авторские и общеязыковые (составляющие большинство). Если говорить о второй группе общеязыковых неологизмов, то их появление происходит параллельно с возникновением нового явления или предмета. Характерной чертой для общеязыковых неологизмов является узуальность, то есть повседневное употребление подобных лексических единиц.

Неологизмы первой группы создаются и вводятся в языковую систему конкретными авторами и позднее переходят в разряд активной лексики. Например, Игорь – Северянин (Игорь Васильевич Лотарев – поэт, основатель нового литературного направления – эгофутуризма) создал множество поэтических неологизмов, таких как безгрязье, чернобровье, лесофея, ветропросвист, отличающиеся особой экспрессивностью и стилистикой. К индивидуально-авторским неологизмам близки окказионализмы или, как еще их называют, окказиональные неологизмы. Одной из их особенностей является тесная связь с контекстом, так как вне его окказионализм либо трудно понять, либо он просто теряет свою экспрессивность. Согласно словарю – справочнику лингвистических терминов, окказионализм — (от лат. occasionalis — случайный) — индивидуально-авторский неологизм, созданный поэтом или писателем согласно существующим в языке непродуктивным словообразовательным моделям и использующийся исключительно в условиях данного контекста, как лексическое средство художественной выразительности или языковой игры [2, с. 543]. Хотя, стоит отметить, что способность к образованию такого вида слов присуща не только представителям творческой интеллигенции, но и обычным людям. Одними из таких примеров современных окказионализмов являются слова нышность, грустинка, прихватизация. Конечно, кто является их автором установить довольно сложно,

но, тем не менее, они широко употребляются в речи, а для разграничения бытовых и художественно-литературных окказионализмов, вторые называются индивидуально-стилистическими, которые, в свою очередь, близки к метафорам. Иными словами, индивидуально-стилистические окказионализмы создаются преднамеренно и фиксируются в письменной речи, литературных трудах, в отличие от бытовых, которые, как правило, возникают случайно в устной речи без какой-либо письменной фиксации. Но единой характерной чертой для всех окказионализмов является их назначение – служить в качестве выразительных средств языка.

Если рассуждать о неологизме и окказионализме в целом, то согласно одним исследователям, таким как А.Г. Лыков, данные единицы языка противопоставляются друг другу. Но подобная точка зрения активно оспаривается, что заметно в монографии О.А. Габинской «Типология причин словотворчества», где она, собственно и говорит, о том, что неологизм и окказионализм не стоит противопоставлять.

Говоря о языковой сущности неологизмов, согласно Н.З. Котеловой, одной из основательниц теоретической лексикологии и лексикографии, данное явление можно рассматривать согласно нескольким лингвистическим теориям: «психолингвистической», «денотативной», «структурной» «лексикографической», и «конкретно-исторической» «стилистической».

По стилистической теории неологизмы представляют собой стилистически-маркированные слова с характерной новизной, которая является одним из его признаков и не является доминирующим свойством неологизма.

Согласно психолингвистической теории, неологизм стоит воспринимать как единицу языка, ранее не встречавшуюся в речи отдельно взятого индивида, иными словами, главной чертой считается индивидуальная новизна неологизма для конкретного представителя, говорящего на конкретном языке и определяющего «новизну» неологизма, опираясь на свой жизненный опыт.

Говоря о лексикографической теории, стоит озвучить мнение ее сторонников: с их точки зрения неологизмы представляют собой отсутствующие в словаре лексические единицы. Целесообразна ли такая теория для обозначения неологизма, возможно ли ставить во главу угла такой признак неологизмов – вопрос спорный, тем не менее, у нее существует множество сторонников на Западе.

Касаемо самой распространенной денотативной теории, то в этом случае под неологизмом понимают слово, обозначающее новый предмет или явление, то есть денотат. Но и в данной теории не берется во внимание желание говорящего индивидуума сделать свою речь выразительной, образование слов по аналогии и так далее, иными словами, сторонники этой теории не обращают внимание на внутриязыковые импульсы, провоцирующие появление неологизмов. Исходя из этого, неологизмы не во всех случаях подразумевают новые понятия и реалии, следовательно, денотативная теория имеет свои особенности.

Анализируя структурную теорию, сразу стоит отметить тот факт, что она имеет ряд противников. По принципу этой теории неологизмом называются слова, обладающие новизной во всех аспектах словообразования, то есть к неологизмам не могут быть отнесены лексические единицы, образованные по модели ранее известного слова. Таким образом, неологизмы должны употребляться редко в речи среднестатистического носителя языка, другими словами это должно быть абсолютно новое и не созвучное, не имеющее аналогов, однокоренных и иных признаков родства, слово. Следовательно, одним из основных признаков неологизма должна быть его уникальность. Одним словом, жизнеспособность данной теории можно поставить под сомнение.

Согласно конкретно-исторической теории, во-первых, неологизм является понятием относительными и зависит от времени и действительности, в которой он образовался и вошел в употребление, то есть неологизм, возникнув, не должен иметь аналогов в предшествующий период в языковой системе. Во-вторых, согласно данной теории, неологизм должен иметь свое языковое пространство – сферу употребления. В-третьих, новое слово может обладать либо новым значением (как семантический неологизм), либо новой формой (синоним), либо обладать совокупностью первого и второго (то есть собственно, неологизм).

Таким образом, по нашему мнению, конкретно-историческая теория Н.З. Котеловой наиболее близка к истине. Следовательно, неологизмом является новое слово, заимствованное или

же новообразованное вследствие внешних факторов и спровоцированное действительностью, потребностью, или сформированные по определенным моделям производные слова от ранее известных.

Исходя из того, что для каждой эпохи характерны свои неологизмы, а в названии данной статьи был озвучен определенный период XX – XXI века, то нам следует проиллюстрировать конкретные примеры неологизмов этого времени.

В целом, если рассматривать эпоху XX века, то можно выделить ряд важнейших событий, произошедших в этот период. Впервые, в обществе происходили процессы изменения мировоззрения вследствие изменений во всех сферах социума. Научно-технический прогресс, как и определенное количество революций и войн, политические трансформации не могли не найти отражения в языках, в плане появления новых понятий и терминов.

Автомобиль и телефон, самолеты, радио, телевидение, антибиотики, холодильники, компьютеры и микрокомпьютеры, интернет и мобильные телефоны – все эти термины были когда-то неологизмами, но на данный момент таковыми не являются, так как они уже давно перешли в разряд общеупотребительной лексики.

Касаясь характеристики XXI века, то можно отметить тот факт, что на данный момент происходит активное наполнение, например, русского языка англоязычными словами. Данный процесс обуславливается стремительным развитием новейших технологий, совершения новых открытий и обнаружения новых свойств ранее уже известных веществ. Естественно, все это требует новых названий и новейшей терминологии. Вендинг, гуглить, дресс-код, мерчендайзер, ксерокс, айпад, айфон, клининг, ресепшн, фрик, нано технологии и так далее – все это пока что возможно считать неологизмами, но придет время и данные понятия перестанут быть таковыми.

Подводя итоги, стоит отметить, что современная действительность диктует свои правила, привнося изменения как в сам социум, так и в его деятельность, и, соответственно, в языковые системы. Таким образом, неологизмы обновляют и омолаживают язык, приводя его в соответствие с реалиями окружающего мира, делают его богаче, помогают носителю того или иного языка более точно выражать эмоции и чувства. Процесс пополнения языка неологизмами является постоянным и бесконечным, ибо если развиваемся мы, то и наш язык развивается вместе с нами.

Библиографический список

1. Мартине, А. Новое в лингвистике. – М., 1972. – Вып. 6.
2. Сорокин, Ю.С. Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. языка. – СПб., 2005. – Вып. 15.
3. Розенталь, Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителей / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – М., 1976.
4. Болотов, В.И. Структура окказионализмов и их функция в тексте // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент, 1982.
5. Вендина, Т.И. Введение в языкознание: учеб. пособие для педагогических вузов. – М., 2001.
6. Габинская, О.А. Типология причин словотворчества. – Воронеж, 1981.
7. Земская, Е.А. Современный русский язык. Словообразование. – М., 1973.
8. Лыков, А.Г. Русское окказиональное словообразование: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1972.
9. Новые слова и значения: словарь-справочник (по материалам прессы и литературы 60-х годов) / под ред. Н.З. Котеловой, Ю.С. Сорокина. – М., 1971. – М., 1973.
10. Новые слова и словари новых слов / отв. ред. Н. З. Котелова. – Л., 1978.
11. Новое в русской лексике. Словарные материалы-78 / под ред. Н.З. Котеловой. – М., 1981.
12. Новое в русской лексике. Словарные материалы-79 / под ред. Н.З. Котеловой. – М., 1982.
13. Новое в русской лексике. Словарные материалы-80 / под ред. Н.З. Котеловой. – М., 1984.

Bibliography

1. Martine, A. Novoe v lingvistike. – M., 1972. – Vihp. 6.
2. Sorokin, Yu.S. Slovarj russkogo yazhka XVIII veka / AN SSSR. In-t rus. yazhka. – SPb., 2005. – Vihp. 15.
3. Rozentalj, D.Eh. Slovarj-spravochnik lingvisticheskikh terminov: posob. dlya uchitelej / D.Eh. Rozentalj, M.A. Telenkova. – M., 1976.
4. Bolotov, V.I. Struktura okkazionalizmov i ikh funkciya v tekste // Aktualniye problemih russkogo slovoobrazovaniya. – Tashkent, 1982.
5. Vendina, T.I. Vvedenie v yazhkoznaniye: ucheb. posob. dlya pedagogicheskikh vuzov. – M., 2001.
6. Gabinskaya, O.A. Tipologiya prichin slovotvorchestva. – Voronezh, 1981.
7. Zemskaya, E.A. Sovremenniy russkiy yazhik. Slovoobrazovanie. – M., 1973.
8. Lihov, A.G. Russkoe okkazionalnoye slovoobrazovanie: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. – M., 1972.
9. Novye slova i znacheniya: slovarj-spravochnik (po materialam pressii i literaturih 60-kh godov) / pod red. N.Z. Kotelovoy, Yu.S. Sorokina. – M., 1971. – M., 1973.
10. Novye slova i slovari novikh slov / otv. red. N. Z. Kotelova. – L., 1978.
11. Novoe v russkoy leksike. Slovarniye materialih-78 / pod red. N.Z. Kotelovoy. – M., 1981.
12. Novoe v russkoy leksike. Slovarniye materialih-79 / pod red. N.Z. Kotelovoy. – M., 1982.
13. Novoe v russkoy leksike. Slovarniye materialih-80 / pod red. N.Z. Kotelovoy. – M., 1984.

Статья поступила в редакцию 15.05.14

УДК 821.161.1

Khalifaeva G.A. STRUCTURAL TYPES OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE TEXT OF SERVILE EPOS IN LEZGIN. The article examines structural types of phraseological units in the Lezgin people's heroic work of "Servile". The paper deals with the phraseological units with respect to their grammatical structure.

Key words: phraseological unit, structure, structural types, morphological category, combination, lexicon, language system, national heroic epos.

Г.А. Халифаева, соискатель каф. дагестанских языков, Дагестанский гос. университет, г. Махачкала, E-mail: uzlipat066@mail.ru

СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ТЕКСТЕ ЛЕЗГИНСКОГО ЭПОСА «ШАРВИЛИ»

В статье анализируются структурные типы фразеологических единиц в лезгинском народном героическом произведении «Шарвили». В работе рассматриваются фразеологические единицы с точки зрения их грамматической структуры.

Ключевые слова: фразеологизм, структура, структурные типы, морфологический разряд, сочетание, лексика, система языка, народный героический эпос.

Литературный лезгинский язык возник и развивается на основе гюнейского диалекта кюринского наречия, который занимает центральное место на территории распространения языка и в той или иной степени близок почти ко всем остальным диалектам лезгинского языка [1]. Первым лингвистическим трудом, имеющим отношение к лезгинской лексикологии, является монография П.К. Услара по лезгинскому языку [2].

Фразеологизмы в системе языка тесно соприкасаются со словами и словосочетаниями, но между этими языковыми единицами наблюдается существенное различие [3]. Одним из вопросов, стоящих перед изучающими фразеологию, является анализ фразеологических единиц языка с точки зрения их грамматической структуры. Изучение словарного состава эпоса позволяет выявить самые разнообразные слои лексики, в первую очередь, архаизмы и историзмы. Эпос как уникальное явление традиционной народной культуры содержит различные тематические группы лексики. Немаловажным моментом, из-за чего эпос именуется эпосом, являются языковые особенности произведения. Лексические особенности языка лезгинского народного героического эпоса «Шарвили» характеризуются относительно устойчивым содержанием исконной лексики и незначительными вpletениями заимствованных слов. Встречающиеся здесь фразеологизмы, пословицы, поговорки красочно иллюстрируют образную мысль народа, вместе с тем объединяя их в общее духовное богатство лезгинских народов.

По своему грамматическому строению, фразеологические единицы лезгинского языка подразделяются на два больших разряда:

- а) имеющие структуру словосочетаний,
- б) имеющие структуру предложений.

В зависимости от количества компонентов фразеологические единицы можно делить на две группы: двухкомпонентные и многокомпонентные фразеологические единицы. Двухкомпонентные фразеологические единицы по признаку морфологического разряда сочетающихся членов подразделяются на структурные типы.

В данной статье анализируются типы фразеологических единиц, встречающиеся в лезгинском героическом эпосе «Шарвили». Шарвили – широкомасштабное и многоплановое произведение народного творчества. Его полный канонический текст, собранный и литературно обработанный ещё в 50-х годах XX века поэтами Забитом Ризвановым (1926-1992 гг.) и Байрам Салимовым (1929 г.) впервые был издан на лезгинском языке отдельной книгой в Махачкале в 1999 г. В культурном наследии многих народов имеются такие произведения, которые во все времена притягивают к себе внимание людей. Одним из таких является лезгинский героический эпос «Шарвили». Созданный в далеком прошлом, он до сих пор остаётся самым любимым произведением устного поэтического творчества народа. «Шарвили» является одним из самых дорогих памятников нашей истории, самой бесценной жемчужиной лезгинской духовной культуры. Главный герой этого произведения, Шарвили, олицетворяет нашу духовную твердыню. Героический эпос играет важную роль в формировании национального самосознания и сплочении каждого народа. Язык эпоса необычен и привлекает своей своеобразностью и оригинальностью. В тексте эпоса встречаются достаточное количество образных выражений, пословиц и поговорок, фразеологических единиц. Наше внимание привлекли фразеологические единицы, встречающиеся в данном эпосе и их структура. Наша работа является первой, в которой структурному анализу подвергаются фразеологические единицы эпоса «Шарвили».

В тексте эпоса встречаются три структурных типа фразеологических единиц: существительное + существительное; прилагательное + существительное, глагольные фразеологические единицы.

Структурный тип «существительное+существительное». Они в основном характерны для разговорной речи. В тексте эпоса данный структурный тип встречается реже. Примеры:

Хийир-дуа авуна	«Пусть с коня слезает редко
Шарвилидиз элери.	И врага разит он метко.
Хийир-дуа авуна	И народы всей земли
Шарвилидиз чилери.	Пусть полюбят Шарвили!» [4]

Образования, где именительный падеж выступает в роли определения, в современной лезгинском языке непродуктивны. Очевидно, сравнительно недавно этот класс включал в себя немало примеров, о чем свидетельствуют единицы, данные в работе П.К. Услара: гада итим (мальчик мужчина) «ветреный человек», гада паб (мальчик женщина) «ветреная женщина» [2]. Повествовательный пласт эпического произведения взаимодействует с диалогами и монологами персонажей. Эпическое повествование то становится самодавяющим, на время отстраняя высказывания героев, то проникается их духом в несобственно-прямой речи; то обрамляет реплики персонажей, то, напротив, сводится к минимуму или временно исчезает. Объективность эпического повествования отмечает и И.А. Гуляев: «В эпическом произведении внешние обстоятельства определяют поведение действующих лиц, их настоящее и будущее» [5].

У фразеологических единиц структуры «прилагательное + существительное» грамматически опорным словом является существительное. Прилагательное определяет существительное. Данный структурный тип является наиболее часто встречающимся в тексте исследуемого эпоса:

Хажалатдин гар галаз	«За станок она садится, –
Циф атана рагариз.	На ковре узор родится.
Хажалатдин пар галаз	Вечер наступил уже,
Ииф атана рагариз.	Но тревожно на душе».

Форма числа существительного в составе этой структуры зависит от значения фразеологической единицы: выбор числовой формы отсутствует в тех случаях, когда фразеологическая единица выражает конкретные предметы, возможно употребление в обоих числах.

Отметим, что в тексте эпоса «Шарвили» встречается еще один структурный тип фразеологических единиц. Это глагольные фразеологические единицы. Исследователи фразеологии почти всех языков отмечают, что глагольные фразеологические единицы – это самый многочисленный слой фразеологического фонда. Материал лезгинского языка и исследуемого эпоса также подтверждает это. Приведем некоторые примеры глагольных фразеологических единиц на основе текста эпоса «Шарвили»:

Шарвилидин рик ала	«Шарвили любил с друзьями
Элдин ширин манийрал.	Коня водить упрямо
Шарвилидин рик ала	За аулом, над рекой
Фикирдеринманийрал.	Светлым лунным вечером».

Рассмотренные фразеологические единицы из текста эпоса Шарвили характеризуют зрительное восприятие, различные движения людей в окружающем мире, психо-физические состояния человека.

Приведенные примеры фразеологические единицы обладают и семантической общностью: они выражают состояние, в котором пребывает логический субъект. Состояние логического субъекта характеризуется через описание отдельных частей тела, названия которых стоят в именительном падеже.

Для структуры глагольных фразеологических единиц лезгинского языка, независимо от количества компонентов, характерны следующие особенности:

1) глагольное слово, несущее в себе категориальное значение, замыкает структуру; оно является формально грамматическим центром;

2) в препозиции располагается компонент, генетически находившийся в различных синтаксических отношениях с постпозитивным членом.

Анализ фразеологических единиц по тексту эпического произведения усложняется тем, что в данном случае при переводе фразеологического сочетания на русский язык почти не сохраняется данный оборот с фразеологической точки зрения. Каждый лексический компонент в фразеологических единицах имеет жестко фиксированное место.

Библиографический список

1. Гайдаров, Р.И. Лексика лезгинского языка. – Махачкала, 1977.
2. Услар, П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. VI Кюринский язык. – Тифлис, 1986.
3. Гольмагомедов, А.Г. Фразеология лезгинского языка. – Махачкала, 1972.
4. Шарвили. Лезгинский народный героический эпос. – Махачкала, 2008.
5. Гуляев, Н.А. Теория литературы. – М., 2003.

Bibliography

1. Gaydarov, R.I. Leksika lezginского yazihka. – Makhachkala, 1977.
2. Uslar, P.K. Ehtnografiya Kavkaza. Yazihkoznaniye. VI Kyurinskiy yazihk. – Tiflis, 1986.
3. Gulymagomedov, A.G. Frazеologiya lezginского yazihka. – Makhachkala, 1972.
4. Sharvili. Lezginский narodniy geroicheskiy ehpos. – Makhachkala, 2008.
5. Gulyaev, N.A. Teoriya literaturih. – M., 2003.

Статья поступила в редакцию 16.05.14

УДК 81'37

Voronova N.G. POLYSEMY IN LANGUAGE AND SPEECH IN THE ASPECT OF LANGUAGE ABILITY. The article is devoted to the description of the semasiological type of a language ability. The author makes an attempt to explain polysemy in speech by installation of the language personality with type of a language ability on the transmission of subjectively significant information. Thus, the polysemy of lexical units (polysemanticism) is considered in the aspect of the quality of language ability.

Key words: polysemy, linguistic personality, language ability, semasiological type of language ability, types of information metabolism.

Н.Г. Воронова, канд. филол. наук, доц. каф. общего и русского языкознания АлтГПА, г. Барнаул, E-mail: ngvoronova@mail.ru

МНОГОЗНАЧНОСТЬ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ В АСПЕКТЕ ЯЗЫКОВОЙ СПОСОБНОСТИ

Статья посвящена описанию семасиологического типа языковой способности. В ней предпринимается попытка объяснить многозначность в речи установкой языковой личности с семасиологическим типом языковой способности на передачу субъективно значимой информации. Таким образом, многозначность лексических единиц (полисемия) рассматривается в аспекте качества языковой способности.

Ключевые слова: полисемия, языковая личность, языковая способность, семасиологический тип языковой способности, тип информационного метаболизма.

В работах [1-3 и др.] нами было выдвинуто предположение, согласно которому тип информационного метаболизма (далее – ТИМ) человека может быть соотнесен с типом его языковой способности (далее – ЯС). Мы предположили, что «ТИМ человека обуславливает качество его языковой способности, которое, в свою очередь, определяет способ семантического означивания в предложении при передаче субъективно значимой информации: ономасиологический или семасиологический, парадигматический или синтагматический. Этот способ проявляется в направленности речевой деятельности субъекта на определенный структурно-языковой тип вербальных ассоциаций, который может быть выявлен в анализе речевых произведений носителя языка, рассматриваемого на нулевом – вербально-семантическом уровне структуры его языковой личности» [3, с. 187].

При необходимости передачи субъективно значимой информации языковая личность сталкивается с противоречием между индивидуальным знанием и коллективным средством его выражения. Автор текста с семасиологическим типом ЯС выражает индивидуальный смысл, вкладывая «новую интенцию в слово, уже имеющее свою собственную предметную интенцию и сохраняющую ее» [4, с. 85]. В результате слово общего языка, используемое для выражения речевой интенции, становится в контексте предложения многозначным. Значения такого слова также в зависимости от типа ЯС «неизбежно должны взаиморегулироваться» [4] – парадигматически или синтагматически.

Предположив, что тип языковой способности «имеет силу закона в процессе речевой деятельности и в случае выражения языковой личностью субъективно значимой информации может быть выявлен при анализе номинативного состава предикативной единицы языка» [5, с. 36], мы проанализировали ряд речевых произведений – эпистолярных текстов частной переписки русских поэтов и писателей – на вербально-семантическом уровне. Анализ лексической семантики в предложении позволяет увидеть «внутреннюю структуру знаковой операции» (Л.С. Выготский), направленность речевого действия на определенный структурно-языковой тип вербальных ассоциаций: семасиологический или ономасиологический, парадигматический или синтагматический. Выполненный нами анализ позволил выявить языковых личностей с семасиологическим типом ЯС.

Описание семасиологического типа ЯС производилось нами на материале лексики (лексической семантики) эпистолярных

текстов – частных писем. Не предназначенное для публикации частное письмо политематично и полифункционально (Н.И. Белунова). Его автор свободен в своих речевых проявлениях, что делает частное письмо «очень субъективным жанром» [6, с. 179]. Особенности частного письма, читает О.П. Фесенко, во многом обусловлены «личностью автора, который не может отстраниться от излагаемой им информации, реализуя свое «Я» в каждой строке, в каждом слове эпистолярного текста» [6]. Именно это обстоятельство – отражение в частном письме языковой личности автора – позволяет использовать его языковой материал для экспликации типа языковой способности автора текста.

К языковым личностям с семасиологическим парадигматическим типом ЯС мы отнесли И.А. Бунина, А.А. Ахматову, А.А. Тарковского, В.С. Высоцкого. Для передачи субъективно значимой информации эти авторы организуют контекст предложения в речевом произведении таким образом, что он «содержит положительные указания на разные семантические программы реализации языковых потенций слова, т.е. контекст разнороден: одна его часть дает основание для одной из программ, тогда как другая часть является основанием для реализации другой программы» [7, с. 43].

Контекст предложения в речевых произведениях языковой личности с синтагматическим типом ЯС (Ф.И. Тютчев, А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинский, В.В. Набоков) в случае передачи субъективно значимой информации «не содержит достаточных указаний для выбора лишь одной программы, у слова имеется более чем одно значение, не противоречащее контексту», т.е. контекст «не препятствует одновременной реализации более чем одного значения» [7, с. 43].

Выявление особенностей функционирования номинативных единиц, а именно парадигматических и синтагматических семантических отношений, в которые вступают между собой лексемы в предложении, требует обращения к значению слова. С этой целью в работе были использованы **Большой толковый словарь** русского языка под редакцией С.А. Кузнецова [9], Новый толково-словообразовательный словарь русского языка Т.Ф. Ефремовой [10], Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой [11] и Словарь русского языка в 4-х томах [12]. Поскольку значение слова и тем самым его значимость как элемент значения актуализируется в предложении, именно эта единица языка, которую мы, вслед за Ю.С. Степановым, рассматриваем как статичный языковой знак, разделяющий эту свою

знаковую природу с именем, позволяет увидеть «внутреннюю структуру знаковой операции», обусловленную типом языковой способности носителя языка.

Приведем фрагменты выполненного нами анализа.

Для выявления и описания типа ЯС Ф.И. Тютчева на вербально-семантическом уровне мы использовали письма поэта Вацлаву Ганке (от 16/28 апреля 1843 г. Мюнхен) [8] и Е.Л. Тютчевой (от 31 августа 1846 г. Овстуг). Вот одно из них. Оно начинается с указания на место нахождения адресанта, дату написания и обращения к адресату в точном соответствии с жанровым канонem (Мюнхен. Сего 16/28 апреля 1843 / Милостивый государь.).

В контексте первого предложения анализируемого письма *Как мне достойно благодарить вас за вашу память и за ваш драгоценный подарок?* одна лексема реализует более одного значения: ДРАГОЦЕННЫЙ = имеющий большое значение, очень нужный, важный + обладающий особыми полезными, ценными и т.п. свойствами, отличающимися что-л. от чего-л. подобного + милый (располагающий к себе + приятный на вид, доставляющий удовольствие).

В контексте второго предложения *При виде этой пресловутой книжицы в ее новом щегольском наряде, этих многообразных, многозначительных писем одной Великой Семьи – особенно при виде вашего имени, я снова очутился в Праге, над золотистыми струями вашей именитой Молдавы, на высотах Градчина, в тихой и минутной беседе с вами, милостивый государь* несколько значений одновременно реализуют следующие лексемы: ПРЕСЛОВУТЫЙ = известный, широко известный, популярный + замечательный, превосходный по своим качествам + замечательный, достойный сохранения в памяти; НОВЫЙ = 1. Вновь сделанный или вновь приобретенный; не бывший или мало бывший в употреблении. 4. Появившийся вместо прежнего, ранее бывшего, заменивший собой прежний или такой, который появится, заменит собой прежний; ЩЕГОЛЬСКОЙ = нарядный, т.е. имеющий красивый внешний вид, внешне красивый; изысканный, т.е. качественно сделанный, доведенный до большого совершенства и, тем самым, отвечающий требованиям самого тонкого вкуса; модный, т.е. отвечающий моде, сделанный по моде, отвечающих господствующим вкусам в обществе. ЩЕГОЛЬСКОЙ как ИЗЯЩНЫЙ в контексте данного предложения может реализовывать еще одно значение: отличающийся тонкой и строгой художественной соразмерностью и красотой. Лексема НАРЯД в одном случае обозначает ОФОРМЛЕНИЕ книги 2. Внешний вид, форма чего-н. *Нарядное о. книги*; 2. Внешний вид, форма чего-н. (нов.). *Книга с художественным оформлением*. В другом случае НАРЯД – это ОБЛОЖКА. Бумажная обертка, покрывка, в которую переплетается Книга, тетрадь (в отличие от твердого переплета). *Книга в нарядной обложке*. Лексема МНОГООБРАЗЛИВНЫЙ реализует значения неоднородность, неоднобразие и разнородность, разнобразие. В составе словосочетания *многозначительные письма* существительное может обозначать и «план выражения», и «план содержания». В первом случае *многозначительные письма* можно понимать как своего рода тайнопись. Во втором – как наличие в написанном некой скрытой информации. Лексема ОЧУТИТЬСЯ в контексте предложения имеет одновременно два разных значения – реально совершаемого и ирреального действия: 1) Попасть куда-л., оказаться где-л. (обычно внезапно, неожиданно). 2) Оказаться в каком-л. положении, состоянии, виде и ПЕРЕНЕСТИСЬ. 2. Мысленно представить себя в другом месте, в другом положении, в другое время и т.п. Безусловно, речь идет о мысленном перемещении, но автору, очевидно, важно сообщить и о том особом состоянии, с которым у него связаны воспоминания о прошлом пребывании в Праге. Прилагательное ТИМХИЙ в контексте предложения может реализовывать значения 1. (...) негромкий; противоп. громкий. 5. (...) без волнений и тревог. 7. Спокойный (...) 9. Медленный, не быстрый. Таким образом, в этом слове в контексте его употребления одновременно присутствуют более двух значений, что позволяет рассматривать его как обозначение силы голоса, темпа и тональности речи, ее эмоционального характера или эмоционально-экспрессивного содержания и квалифицировать совмещение значений по типу «склеивания». Слово МИНУТНЫЙ в контексте употребления, скорее всего, реализует значение 2) б) перен. Кратковременный, мгновенный, быстро проходящий. Хотя контекст предложения не исключает и прямого значения данной лексемы: □3) Продолжающийся, длящийся одну

минуту, около минуты. В этом случае можно говорить об оцилляции значений.

Слово ВОЛШЕМБНЫЙ в контексте следующего предложения *Волшебный город эта Прага! – Я, москвич, должен сознаться, что ничего не видывал краше ее...* употреблено в значении 2. перен. Сказочно прекрасный, пленительный, чарующий; 2. перен. Чарующий, пленительный, неотразимый по красоте (книжн. поэт.). В самом этом значении слиты несколько компонентов: необыкновенно (сказочно) красивый и оставляющий очень сильное впечатление, или оказывающий очень сильное воздействие, такое, которому трудно противостоять или воздействия которого трудно избежать. Слово СОЗНАТЬСЯ в контексте предложения реализует значения двух лексем: ПРИЗНАТЬ 1. согласиться считать законным, существующим, действительным. 2. Счесть, сделать какое-н. заключение о ком-н. и ПРИЗНАТЬСЯ Открыто объявить, признать что-н. касающееся себя.

В пятом предложении *Ни один город не оставил во мне такой живой памяти* многозначность сохраняют лексемы ОСТАМБИТЬ (закрепиться, сохраниться (в памяти) и оказать воздействие) и ЖИВОЙ (яркий, красочный, образный, выразительный + интенсивно, деятельно, активно проявляющийся + остро/сильно переживаемый/ощущаемый).

В предложении *Ни один город не смотрит на посетителя такими чудными, человечески-понятливыми глазами...* выражение *город смотрит* можно рассматривать как олицетворение, как образное выражение: город «смотрит глазами» – окнами, витринами, фасадами, обращенными на посетителя. Наконец, третье значение глагола 3. (см. посмотреть) воспринимать зрительно и интеллектуально поддержано определением *человечески-понятливыми*. Лексема ЧУМДНЫЙ в контексте предложения реализует значения удивительный и прекрасный.

В седьмом предложении письма *В них столько жизни настоящей и столько пророческого...* слово ЖИЗНЬ употреблено в метафорическом значении: в них (глазах города) столько жизни (= полноты проявления физических и духовных сил). Кроме того, возможно и неметафорическое прочтение предложения. В этом случае лексема ЖИЗНЬ реализует значение 8. Оживление, возбуждение, вызываемое деятельностью живых существ. Многозначными в контексте предложения являются и лексемы НАСТОЯЩИЙ и ПРОРОЧЕСКИЙ.

В предложении (8) *Вероятно, у вашей пророчицы Ванды были такие же глаза* лексема ПРОРОЧИЦА может реализовывать значения 1. По воззрениям различных религий – провозвестник и истолкователь воли бога. 2. Предсказатель будущего.

В предложении (9) *В самом деле, нельзя, посетит Прагу, нельзя не чувствовать на каждом шагу, что на этих горах, под полупрозрачною пеленою великого былого, неотразимо и неизбежно зреет еще большая будущность!* лексема ЧУМСТВОВАТЬ реализует значения 4. также с придаточным дополнительным. Воспринимать интуицией, чутьем. || Предчувствовать, предугадывать интуицией. Тяжелый, давящий испуг обнял грудь матери. 5. также с придаточным дополнительным. Понимать, осознать. В контексте предложения лексема БУДУЩНОСТЬ реализует значения: 1. События будущего времени, состояние, положение чего-л. в будущем и 2) Дальнейшая судьба кого-л., чего-л. Последнее значение формируется с опорой на контекст употребления лексемы, а именно: *будущность зреет неотразимо*. Лексемы НЕОТРАЗИМО и НЕИЗБЕЖНО в этом случае следует рассматривать как синонимы. Однако лексема НЕОТРАЗИМО в контексте предложения может реализовывать и еще одно значение: 2. Оказывающий сильное воздействие, влекущий к себе, покоряющий чем-л., если речь идет о силе обаяния будущего, властно влекущего к себе человека.

В предложении (10) *Простите* лексема ПРОСТИТЬ может реализовывать значения 1. (несов. прощать) перех. и без доп. Снять какую-л. вину с кого-л., не поставить чего-л. в вину кому-л.; извинить. 3. повел. простим(те). Употребляется при обращении к кому-л. (иногда как вводное слово) для вежливого предупреждения или как выражение сожаления о причиненном беспорочестве, огорчении и т. п. 4. повел. простим(те). Устар. Употребляется как возглас при расставании, в значении: прощай(те).

В (14) предложении письма Тютчев использует известную формулу папского благословения *Urbi et orbi*, смысл которой определяется контекстом предыдущего предложения (13) *Простите, будьте счастливы и действуйте долго и успешно на пользу и благо вашей родины и всего славянского мира. Urbi et*

orbi, соответственно, — на весь мир, всему миру, всем и каждому. Как название торжественного папского благословения «*urbi et orbi*» может пониматься в значении благословляю.

Подобным образом нами была проанализирована контекстная семантика во всех предложениях письма. Явление совмещения значений не было выявлено в трех предложениях из пятнадцати: (11) — *На днях я отправляюсь на несколько месяцев*

в Россию; (13) Простите, будьте счастливы и действуйте долго и успешно на пользу и благо вашей родины и всего славянского мира; (15) Поручая себя вашей памяти и дружбе, с искренним почтением и преданностью честь имею быть, милостивый государь, ваш покорный слуга. Последние два предложения представляют собой типичные заключительные формулы эпистолярного жанра.

Библиографический список

1. Воронова, Н.Г. Асимметричный дуализм языкового знака и качество языковой способности // Современные проблемы лингвистики и лингводидактики: концепции и перспективы: материалы Второй междунар. заоч. научно-метод. конф. — Волгоград, 2012.
2. Воронова, Н.Г. Явление «некаламбурного совмещения значений» в текстах писем Ф.М. Тютчева // Языковая и речевая коммуникация в семиотическом, функциональном и дискурсивном аспектах: материалы Междунар. науч. конф. — Волгоград, 2012.
3. Воронова, Н.Г. Тип языковой способности автора народных мемуаров Ф.Г. Дмитриева // Казанская наука. — 2012. — № 11.
4. Бахтин, М.М. Собрание сочинений: в 7 т. — М., 1997. — Т. 2: Проблемы творчества Достоевского, 1929; Статьи о Толстом, 1929; Записки курса лекций по истории русской литературы, 1922-1927. — М., 2000.
5. Воронова, Н.Г. Лингвоперсоналогическое моделирование языковой способности // Вестник АлтГПА. — 2013.
6. Фесенко, О.П. Фразеология эпистолярных текстов А.С. Пушкина в семантическом, стилистическом и функциональном аспектах: дис. ... канд. филол. наук. — Омск, 2003.
7. Литвин, А.Ф. Многозначность слова в языке и речи: учеб. пособие для пед. вузов по спец. № 2103 «Иностр. яз.». — М., 1984.
8. Письмо Тютчева Ганке В., 16/28 апреля 1843 г. Мюнхен [Э/р]. — Р/д: <http://www.tutchev.com/pisma/ganke.shtml>
9. Большой толковый словарь русского языка под редакцией С.А. Кузнецова [Э/р]. — Р/д: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>
10. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка Т.Ф. Ефремовой [Э/р]. — Р/д: <http://poidslov.com/>
11. Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой [Э/р]. — Р/д: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov.htm>
12. Словарь русского языка: в 4 т. [Э/р]. — Р/д: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/15/ma264321.html>

Bibliography

1. Voronova, N.G. Asimmetrichniy dualizm yazykovogo znaka i kachestvo yazykovoy sposobnosti // Sovremennye problemy lingvistiki i lingvodidaktiki: koncepcii i perspektivy: materialy Vtoroy mezhdunar. zaoch. nauchno-metod. konf. — Volgograd, 2012.
2. Voronova, N.G. Yavlenie «nekalamburnogo sovmetheniya znacheniy» v tekstakh pisem F.M. Tyutcheva // Yazyikhovaya i rechevaya kommunikaciya v semioticheskom, funktsionalnom i diskursivnom aspektakh: materialy Mezhdunar. nauch. konf. — Volgograd, 2012.
3. Voronova, N.G. Tip yazykovoy sposobnosti avtora narodnykh memuarov F.G. Dmitrieva // Kazanskaya nauka. — 2012. — № 11.
4. Bakhtin, M.M. Sbranie sochineniy: v 7 t. — M., 1997. — T. 2: Problemih tvorchestva Dostoevskogo, 1929; Statyi o Tolstom, 1929; Zapiski kursa lekcij po istorii russkoy literatury, 1922-1927. — M., 2000.
5. Voronova, N.G. Lingvopersonologicheskoe modelirovanie yazykovoy sposobnosti // Vestnik AltGPA. — 2013.
6. Fesenko, O.P. Frazеologiya epiistolnykh tekстов A.S. Pushkina v semanticheskom, stilisticheskom i funktsionalnom aspektakh: dis. ... kand. filol. nauk. — Omsk, 2003.
7. Litvin, A.F. Mnogoznachnost slova v yazyke i rechi: ucheb. posobie dlya ped. vuzov po spec. № 2103 «Inostr. yaz.». — M., 1984.
8. Pismo Tyutcheva Ganke V., 16/28 aprelya 1843 g. Myunkhen [Eh/r]. — R/d: <http://www.tutchev.com/pisma/ganke.shtml>
9. Bolshoy tolkoviy slovar russkogo yazyhka pod redakciy S.A. Kuznecova [Eh/r]. — R/d: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>
10. Noviy tolkov-slovoobrazovatelnyy slovar russkogo yazyhka T.F. Efremovoy [Eh/r]. — R/d: <http://poidslov.com/>
11. Tolkoviy slovar russkogo yazyhka S.I. Ozhegova, N.Yu. Shvedovoy [Eh/r]. — R/d: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov.htm>
12. Slovar russkogo yazyhka: v 4 t. [Eh/r]. — R/d: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/15/ma264321.html>

Статья поступила в редакцию 05.05.14

УДК 82. — 801

Kozubovskaya G.P. MYTHOPOETICS OF N.V. GOGOL'S LANDSCAPE. The article deals with the specific features of N.V. Gogol's mentality, which has found place in the landscape of the book "Evenings on a Farm near Dikanka". The attention is paid to the vegetative symbolism. The paper shows that ambivalent semantics of vegetative imagery "frames" the plot forming "units", which are as "stitches" connecting both the worlds in N.V. Gogol's space and fragments of the text. Thus, rhymes of the plants join "crime" and "punishment" into a combined unit, they match "ends" and "beginnings" in the stories "May Night, or the Drowned Maiden", "St. John's Eve". Compositional gaps are filled in implicitly by given and actualized mythopoetical senses of vegetativity (the smell of a bird cherry tree is a sign of crossing the border of the worlds), and an enlarged detail of the world picture (a fern flower) has a prognostic function.

Key words: ambivalence, vegetativity, implicitness, mythopoetics, landscape, semantics, symbolism, N.V. Gogol.

Г.П. Козубовская, д-р филол. наук, проф. каф. литературы АлтГПА, г. Барнаул, E-mail: galina_mifo@mail.ru

МИФОПОЭТИКА ПЕЙЗАЖА Н.В. ГОГОЛЯ

В статье рассматривается специфика мышления Н.В. Гоголя, реализовавшаяся в пейзаже сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки». Уделено внимание вегетативной символике и показано, как амбивалентная семантика вегетативной образности «обрамляет» сюжет, формируя «узлы» — «швы», сопрягающие как миры в гоголевском космосе, так и фрагменты текста. Так, рифмы растений связывает в единый узел «преступление» — «наказание», сопрягают «концы» и «начала» в повестях «Майская ночь, или утопленница», «Вечер накануне Ивана Купала». Композиционные «лакуны» восполнены имплицитно заданными и актуализованными мифопоэтическими смыслами вегетативности (запах черемухи — знак пересечения границы миров), а укрупненная деталь в картине мира (цветок папоротника) выполняет прогностическую функцию.

Ключевые слова: амбивалентность, вегетативность, имплицитность, мифопоэтика, пейзаж, семантика, символика, Н.В. Гоголь.

Известно, что в сборнике «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголь реализовал возможность бегства от угнетающей его петербургской реальности. Уже в письмах этого периода оформляется мифопоэтическая модель действительности. Так, надоевший северный пейзаж наделяется «болотными» коннотациями («серое, почти зеленое северное небо» – Н.И. Дмитриеву от 20 июля 1832 г.) [1, X, с. 240]), а сам отъезд из Петербурга вписывается в архетипический сюжет преследования («...те однообразно печальные сосны и ели, которые гнались за мною по пятам от Петербурга до Москвы» [1, X, с. 240]).

Летний Петербург («...столица пуста и мертва, как могила, ... громады домов с вечно раскаленными крышами одни только кидаются в глаза, и ни деревьев, ни зелени, ни одного прохладного местечка, где бы можно было освежиться!» [1, X, с. 167]) ассоциируется с «гиблым местом», отсылая к архетипическому сюжету об утоплении («...я был утопающий, хватившийся за первую попавшуюся ему ветку» [1, X, с. 167]). Искривленный фразеологизм («хвататься за соломинку», где «соломинка» замещается «веткой»), заостряет в оппозиции мертвого / живого именно «живое».

«Сад» – топос, объединяющий полярные пространства, в какой-то степени примиряющий со столицей. В ностальгических воспоминаниях о детстве одно из самых ярких – весенняя работа в саду: «... Живо помню, как бы<ва>ло с лопатой в руке глубокомысленно раздумываю над изломанною дорожкой... Я и теперь такой же, как и прежде, жаркий охотник к саду» (М.И. Гоголь от 1827-го года. Марта 24-го. Нежин [1, X, с. 90]). Садовник – демиург, изменяющий мир, – одно из наименований Бога-отца. В письме к матери Гоголь не забывает упомянуть о питерском садовнике, чьи достоинства отмечены заморскими гостями: «Турецкие посланники прибыли сюда благополучно и не нахвалялись учтивостью и ловкостью нашего садовника – форрейтора Павла» (сохраняется орфография Гоголя. – Г.К.) [1, X, с. 167].

Специфика гоголевского пейзажа предопределяется его страстной любовью к природе: «Может быть, нет в мире другого, влюбленного с таким исступлением в природу, как я. Я боюсь выпустить ее на минуту, ловлю все движения ее, и чем далее, тем более открываю в ней неувиданных прелестей» [1, X, с. 242]. Здесь, по сути, сформулирован творческий принцип писателя.

Вегетативная символика в повести-увертуре «Сорочинская ярмарка» – рамка для всего сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки»: повторы растений формируют музыкальные мотивы, оформляющие художественную концепцию целого. Амбивалентная семантика вегетативной образности задает композиционный контрапункт повести, обозначив доминанты сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки». Так, например, подсолнечник с его желтыми листьями амбивалентен в силу тягущихся в нем историко-культурных смыслов. Согласно одной из версий греческого мифа, Клития, дочь царя Вавилона, покинутая богом-солнцем Аполлоном, из ревности убила свою сестру Левкою, и отвергнутая богом, медленно умирала, превратившись в цветок, который всегда поворачивает свой лик к солнцу [2]. Другой миф связывает происхождение подсолнуха с водяной нимфой Клитией: выброшенная из прохладных глубин на берег песчаного острова, она, залюбовавшись солнцем, превратилась в подсолнух – цветок солнца, чей цвет отражает золотое солнечного диска и каждый день следует за его движением [2]. В гоголевском мире важен мотив тяги к солнцу, снимающий другой, – мотив горечи от любви.

Наиболее насыщена в вегетативном плане повесть «Майская ночь, или Утопленница». Скрытая семантика деревьев «обрамляет» сюжет, формируя «узлы» – «швы», сопрягающие как миры в гоголевском космосе, так и фрагменты текста, плетущего ассоциативной символикой.

В повести функция деревьев неоднозначна: с одной стороны, они являются природными двойниками персонажей (Ганна – вишня, Левко – дуб и т.д.), с другой, – оформляют сюжет, задавая смыслы, имплицитно присутствующие в символике растений.

Вишня обозначает «женскую» ипостась мира: признанием в любви служила ветка цветущей вишни. В мифопоэтической традиции вишня – райская ягода (см. картины с изображением Мадонны, где младенец держит в руках вишню – знак райских блаженств [3]). Так, через актуализацию культурной символики обозначается божественный ракурс природы. Дуб в легенде

о Панночке – дерево-лестница к небу и лестница Бога, спускающегося на землю, – вводит мотив недостижимой мечты о гармонии. Дуб в повести, с одной стороны, аналог мирового дерева (дуб – священное дерево у древних славян), с другой стороны, – дерево Левко, его природный двойник (дуб в фольклорно-мифологической традиции – символ стойкости и выносливости).

Рифмовка двух растений (зеленый тростник и колючий терновник, по которому ходила панночка) связывает в единый узел «преступление» и «наказание» как важнейшие «события» повести.

Тростник в мифопоэтической традиции – растение, из которого изготавливали различные духовые музыкальные инструменты (см., напр., свирель Пана). Эта семантика отсылает и к волшебным сказкам, где дудочка из тростника разоблачает злодея-преступника. В фольклорно-мифологической традиции тростник – символ очищения; суеверия приписывали ему способность защитить от ведьм [4, с. 379]. Возможно, поэтому русалки хотели использовать плетень из тростника для наказания ведьмы.

Колючий терновник, по которому ходила панночка, ранит ее, причиняя боль. По наблюдениям Л.А. Софроновой, «терновник и другие колючие кустарники и травы, затрудняющие путь, – не что иное, как знаки опасного пространства» [5, с. 222]. Терновником отмечена граница миров. Ключ к этому в античной мифологии: терновник – священное растение бога Януса-бога входа и выхода, всякого начала [6, с. 100]. С мотивом границы связано и другое значение – библейское. Терновник – не что иное, как неопалимая купина. Неопалимая купина – горящий, но несгорающий куст изображает Огненного Ангела, который предстал перед Моисеем. В средневековой христианской иконографии горящий куст может символизировать непорочность Девы Марии [4, с. 236].

Немаркированный сон Левко (очевиден архетип путешествия в иные миры) дешифруется за счет актуализации ассоциативных смыслов растительности. Упоминаемый именно в этот момент дурманящий запах цветущих растений («Запах от цветущих яблонь и ночных цветов лился по всей земле» [1, I, с. 175]) – знак пересечения границы миров. У восточных народов черемуха – вишня – сакура – связываются с местом пребывания душ умерших. Любование растениями – разговоры с душами умерших. Эти значения актуализованы в тексте [6].

В центре описания украинской ночи – темный пруд, окруженный черемухами и черешнями: «...девственные чащи черемух и черешен пугово протянули свои корни в ключевой холод и изредка лепечут листьями, будто сердясь и негодуя, когда прекрасный ветренник – ночной ветер, подкравшись, мановенно целует их» [1, I, с. 160]. В персонифицированном описании природы – имплицитное присутствие древних мифов о метаморфозах. Так, например, упоминание черемухи и соловья, раскаты которого слышались в чаще леса, отсылает к легенде о непостоянном соловье, которого терпеливо ждала черемуха, забывая об обидах и наслаждаясь его пением [7, с. 109]. Оживление легенды в тексте повести – знак пересечения персонажем границы миров.

В семантике деревьев (кудрявые яблони, ореховая роща, спускающаяся к пруду, верба) заложен мотив смерти: так оформляется сюжет о Панночке. Так, в античной мифологии Мелос, Яблоня, опечалившись смертью своего друга Адониса, повесилась на дереве, которое называли его именем [7, с. 114]. Ива-верба сохраняет в повести несколько значений: ее связывали с горем и потерей любви, ива – символ печали, у христиан – символ смерти; у древних греков ива была посвящена богине колдовства Гекате [7, с. 24].

Орех в мифологиях приобретает различные значения. По русским легендам, это место пребывания нечисти [7, с. 78]. Так, текст повести возвращает к эпиграфу: «Чёрт его знает! Начнут что-нибудь крещёные люди делать, мучаются, терзаются словом гонимые за зайцем, а всё нет толку; уж куда чёрт вмешается, верть хвостиком – так и не знаешь, откуда оно и возьмётся, как будто с неба» (см. перевод с украинского в примечаниях; [8, 1, с. 357]), в котором упоминается чёрт, возможно, имеющий отношение к счастливой развязке событий. По античной легенде в ореховое дерево Дионис-Вакх обратил свою возлюбленную по имени Кария, неожиданно ушедшую в мир иной. Нимфы ореховых деревьев – кариатиды [7, с. 78]. Накопление «культурных» смыслов через актуализацию мифов о превращениях в деревья, связанных с мотивами преданности, верности, «прогнозирует» ту часть сюжета, где Левко помогает Панночке. Согласно наблюде-

ниям С.А. Гончарова, Панночка и Ганна соотносятся как двойники, Панночка – душа Ганы [9, с. 57–63].

Русалки-утопленницы – «...*легкие, как будто тени*», «...*в белых как луг, убранный ландышами, рубашках*» [1, I, с. 177]. В повести ландыш – цветок смерти (белый луг – заветский мир). С ландышами связано ощущение непрочности и недолговечности бытия. Одно из значений опирается на сказание о Пресвятой Деве: которая в лунные ночи, окруженная венцом из блестящих, как серебро, ландышей, появляется иногда тем из счастливых смертных, которым готовит какую-нибудь нечаянную радость [10]. Так, ландыши на мифопоэтическом уровне прогнозируют счастливый финал Левко и Ганы, необъяснимый с точки зрения здравого смысла.

Функция растительности в повести «Вечер накануне Ивана Купала» заключается в сопряжении «концов» и «начал».

Подобно орнаменту, растительность у Гоголя пронизывает человеческую телесность. Так, в описании красоты Пидорки присутствуют вегетативные сравнения «...*полненькие щечки козачки были свежи и ярки, как мак самого тонкого розового цвета*...» [1, I, с. 142]. Культурные смыслы мака создают подтекст, расшифровывающий сюжет. Согласно мифу, сорванный Персефой цветок мака – знак катастрофы: она была похищена мрачным Аидом. Для богини Деметры мак оказался единственным цветком, радующим глаз в ее почти бесплодных поисках дочери: он превратился в символ возрождения после смерти, символ утешения [7, с. 66]. В то же время мак – цветок Морфея [7, с. 66]: сновидным стало существование Пидорки, да и самого Петра, продавшего душу дьяволу. Мак задает будущую судьбу Ивана, прогнозируя его смерть в финале.

Сюжет повести обретен чертовщиной: все ее события предварены упоминанием черта, в конце повести черт жалобно всхлипывает в своей конуре. Кроме того, вмешательством черта («*лукавый дернул*» [1, I, с. 143] – так объясняет рассказчик поцелуй Петруся, и обобщение, касающееся женской природы: «...женщине, сами знаете, легче поцеловаться с чертом» [1, I, с. 142]) провоцирует последующие события. «Черт» присутствует в пьянстве Петра. Вино – огненный напиток, неслучайны сравнения водки с «горькими» растениями: «*Водка щипала ему за язык, словно крапива, и казалась ему горькие полыни*» [1, I, с. 144]. Согласно поверью, крапива обладает божественной силой оберега от ведьм и от нечистой силы [7, с. 52]. В русском фольклоре полынь – тоже оберег от нечисти [7, с. 86]. Удвоенное сравнение – символический знак, предупреждение Петру.

В сюжете повести с вегетативностью связаны полярные тенденции: терновник препятствует Петрусью, цветок папоротника – заманивает вглубь леса [7, с. 81].

Папоротник занимает центральное место в повести: в укрупненной детали в свернутом виде содержится весь сюжет. Н.В. Гоголь использовал это старинное народное предание о папоротнике, в котором волшебный цветок распускается раз в году в ночь на Ивана Купала, когда происходит летнее солнцестоя-

ние. На Руси папоротник называли разрыв-травой. Предания гласили, что это растение способно разорвать любые пути и кандалы. Она помогает преодолеть любые препятствия, которые злая нечистая сила возводит у человека на пути [11].

Пространство в повести двоится: обычный мир и Медвежий овраг, где обитают нечистые силы. Срывание цветка – пересечение границы миров, приобщение к инобытийному миру: «...и *почудилось ему* (Петрусью. – Г.К.), *будто трава зашумела, цветы начали между собою разговаривать голосом тоненьким, будто серебряные колокольчики*» [1, I, с. 146]. В преображенном ночном мире правит баба яга. Именно здесь цветок, подброшенный Петром, казался огненным шариком посреди мрака, упал как маковое зернышко. С маком связана семантика несостоявшегося, мнимого возрождения. Огненная символика цветка папоротника рассыпана по тексту повести.

Гоголь обыгрывает народное поверье. Цветущий папоротник приносит богатство, но при этом отбирает счастье, которое с ним несовместимо. Само цветение папоротника символизирует зарождение и развитие греха. Петрусью, срывая этот грех, вбирает его в себя, что и осуществляет в преступном действии – убийстве ребенка. Созерцание цветка, отдача себя во власть ведьмы – не что иное, как накопление зла в душе Петруся. Обретенный клад напрямую связан со злом: «огонь» и «пепел» – две стороны «горения» – обратимы в двуедином мире. Папоротник в повести – синоним смерти. Красный цвет папоротника обладает дьявольским смыслом, «красное» оказывается одновременно и цветом крови невинно убиенного Петруся, и дьявольским соблазном, и цветом зла.

Искашая Пидорка (цветок папоротника словно забрал ее красоту) решает попробовать последнее средство. В сюжете наблюдается удвоение: любящая женщина для спасения Петра повторяет его путь к Медвежьему оврагу. Только пути их разнятся: мужской путь – для обретения счастья, женский – жертвенный – для спасения возлюбленного.

Возвращение памяти сопровождается характерным жестом Петруся: он запускает топором в старуху, узнав в ней виновницу своих несчастий. Дубовая дверь как граница остановила топор, отворив «закрытое» и «тайное». Залитый кровью Ивась и красный свет, осветивший хату, – отзвуки цветка и связанного с ним преступления. В народном предании важно нанесение боли самому себе: добывший цветок сам себе должен сделать рану. У Гоголя ребенок – родной брат Пидорки и будущий брат Петра – как часть его и ее – принесен в жертву. Возвращение памяти – запоздалая оглядка – сопровождается сгоранием Петра: от него остался лишь пепел: так отозвалась огненная семантика цветка, где черепки заменили богатство, обретенное через потерю души.

Цветок папоротника таит в себе ядро сюжета: именно отношение к цветку предопределяет развитие сюжета. Так, укрупненный элемент картины мира, обнажая ее двоимире, реализует свою амбивалентность, выстраивает сюжет об отклонении от правильного пути.

Библиографический список

1. Гоголь, Н.В. Полное собрание сочинений: в 14 т. – М.; Л., 1940. – Т. 10. Письма, 1820–1835.
2. Язык цветов [Э/р]. – Р/д: <http://bolshoyforum.com/forum/index.php?action=printpage; topic=21040.0>. (19. 05. 2014).
3. Greif, Peter. Simbolorum. Опыт словаря символов [Э/р]. – Р/д: krotov.info/libr_
4. [Э/р]. – Р/д: min/04_g/ri/f.html.
5. Тресиддер, Дж. Словарь символов. – М., 1999.
6. Софронова, Л.А. Мифопоэтика раннего Гоголя. – СПб., 2010.
7. Сакура [Э/р]. – Р/д: zelenazona.com.ua/sakura.html
8. Флора и Фавн: мифы о растениях и животных / сост. В. Федосеенко. – М., 1998.
9. Гоголь, Н.В. Собр. соч.: в 6 т. – М., 1959. – Т. 1.
10. Гончаров, С.А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. – СПб., 1997.
11. Легенды и сказки о растениях [Э/р]. – Р/д: flower.wcb.ru/lofiversion/index.php/t1561.html.
12. Легенды и поверья о пальмах и папоротниках [Э/р]. – Р/д: fialka.tomsk.ru/forum/viewtopic.php?f=34&t=21542

Bibliography

1. Gogolj, N.V. Polnoe sobranie sochinenij: v 14 t. – M.; L., 1940. – T. 10. Pisjma, 1820–1835.
2. Yazhik cvetov [Eh/r]. – R/d: <http://bolshoyforum.com/forum/index.php?action=printpage; topic=21040.0>. (19. 05. 2014).
3. Greif, Peter. Simbolorum. Opiht slovary simvolov [Eh/r]. – R/d: krotov.info/libr_
4. [Eh/r]. – R/d: min/04_g/ri/f.html.
5. Tresidder, Dzh. Slovarj simvolov. – M., 1999.
6. Sofronova, L.A. Mifopoehtika rannego Gogolya. – SPb., 2010.
7. Sakura [Eh/r]. – R/d: zelenazona.com.ua/sakura.html
8. Flora i Favn: mifih o rasteniyakh i zhivotnihkh / sost. V. Fedoseenko. – M., 1998.
9. Gogolj, N.V. Sobr. soch.: v 6 t. – M., 1959. – T. 1.
10. Goncharov, S.A. Tvorchestvo Gogolya v religiozno-misticheskom kontekste. – SPb., 1997.
11. Legendih i skazki o rasteniyakh [Eh/r]. – R/d: flower.wcb.ru/lofiversion/index.php/t1561.html.
12. Legendih i poverjya o paljmax i paporotnikakh [Eh/r]. – R/d: fialka.tomsk.ru/forum/viewtopic.php?f=34&t=21542

Статья поступила в редакцию 19.05.14

УДК 821.161.1

Kolmakova O.A. THE PHENOMENON OF "THE TIME OF CRISIS" IN THE MODERN RUSSIAN PROSE. In the Russian prose of the late XX century, the aesthetic dimension of the crisis as a cultural gestalt is determined by its sociopolitical and psychological nature.

Key words: modern Russian prose, crisis time, crisis experience.

О.А. Колмакова, канд. филол. наук, доц. каф. русской и зарубежной литературы Института филологии и массовых коммуникаций Бурятского гос. университета, г. Улан-Удэ, E-mail: post-oxugen@mail.ru

ФЕНОМЕН «КРИЗИСНОГО ВРЕМЕНИ» В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ

В русской прозе конца XX в. эстетическое измерение кризиса как культурного гештальта определяется его социально-политической и психологической природой.

Ключевые слова: современная русская проза, кризисное время, кризисное переживание.

Применительно к художественной литературе понятие «кризисное время» выступает в двух аспектах: формальном и содержательном. «Кризисное время» является одним из вариантов организации художественного времени, «переживаемого» литературным героем. Однако «кризисное время» – это еще и наиболее адекватная характеристика эпохи, в которую создавались и которую воссоздавали литературные произведения конца XX – начала XXI вв.

«Кризисное время» в его объективном, не связанном с восприятием персонажа, аспекте определяется социокультурной ситуацией рубежа XX–XXI вв., обозначенной учеными как эпоха кризиса – перманентно воспроизводящейся экстраординарной ситуации. Кризисный, переходный период характеризуют состояния отчужденности, неопределенности и разочарования, чувства духовной и эмоциональной катастрофы. Мир в конце XX – начале XXI вв. переживает период непрерывного технологического и экономического обновления и социокультурной реструктуризации. Отсутствие стабильности, «переходность» характеризуют весь период существования постиндустриальной цивилизации. Поэтому сфера внимания философов, культурологов, историков, социологов, политологов, экономистов связана с изучением современного общества как «транзитивно-революционного».

Рассматривать «кризисное время» в современной русской прозе невозможно без привлечения контекста социокультурного кризиса, охватившего все сферы российской жизни конца 1980-х – начала 2000-х гг. Русские писатели конца XX в. обнаруживают общее стремление запечатлеть свою эпоху через адекватное ей неструктурированное, «лабиринтное» сознание – дисгармоничное, болезненное, безумное. Сквозной в современной прозе становится идея деструкции человека и мира, которая находит свое выражение в мотивах внутреннего разлада, отчуждения, болезни, смерти, разного рода уродств и деформаций.

Кульм жизни вне ее смысла стал одним из наиболее опасных проявлений современной кризисной цивилизации. Процесс деструкции смысловой сферы запечатлен русскими писателями в ряде устойчивых экзистенциальных мотивов: «тревоги», «страха», «стресса», «маргинальности», которые являются сюжетно-образующими в произведениях Л. Петрушевской («Время ночь»), О. Славниковой («Стрекоза, увеличенная до размеров собаки»), А. Королева («Эрон») и др.

Кризисные переживания литературного героя конца XX столетия обусловлены также и психологической природой кризиса. Как указывал Э. Эриксон, «кризис теперь понимается как неизбежный поворотный пункт, критический момент, после которого развитие повернет в ту или иную сторону, используя возможности роста, способность к выздоровлению и дальнейшей дифференциации» [1, с. 25]. Психологические исследования кризисных состояний стали основанием для экзистенциалистской философской концепции кризиса как свойства человеческой природы вообще, как условия человеческого бытия. В кризисные моменты жизнь проживается человеком с особой интенсивностью, что позволяет ему взять свою экзистенцию на себя. Это означает, что личность должна изменить способ своего бытия, отношение к себе и миру, к основным экзистенциальным дилеммам.

В качестве основной составляющей кризисного переживания философы-экзистенциалисты выделяют потерю, приводя-

щую, по В. Франклу, к «экзистенциальному вакууму». В современной прозе частотным является образ героя, стремящегося восполнить, вернуть нечто утраченное: собственную цельность, подлинную реальность, смысл. Так, повесть В. Маканина с характерным названием «Утрата» посвящена поиску смысловых ориентиров в современной и исторической реальности. А в романе Ю. Мамлеева «Блуждающее время» герой, находящийся в поиске собственного сына и любимой женщины, в финале умирает, но испытывает перед этим необыкновенное чувство полноты бытия, оправдывающее всю его предыдущую жизнь.

Кризисное сознание искажает характеристики пространства и времени: «пространство сужается, утрачиваются устойчивые ориентиры и привычные опоры» [2, с. 34]. Приоритет внутреннего времени над внешним в состоянии кризиса приводит, в частности, к тому, что человек «интериоризирует бессмертную идентичность, ранее спроецированную им на небеса» [1, с. 49]. Поэтому в современных художественных произведениях категория вечности становится максимально субъективизированной. К примеру, герои Ю. Мамлеева открывают «запредельное вечное» в самих себе. То же открытие делает и персонаж романа Л. Петрушевской «Номер Один, или В садах других возможностей», сумевший противопоставить ледяной вечности небытия мир своей семьи, теплоту простых человеческих отношений.

Одним из важнейших психологических аспектов кризиса является кризис идентичности, понимаемый как конфликт между сложившейся конфигурацией элементов идентичности и способом ее самовыражения в поведении. «Кризис идентичности» становится сквозной темой русской прозы 1990-х гг., а мотивы сумасшествия (шизофрении) и метаморфозы раскрывают этот феномен как область принципиально неустойчивых образований и сферу проявления латентных механизмов сознания. Кризис identity – основная тема романов В. Пелевина. Отыскать подлинную реальность в насквозь иллюзорном мире и обрести подлинного себя пытаются Петр Пустота, страдающий «раздвоением ложной личности» («Чапаев и Пустота»), лисица-оборотень Алиса Ли, имеющая несколько «внутренних голосов» («Священная книга оборотня»), Вавилон Татарский, отождествивший себя с тридцатью птицами («Generation "П"») и др.

Состояние кризиса актуализирует в человеке эсхатологические, иррациональные пласты сознания. Художественную экспликацию бессознательного в человеческом «Я» М.М. Бахтин определил как обращение к «темной памяти» о космических потрясениях прошлого и будущего [3, с. 371]. Иррациональное, творческое сознание наиболее адекватно характеризует образ человека конца XX столетия. Как пишет Н.А. Хренов, «творец, погружающийся перед новым обретением себя в сверхчувственном мире в хаос, становится ведущей фигурой переходной эпохи» [4, с. 97]. Причастный к искусству герой, пусть и в гротескном облике, является сквозным в современной русской прозе. В галерею персонажей-творческих личностей входят поэты – Ленека («Лимпопо» Т. Толстой), Анна Андриановна («Время ночь» Л. Петрушевской), Петр Пустота («Чапаев и Пустота» В. Пелевина); писатели – Петрович («Андеграунд, или Герой нашего времени» В. Маканина), Михаил Шишкин («Взятие Измаила» М. Шишкина), лейтенант Королев («Быть Босхом» А. Королева), музыканты – Александр Глостер («Ноги» М. Елизарова), Рома («Слепой музыкант» М. Шишкина) и др.

Наряду с иронией, гротеском, экзистенциальной и иррациональной образностью одним из ведущих средств художественного воплощения кризиса является особая организация пространства-времени, обозначенная М.М. Бахтиным как «хронотоп порога». Семантика данной разновидности хронотопа, по определению исследователя, включает значения «кризиса», «жизненного перелома», «меняющего жизнь решения» [5, с. 397]. Хронотоп кризиса, по М.М. Бахтину, помимо деструктивных смыслов («кризис», «падение») содержит и конструктивный потенциал («воскресение», «обновление», «прозрение»), что в русской классической литературе наиболее последовательно воплощено в романах Ф.М. Достоевского. В поэтике хронотопа у Достоевского Бахтин выделяет ряд метафорических и символических «топосов» – «порог», «лестница», «передняя», «коридор», «улица», «площадь», которые «являются главными местами действия в его произведениях, местами, где совершаются события кризисов» [5]. Характеризуя хронотоп кризиса, М.М. Бахтин обращает внимание на специфику времени в нем, которое «в сущности, является мгновением, как бы не имеющим длительности и выпадающим из нормального течения биографического времени» [5]. Если биографическое время исследует процесс жизни персонажа (иногда от рождения и до самой смерти), то «кризисное время» становится событийно-психологическим, изображающим переживание героем (или повествователем) коротких временных интервалов.

Вслед за Достоевским, модель «кризисного хронотопа» воплощают в своих произведениях современные писатели. Так, в поэтике Л. Петрушевской время «здесь и сейчас» часто является более значимым, чем прошлое, а иногда и будущее героя. Появляется мотив мига, минуты, определяющей всю жизнь героя. В повести «Время ночь» кульминационным моментом во взаимоотношениях матери и дочери является такая минута. «Как я жила! Мама!» – восклицает вернувшаяся домой Алена. «Одна минута между нами, одна минута за три последних года», – размышляет Анна Андриановна [6, т. 1, с. 385]. Эта минута подсвечена христианской символикой – сценой покаяния блудного дитя перед родителем, любящим его несмотря ни на что.

Особая акцентуация определенного момента времени, «секунды» характеризует время героя в романе В. Пелевина «Чапаев и Пустота». Петр Пустота постигает, что единственной подлинной ценностью в пустоте реального бытия является миг, «секунда»: «...я подошел к ближайшему коню, привязанному к вбитому в стену кольцу, и запустил пальцы в его гриву. Отлично помню <...> ощущение полноты, окончательной реальности этого мига. И хоть оно длилось всего одну короткую секунду, я в очередной раз успел понять, что эта полная и настоящая жизнь никогда не длится дольше в силу самой своей природы» [7, с. 221]. Так, антитезой реальности, далекой от совершенства, оказывается космос отдельной «собственной вселенной» героя.

В истории русской прозы XX в. изображение кризисного времени героя характеризует не только произведения 1990-2000-х, но и 1920-1930-х гг. Русская литература 1920-1930-х гг. находится в сходной, что и в конце XX в., ситуации кризиса, обусловленной социально-политическими переменами. На рубеже 1920-1930-х гг. происходят события, положившие конец эпохе идейно-стилевого плюрализма в искусстве: власть начинает активно преследовать не только идеологическое, но и эстетическое инакомыслие. 1929 г. становится годом «великого перелома» в литературном процессе: в этот период начинается унификация литературы под давлением коммунистической идеологии. Подобные «переломные» процессы, вектор которых направлен в противоположную сторону, характеризуют и ситуацию конца XX в., когда литература освобождается от советских догм и вступает в период нового эстетического плюрализма.

«Кризисное время» стало ведущей формой организации хронотопа в русской модернистской прозе у таких писателей, как Е. Замiatин, И. Бабель, Ю. Олеся, М. Булгаков, М. Зощенко, А. Платонов и др. Общность их художественного «языка», проблематики и образов персонажей связана с единым социально-историческим контекстом и общими ценностно-мировоззренческими установками. Если пафос официальных советских произведений был исключительно героико-романтический, позитивный, то авторы-модернисты наполняли свое творчество inferнальными смыслами, представляя драму новой советской эпохи проявлением трагизма и абсурда, свойственного мироознанию в целом. По мнению С.С. Имихеловой, «картина мира выглядит едва ли не одинаковой и в прозе 30-х гг. и в прозе Л. Петрушевской, Т. Толстой, В. Пьецуха, других современных авторов <...> Атмосфера эмоциональной нищеты, духовного голода, потеря индивидуального, тяготение к стандартному, трафаретному воспроизведены в творчестве А. Платонова, Л. Добычина <...> В сущности, они, как и Хармс с Зощенко, воплотили свой страх и ужас от всеобщей омассовленности» [8, с. 37].

Итак, в современной русской прозе находят свое отражение кризисные процессы истории и культуры. Политическая, социальная и психологическая аномия пронизывает все уровни жизни «кризисного человека», погружая его в сферу потрясений и катастроф. Однако в эпоху кризиса, наряду с поиском новых духовно-нравственных ориентиров, активизируются механизмы ретрансляции культурной памяти, осуществляющиеся, прежде всего, в пространстве искусства. Произведения русских писателей характеризует глубокое понимание сущности и причин социокультурного кризиса, а также поиск путей выхода из него. Кризисное художественное сознание не просто фиксирует социокультурные противоречия, но вводит их в определенную аксиологическую систему координат, превращая в новую духовную реальность.

Библиографический список

1. Эрикссон, Э. Идентичность: юность и кризис. – М., 1996.
2. Жедунова, Л.Г. Психология личностного кризиса: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – Ярославль, 2010.
3. Бахтин, М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М., 1990.
4. Хренов, Н.А. Социальная психология искусства: переходная эпоха. – М., 2005.
5. Бахтин, М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М., 1975.
6. Петрушевская, Л.С. Собр. соч.: в 5 т. – Харьков, 1996.
7. Пелевин, В. Чапаев и Пустота. Желтая стрела. – М., 1999.
8. Имихелова, С.С. Своеобразие художественного метода в «авторской» прозе и драматургии 1960-1980-х годов (на материале русской и бурятской литературы): дис. ... д-ра. филол. наук. – Улан-Удэ, 1996.

Bibliography

1. Ehrikson, E. Identichnostj: yunostj i krizis. – M., 1996.
2. Zhedunova, L.G. Psikhologiya lichnostnogo krizisa: avtoref. dis. ... d-ra psikhol. nauk. – Yaroslavl, 2010.
3. Bakhtin, M.M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa. – M., 1990.
4. Khrenov, N.A. Social'naya psikhologiya iskusstva: perekhodnaya epokha. – M., 2005.
5. Bakhtin, M. Voprosih literaturih i ehstetiki. Issledovaniya raznihkh let. – M., 1975.
6. Petrushevskaya, L.S. Sobr. soch.: v 5 t. – Khar'kov, 1996.
7. Pelevin, V. Chapaev i Pustota. Zheltaya strela. – M., 1999.
8. Imikhelova, S.S. Svoeobrazie khudozhestvennogo metoda v «avtorskoj» proze i dramaturgii 1960-1980-kh godov (na materiale russkoj i buryatskoj literatur): dis. ... d-ra. filol. nauk. – Ulan-Udeh, 1996.

Статья поступила в редакцию 16.04.14